

LE MESSAGE

ВЕСТНИК

**РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ**

147

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

ВЕСТНИК РХД №147

II - 1986

LE MESSENGER

Périodique édité par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Князев,
прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки на 1986 год (3 выпуска) :

— с пересылкой обыкновенной почтой (*Sea Mail*) — 240 фр. / \$ 35
— воздушной почтой (*AIR MAIL*) — 300 фр. / \$ 40

Цена отдельного номера : 80 фр. / \$ 12 (без пересылки)

Чеки в

4001511

РУС

НИЯ

LE MESSENGER

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
Н. РАДИЩЕВСКАЯ, 2
915-10-73

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

147

БИБЛИОТЕКА-ФОНД
«РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ»
МОСКВА, НИЖНЯЯ РАДИЩЕВСКАЯ 2
4001511

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 147

II - 1986

ОТ РЕДАКЦИИ

Правдобоязнь

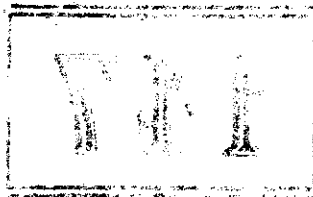
До нас иногда доходит из России мнение, как будто искреннее, что "Вестник" напрасно занимается политикой: мол, он должен ограничиваться только духовным и богословским, так как читатель в России ищет только единого на потребу — духовная литература хотя формально не под запретом (т.е. не подпадает под уголовный кодекс), но тем не менее ненаходима.

Упрек мы вынуждены решительно отвергнуть, как фактически и принципиально необоснованный. Политике как таковой, т.е. соотношению мировых сил или вопросам общественного устройства, "Вестник" уделяет, увы, совсем мало места. Но в этом нет никакой заслуги, наоборот: вопросы земного устройства касаются совести каждого из нас.

Христианство — религия воплотившегося Бога — никогда не проповедовало полного отказа от мира, еще меньше — гнушения им. Разумеется, в самой близости к центру-Христу "отлагается всякое земное попечение", а в самые сокровенные моменты "молчит всякая плоть человека". Но разрыв с миром, временный, всегда предполагает возврат к нему, и даже больше — посланничество. Разрыв не есть отказ: общеизвестно, сколько цивилизации обязаны труду и творчеству отрешенных от мира монахов.

Различные области человеческой жизнедеятельности — семья, культура, полис — т.е. общественность в ее разнообразных проявлениях — располагаются концентрическими кругами вокруг центра и предназначены в неравной степени, в меру отдаления, пронизываться его лучами: в высших своих проявлениях семья, культура могут быть образами рая, полису-граду никогда не изжить из себя какой-то доли зла.

Св. Сергей Радонежский послал на Куликовскую битву двух чернецов; иконы предшествовали войскам; ближе к нам, митр. Московский Сергей выступил, хотя и был гонимым, за десять дней до Сталина, с призывом обороняться против врага; Московская Патриархия развивает широкую политическую деятельность, и формально она в этом права: голос Церкви *должен* звучать

Copyright © Le Messager. Paris 1986

COMMISSION PARITAIRE
N° d'inscription 620 16

в современном мире. Трагедия только в том, что Церковь говорит не своим голосом, не сообразуясь с правдой, а, страха ради иудейска, повинувшись государству, чьи установки в основе ей противоположны.

Услышим ли мы голос Церкви — утешения, но и предостережения — в связи с ядерной катастрофой в Чернобыли? Из Польши сразу пришло мистическое истолкование: Чернобыль означает польнь, не образ ли это Звезды Польнь, что в Апокалипсисе пала на землю и отравила воды? (Ап. 8.10-11).

Всякое сопоставление с Апокалипсисом, частного с общим, временного с конечным, следует принимать условно. Но надо уметь распознавать знаки. Катастрофа произошла вблизи от Киева, омертвив (на сколько лет?) целую область накануне торжественно-грозного юбилея крещения киевлян (этим летом в Киеве уже намечалась международная конференция в преддверие тысячелетия).

Чернобыльская катастрофа, страшная сама по себе, как угроза отравления человечества успехами техники и хищническим ее использованием (атомные реакторы в СССР не ограждены бетонными стенами экономии ради), вскрыла одну из роковых язв советской системы: ее панический страх гласности, ее врожденную правдобоязнь. Не будь Чернобыль близка к западным границам — и мир о ней бы почти ничего не узнал (как почти ничего не известно о катастрофах в Челябинске или на Северном море). СССР — страна, которая не знает себя, которая боится знать о себе. Она скрывает правду о своем прошлом (террора, ГУЛага, геноцида не было), замалчивает правду о настоящем (катастроф, несправедливостей, репрессий не бывает). Слепя себя, она готовит себе будущее, неизбежно чреватое катастрофами, ибо не видит, куда идет.

Без гласности, а тем самым — без правды, нет сколько-нибудь здоровой государственности, нет достойного общежития.

Общественная совесть, и в первую очередь — христианская, должна неустанно об этом напоминать.

Никита Струве

Богословие, Философия

Прот. Георгий БЕНИГСЕН

МОЛИТВА ГОСПОДНЯ

Из евангельского повествования видно, что Господь Иисус Христос много времени проводил в молитве. Для нас это звучит странно: о чем мог молиться Бог? И кому? Для нас молитва привычна как возможность просить Бога о чем-то важном для нас. Молитва благодарственная и славословная занимают гораздо менее значительное место в нашей духовной жизни, чем просительная. Христос, однако, знал все три вида молитвы: просительную — "Отче! пронеси чашу сию мимо Меня"; благодарственную — "Отче! благодарю Тебя, что Ты услышал Меня"; славословную — "Отче! прославь имя Твое". Молитва для Христа была возвращением в лоно Отчее, в лоно Святой Троицы, откуда пришел он на землю стать Человеком.

Апостол и евангелист Лука рассказывает, что, когда Христос "в одном месте молился и перестал, один из учеников Его сказал Ему: "Господи, научи нас молиться". Иисус "сказал им: когда молитесь, говорите: "Отче наш, сущий на небесах..." — и дал им, а вместе с ними и всем нам, основную молитву всего христианства: Так как молитву эту вручил человечеству Сам Господь Иисус Христос, мы называем ее *Молитвой Господней*.

Молитва Господня состоит из призывания Бога Отца, из следующих за этим семи прошений и заключительного славословия. Три первых прошения содержат просьбу о прославлении Имени, Царства и Воли Божиих. Четыре являются просьбой о главных физических и духовных нуждах человека и человечества. Молитва *Отче наш* занимала центральное место в жизни Церкви с самых

ранних времен христианства. Ранние Отцы Церкви упоминают о ней в своих писаниях. Св. Киприан называет ее молитвой частной и общественной. Согласно блаженному Августину и святому Амвросию Медиоланскому, она занимала место в литургии перед причастием, как и в наше время. По мнению св. Григория Великого, во времена апостольские Молитва Господня была включена в чин освящения Даров за Евхаристией. Тертуллиан называет ее концентрацией всего содержания Нового Завета, а блаженный Августин — источником всех молитв.

И в наше время молитва *Отче наш* входит в состав всех личных молитвенных правил, всех последований богослужений и таинств в нашей Церкви. Это — первая молитва, которой мать-христианка обучает ребенка, когда он способен лепетать первые свои слова. В этом цикле кратких бесед мы коснемся ее неисчерпаемого содержания, тем более что молитва эта так привычна для нашего слуха и ума, что нередко ни тот, ни другой не задерживаются на духовном ее смысле.

"ОТЧЕ НАШ! ИЖЕ ЕСИ НА НЕБЕСЕХ". Отец наш, сущий на небесах. Перед тем, как вручить эту Свою молитву людям, Христос, как читаем в Евангелии от Матфея, сказал: "когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне". Эти слова можно понимать в прямом смысле. Господь и Сам удалялся от учеников и от мира на молитву, и людям предлагает духовное уединение для молитвы. Можно понимать и в переносном смысле: невзирая на окружение уйти во внутреннюю комнату сердца, затворить двери ума от рассеянности. Остаться наедине с Отцом, с Богом. Но самое важное в том, что, оставшись наедине, сосредоточив внимание на молитве "Отцу твоему", как говорит Христос, обращаться к Отцу нужно словами "Отче *наш*". Не "Отче мой", а "Отче *наш*".

Целый ряд свидетельств веры содержится в этом обращении. Прежде всего признание Бога *Отцом*. Когда Христос говорит: "отцом себе не называйте никого на земле, ибо один у вас Отец, который на небесах", Он не отрицает человеческого отцовства. Он предупреждает иудеев, придававших слову "отец" преувеличенно земное значение, об Едином Отцовстве Божественном. Поэтому и "иже еси на небесах" — сущий на небесах. Не тот, который на земле, от которого мы получили земное свое человечество, а Тот,

который пребывает в полноте Своей Божественной природы, которую называем Небом. Тот, от которого человечество наше было обожествлено через образ и подобие Божии, через вочеловечение Сына Божьего.

Отче *наш*. Это местоимение "наш" вместо "мой" свидетельствует о нашей вере, данной нам Христом, в усыновленность всего человечества Богу. Тут полностью исключается всякое распределение на расы, народы, племена, цвет кожи, социальное положение, культурный уровень. Бог есть Отец *всех*. Все, кто жили, живут и будут жить в этом мире — Его дети, Его семья. Отче *наш*. Какую ответственность принимаем на себя, произнося эти слова. Если называем Бога *нашим* Отцом, категорически утверждаем, что все мы — друг другу братья и сестры.

История человеческой преступности началась с братоубийства: Каин убил брата своего Авеля. Всякая человеческая семья держится на том, что на русском языке называем "лад". Как только начинается "раз-лад", рассыпается, рушится семья. Этот "раз-лад" умножается, увеличивается и в катастрофах обще-человеческого порядка, в обще-человеческой семье Единого Отца. Поэтому начальными словами молитвы Господней, постоянно будем помнить об этом, мы берем на себя духовное обязательство любить *всех*, помнить *всех*, молиться *о всех*. Молиться общему нашему Небесному Отцу.

Первое прошение Молитвы Господней — *Отче наш*: "ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ". Пусть почитается святым, пусть прославляется Твое Имя — Имя Божие. В Ветхом Завете постоянно подчеркивается святость Имени Божьего. Настолько святым было оно у ветхозаветного Израиля, что принято было его не произносить, не писать, чтобы этим уже не нарушить его святость. Имя Бога — Яхве, Иегова занимало центральное место в религиозной жизни Израиля. Кто произносил имя Божие с благоговением, знал, что может рассчитывать на присутствие и помощь Бога. Само имя Божие было синонимом Божественной славы. Произносить его "всуе", профанируя его, значило наносить оскорбление Богу. Наоборот, обращаясь с ним как со святыней, прославляя его, любя его, воспевая ему хвалу — значило делать то же по отношению к Самому Богу, к Иегове. По свидетельству книг Ветхого Завета, Израиль глубоко верил, что Имя Божие пребывает в Его святилище,

Иерусалимском Храме, в самом святом городе. В то же время оно не заменяло Бога, но было, скорее, словесным олицетворением той власти и силы, через которые Бог являет миру Свое всемогущество.

В первом прошении Молитвы Господней Господь Иисус Христос словами "да святится имя Твое" передает новозаветному человечеству всю священную глубину ветхозаветного почитания имени Божьего. Поэтому "да святится имя Твое" говорит не только о благоговейном отношении к имени Божьему, но и о признании безграничного превосходства и совершенства Бога. Это перекликается со словами Христа, выраженными Им в другом молитвенном возгласе: "Отче! прославь имя Твое". Как говорится в Евангелии от Иоанна, в ответ на эти слова "пришел с небес голос: и прославил и еще прославлю". И еще: "Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал мне". "Я открыл им имя Твое и открою, да любовь, которую Ты возлюбил меня, в них будет, и Я в них".

Одна из десяти заповедей говорит: "Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя Его напрасно". Хула на имя Божие, напрасное, бессмысленное его употребление является хулой на самого Бога. И об этой предельно отрицательной и греховной возможности следует помнить, когда произносим слова: "да святится имя Твое".

Настолько священно значение имени Божьего в употреблении его Церковью, что она дает ему почти пространственный смысл. Столь многое делаем "во имя Божие" — крестим, благословляем, освящаем, что сила имени облакает все, погружаемое в его святую. Вот и просим Бога, чтобы во всем мире, всеми Его детьми *святилось* имя Его.

Второе прошение Молитвы Господней — "ДА ПРИДЕТ ЦАРСТВО ТВОЕ". Пусть придет Твое царство. Для многих современников Христа это прошение звучало как некий политический лозунг. Будучи под римской оккупацией, Израиль чаял, ожидал восстановления своего царства, в котором роль Мессии должна была быть центральной. Да и в нашем современном мире сколько политических обещаний давалось о грядущем "рае на земле". И израильские религиозно-политические чаяния, и нынешние человеческие проекты оставались и остаются призраками. То

Царство, о котором Христос говорит в Молитве Господней и которое проповедовал в течение всего Своего присутствия на земле, совершенно иного характера.

Учение Христа о Царстве Божием можно разделить на три темы. Первая тема посвящена реальному существованию и присутствию Царства Божьего уже здесь — на земле, в истории, хотя оно не имеет никакого отношения ни к истории, ни к земле. "Не придет Царство Божие приметным образом", говорил Господь. "И не скажут: вот оно здесь, или: вот оно там. Ибо Царствие Божие внутри вас есть". И еще говорил Он: "ищите прежде Царства Божия и правды его". "Царство Божие силою берется, и употребляющие усилие восхищают его". И в Церкви мы свидетельствуем присутствию Царства Божьего здесь, сейчас, среди нас, начиная каждую Божественную Литургию его прославлением: "Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа"... Вторая тема — жизнь Церкви как жизнь в Царстве Божием уже сейчас.

И третья тема — эсхатологическая, то есть связанная с концом мира, с вторым пришествием Иисуса Христа. "Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века" — свидетельство Символа Веры о всеобщем чаянии грядущего вечного Царства Божьего. Заканчивая служение Евхаристии, после причащения Святых Даров, в котором причащаемся Самому Христу, Церковь просит Господа дать нам возможность причащаться Ему, сливаться с ним "истее" — более совершенно — в невечернем дне, в немеркнущем вечном дне Его Царства.

"Да придет Царствие Твое" относится к призыванию уже здесь пребывающего Царства Божьего — в жизни Церкви и в личной духовной жизни христианина. Это же прошение соединяет нас с великой традицией ранней Церкви, чаявшей скорого возвращения на землю Христа. Одной из основных ее молитв были заключительные слова Апокалипсиса, Откровения Иоанна Богослова о конце мира и истории, о втором пришествии Христа: "Ей, гряди, Господи Иисусе!" Вот о чем учит Христос молиться во втором прошении Молитвы Господней. Совсем не о "рае на земле", который все еще снится некоторым политическим мечтателям, а о том Царствии Божием, которое не есть "пища и питье, но праведность и мир и радость во Святом Духе".

"ДА БУДЕТ ВОЛЯ ТВОЯ ЯКО НА НЕБЕСИ И НА ЗЕМЛИ". Да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Третье прошение Молитвы Господней, венчающее троичное прославление божественной славы и власти: святость *имени*, грядущее *царство* и совершенство Его *воли*.

Из любви к сотворенному Им человеку, Бог любовно и жертвенно ограничил полноту над ним Своей воли. Дав человеку царственный дар свободной воли, Бог, как сказано в псалме Давида, "мало чем умалил его перед ангелами". Желая от человека сыновней любви к Творцу, Бог не насилует воли человека, но ждет от него любовного, свободного движения навстречу к Небесному Отцу. Таким образом, со времени сотворения человека в мире существуют две воли: воля Божия и воля человеческая.

Воля Божия всецело направлена на добротворение, на любовь, на праведность, на святость. На радость, гармонию и жизнь. То есть на все то, что должно быть дорого человеку, постоянно ищущему счастья. Вся беда в том, что в поисках счастья человек так часто принимает побрякушки за золото. Человеческая воля не может быть нейтральной: все в духовной жизни должно быть на четких позициях, между которыми нет "ничьей земли", нейтральной зоны. Человеческая воля, подобно воле Божией, может быть направлена на добро. Будучи свободной, она может служить и злу и служит ему часто. Знаем это не по учебникам психологии, не из фактов истории, а по собственному примеру.

Человеческая свобода должна сопрягаться с чувством ответственности. Ответственность предполагает сознательность, трезвость, настороженность. Безответственная свобода ведет к хаосу, к беспорядку, к анархии — как в личной, так и в общественной жизни. Тут воля становится своеволием, и человек по отношению к себе самому и к окружающему его миру начинает играть роль бога, которая не только ему не принадлежит, но ставит его на сторону категорического противника воли Божией, Дьявола.

Когда человек ищет воли Божией, сливает волю свою с Его волей, умиряет свое своеволие, чтобы дать в жизни своей место благой Божией воле, человек становится на путь мира, праведности и того состояния, о котором в Заповедях Блаженства сказано: "Радуйтесь и веселитесь!"

Кем творится воля Божия на небе? Ангелами и святыми. Как творится воля Божия на земле? Одна маленькая девочка дала на

этот вопрос самый краткий, но и самый исчерпывающий ответ: "с радостью!" Так воля Божия должна твориться и на земле — как творится она на небе — с радостью.

В четвертом прошении молитвы Господней появляется тема человеческой нужды. **"ХЛЕБ НАШ НАСУШНЫЙ ДАЖДЬ НАМ ДНЕСЬ".** Дай нам хлеб, необходимый на сегодняшней день. Три важных слова: хлеб, засушенный, днесь (сегодня). Хлеб — основное питание, необходимое для жизни человека, поэтому хлеб включает в себя все необходимое для нашего физического существования. Под этим одним словом объединяется и пища, и одежда, и кровля. Но и не только физически необходимые вещи. "Не хлебом единым жив будет человек", но и тем словом Божиим, той пищей духовной, которая сохраняет его не только в жизни временной, но и в жизни вечной.

И снова: не говорим "хлеб мой", а "хлеб наш". Значит молимся не только о своем личном благополучии и не только о благополучии ближних наших, но о всем человечестве, о всех наших братьях и сестрах. Другими словами, молимся об экономике всего человечества, о том, чтобы никто не оставался нищим, голодным, холодным и отвергнутым.

"Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний день будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы". Эти слова Христовы полностью относятся к нашей молитве о хлебе *засушенном*, необходимом для нас *сегодня*. Засушенным называется все непосредственно для нас необходимое. Пожалуй, трудно уже и ожидать, чтобы человек не заботился "о завтрашнем дне", не откладывал на "черный день", не говоря уже о постоянной жажде богатства и накопления. Заботы эти не приносят нам ни радости, ни покоя, потому Христос и настаивает в молитве к Богу о "засушенном". И хорошо, если во всех наших тщетных заботах о недоступном нам будущем сердце наше вздыхало бы о тщетности такой заботы.

В духовном нашем легкомыслии живем мы либо прошлым, либо будущим. Ни то, ни другое не принадлежит нам. Потому так важно это "днесь", "сейчас", "сегодня". В рассказе-притче Лескова "Час воли Божией" царские послы расходятся по миру, чтобы узнать для царя, какой это такой час. Один из послов получает откровение от древнего старца. "Час воли Божией" — это самый

важный момент в жизни человека. Самое важное дело в жизни — то добро, которое можно сделать для ближнего. Самый важный человек тот, для которого можно сделать добро. И самый главный час, час воли Божией, тот, в который можно сделать добро для другого человека. Вот оно "днесь", "сегодня", "сейчас" — то почти неуловимое, утекающее от нас время, которое по праву называем "настоящим", то есть подлинным, действительным.

Кто-то спросил: "Можно ли молиться о вещах практических, низменных?" Ответ: "Конечно можно, если Сам Господь, в молитве Отче наш, предлагает молиться о таких земных вещах, как хлеб и долги". "И ОСТАВИ НАМ ДОЛГИ НАША, ЯКОЖЕ И МЫ ОСТАВЛЯЕМ ДОЛЖНИКОМ НАШИМ". И прости нам наши долги, как мы прощаем нашим должникам. Можно читать прошение и так: "прости нам наши грехи, как мы прощаем согрешившим против нас". Всякий грех против ближнего становится духовной задолженностью. Как говорят на языке коммерции, идет в дебит, а не в кредит, оставляет не плюс, а минус на нашем духовном счету. В притче о двух должниках Господь говорит, как тяжело был наказан раб, которому господин простил его задолженность, а тот, будучи прощен, жестоко обошелся с человеком, задолжавшим ему. Как в Молитве Господней, так и в притчах Христос часто употребляет образы, более близкие нашему сознанию, чем отвлеченные моральные идеи.

На весах Божественной справедливости наши грехи против ближних ложатся тяжким весом нашего собственного осуждения. Таким же весом лежат грехи наших ближних против нас. Прощение Молитвы Господней "остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим" дает формулу Божественного баланса. Однако, произнося это прошение, всегда хорошо помнить, что в нем мы ставим Богу условие. Переведа его в отрицательную форму, можно было бы слышать в нем следующее: "не прощай нам наших грехов, *если* мы не прощаем согрешающим против нас". Господь и дает нам это прошение, чтобы через него мы хранили постоянную память о существующей в мире взаимной ответственности всех за каждого и каждого за всех. Потому и не говорим: и остави *мне* долги *мои*, а остави *нам* долги *наша*.

По словам Достоевского, каждый в этом мире виноват перед всеми, во всем и за всех. Но эта взаимная ответственность

простирается не только на индивидуальные проступки и падения. Кроме "круговой поруки зла" существует и "круговая порука добра", при которой каждый индивидуальный взлет поднимает вверх и других. Как говорил преподобный Серафим Саровский, "стяжи в себе мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся".

Пятое прошение Молитвы Господней говорит о прощении. Это одно из самых важных, а подчас и самых трудных движений человеческой души. Трудно прощать, еще труднее просить прощения. Но разве не знаем, какое состояние легкости, очищенности, радости возникает, когда находятся душевные силы для совершения этого акта христианской любви? Остается молиться постоянно прощающему нас Богу ниспослать нам силы прощать. Прощать, чтобы быть прощенными.

Таинственны слова шестого прошения молитвы "Отче наш". "НЕ ВВЕДИ НАС ВО ИСКУШЕНИЕ". Слово "искушение" включает в себя несколько значений. Одно из них "соблазн". Дьявол искушил в раю Адама и Еву. Дьявол искушал Христа перед тем, как Он вышел на свою проповедь людям. Христос говорит ученикам, заснувшим в Гефсиманском саду: "бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение". Так на самом низком уровне своего значения слово "искушение" значит привлечение к греху, отвлечение от Бога.

Однако апостол Иаков в своем Соборном послании пишет: "в искушении никто не говорит: Бог меня искушает; потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого". И продолжает: "но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью". Если Бог "не искушает никого", молитва "не введи нас во искушение" выражает просьбу об ограждении нас от "увлечения и обольщения собственной похотью", то есть плодами своего греховного вымысла, отдающего себя в плен Дьяволу.

Современные психологи, часто толкующие "грех" просто как психологическое искажение, учат, что формы искушений относятся к "натуральным инстинктам", требующим удовлетворения. Некоторые виды душевных соблазнов, особенно приводящих к угрызням совести и к иллюзиям, они считают более серьезными по природе. Поскольку, по их мнению, соблазн увеличивается при сопротивлении ему, психологи рекомендуют лучше избегать соблазна, чем оказывать ему прямое сопротивление. Для христианской

морали фундаментальные истины христианской этики не представляются предметом психологического анализа. Христианство понимает, что основой греха, как и ведущего к нему соблазна, является вольное "обольщение собственной похотью", которое можно так же вольно от себя отвергнуть. "Отойди от меня, Сатана!"

Другое значение слова "искушение" — испытание, как Бог "искушал" — испытывал Авраама, повелевая ему принести в жертву сына своего Исаака. Или как апостол Иаков наставляет ранних христиан: "с великою радостью принимайте, братья мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение". Искушение в положительном смысле известно в христианской аскетической практике, когда желающий достигнуть высшего духовного совершенства проходит "искус", то есть испытание, проверку, закаляющую духовную волю. И в еще более расширенном значении в раннем христианстве "искушение" могло обозначать испытание мученичеством. Так как Церковь удерживала христиан от "вольного" мученичества, на которое человек сам напрашивался, это прошение Молитвы Господней могло служить и молитвой об избавлении от такого испытания.

Последнее прошение молитвы *Отче наш* — "НО ИЗБАВИ НАС ОТ ЛУКАВАГО". Оно несомненно связано с предыдущим прошением: И не введи нас во искушение, но избавь нас от лукавого. Естественно, что искушение и лукавство идут рука об руку, и когда искушение перестает быть "увлечением и обольщением собственной похотью", а становится испытанием веры и крепости в вере, так важно извержение лукавства и носителя его Дьявола из условий испытания. Будь это испытание мученичеством или восхождением по пути духовного роста. Христианская аксиома "где изобилует благодать, там умножается грех" является для этого самым точным критерием. Святой Василий Блаженный, великий московский юродивый, в числе многих кажущихся странными поступков был известен следующим. Часто проходя мимо московских трактиров, мест греха и моральной гибели, он становился на колени, крестился и клал земные поклоны. Проходя же мимо храмов, он подбирал с дороги камни и бросал ими в церковные стены. Когда наконец его упросили объяснить странность его поведения, он сказал: "Это очень просто. Вокруг стен трактиров вижу я плачущих ангелов, потому и кланяюсь им.

А у церковных стен вижу, как дьяволы пляшут, потому и бросаю в них камнями".

Поэтому неправильно представлять себе дьявольскую силу ограниченной условиями греха и падения. Там ей, собственно, и делать больше нечего. Она старается приютиться к святости, к благодати, к правде, к чистоте, где и работы больше, и заслуга выше. Тем более, что в обществе нашем, считающемся просвещенным, кто может верить в такую небывлицу, как Дьявол? Это же антикультурное суеверие. Недаром один из современных религиозных мыслителей сказал, что самое любимое занятие Дьявола — распространять слухи о своей смерти.

Лукавство — ложь, обман, неправда, хитрость, подлость, предательство — все направлено только на одну цель: увести человека от Бога, от света, от правды, от спасения, от вечной жизни. Повергнуть его туда, где "тьма и скрежет зубов", где вечная мука состоит в отсутствии Бога. По церковному учению, Дьявол — глава взбунтовавшихся против Бога ангелов. Дьявол, по собственному свободному выбору, — враг Бога. И Бог, и Дьявол тоталитарны в своем отношении к человеку: они борются за полное обладание человеком. Бог — для спасения человека, Дьявол для его гибели. "А поле битвы", как сказал Достоевский, "сердца людей". Вот Христос и говорит всем детям Божиим, всем нам: молитесь Бога избавить вас от лукавого, от этой страшной губительной силы зла.

Молитва *Отче наш* заканчивается славословием: "яко Твое есть Царство и Сила и Слава во веки. Аминь". Православная Церковь включила в это славословие священное имя Святой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа. Значение этого в том, что, призывая имя Бога Отца, мы призываем и всю Святую Троицу — Единую и Нераздельную.

Господь Иисус Христос, дав нам Молитву Господню, учит нас славить Имя Божие, призывать Его Грядущее Царство, принимать на себя святость Его воли. Просить о хлебе насущном для себя и для всего человечества. Учиться великому искусству прощения. Ограждаться Именем Божиим от искушения и от носителя его, Дьявола.

Все это достижимо и возможно только по одной причине. *Царство*, то есть верховное владычество над миром и человеком, принадлежит Богу. Ему же принадлежит *сила*, то есть полное

и неограниченное владычество над всем, Им сотворенным. Поэтому все, высказанное в молитве *Отче наш*, в Молитве Господней, возможно только потому, что Ему принадлежит и Царство и Сила и Слава. Всех детей Единого Небесного Отца Сын Божий Иисус Христос призывает соединиться, слиться в этом гимне славы, потому что нет более прямой и непосредственной возможности утверждать, исповедовать Божественное владычество над миром, над человеком, над космосом, над историей, как через славословие, прославление Его.

Вот совершили мы духовное и умственное паломничество к святыне Молитвы Господней. Святыня ее многократно усугублена тем, что дал ее нам Христос Сын Божий, Второе Лицо Троицы Единосущной и Нераздельной. Такова глубина ее смысла, что мы коснулись только немногих граней ее многогранности. Остальные грани пусть познаются прежде всего через молитвенное в нее погружение, а также через то, что называется Богомыслием. Через погружение и ума нашего в дальнейшие, еще не открытые глубины ее смысла. Это молитва всех молитв, концентрация всего новозаветного учения, начало и источник христианской духовности. Потому и повторяем ее так часто — сами по себе или соборно со всей Церковью, чтобы она напитала наш ум, наше сердце, просветила и осветила всю нашу жизнь.

Свящ. В. Лапковский (Курск)

ПАЛАМА *

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

жеи он ...зсорт

Представьте обыкновенные механические часы, аппарат которых заключен в наглухо закрытом корпусе. Вы видите циферблат и как движутся стрелки, слышите нежное тиканье, но не имеете средств открыть ящик. Вы можете нарисовать себе некую картину часового механизма, но вы никогда не можете быть уверенными в том, что ваша схема единственно правильная, что она может исчерпывающе истолковать ваши наблюдения. Поскольку корпус хронометра опломбирован, вы никогда не будете в состоянии сравнить созданную вами картину работы часов с реальным агрегатом, вы даже не можете себе представить возможность или смысл подобного сопоставления...

Так писал в середине нашего столетия один из основоположников современной физики. Он был верующим человеком и считал, что в области науки все наиболее тонкие идеи берут начало из исконно религиозного чувства. Этот ученый мягко иронизировал над неограниченной проницательностью человеческого мышления, сомневался, что вещи существуют в том виде, в каком их воспринимают наши чувства. В жизни человека и животных господствует иллюзия, царящая также и в естествознании, будто мир есть то, что нам является.

Великий физик переживал ощущение таинственности, лежащей в основе религии, и во всех наиболее глубоких направлениях искусства и науки. Он стремился к тому непостижимому, что скрыто под непосредственными переживаниями, чья красота и совершенство доходят до нас лишь в виде косвенного слабого отзвука. Будучи гениальным теоретиком, он довольствовался тем,

*) Была ли эта проповедь произнесена или только написана, мы не знаем. Свящ. В. Лапковский был лишен места священнослужителя в 1981 г. (См. "Вестник" №136, 1982, стр. 270-271).

что с изумлением строил догадки о тайнах мироздания и смиренно пытался мысленно выстроить далеко не полную причину совершенной структуры всего сущего. Его религиозное чувство почтительно восхищалось порядком, который он замечал в природе — небольшой части реальности, доступной нашему рассудку.

Ему казалось, что религия возникла на почве страха перед непознанными объектами природы, такими, как землетрясения, гроза... Но как же он, крупнейший мыслитель эпохи, создатель новой научной картины мира, оказавший крутое влияние на стиль научного мышления, мог находить себе убежище в религии? Ведь у него отсутствовал тот страх, что был погонщиком первобытных людей.

”Я смотрю, — писал он, — на холст живописца, но мое изображение не может воссоздать внешность художника. Я смотрю на часы, но не могу представить себе, как выглядит создавший их часовой мастер. Человеческий разум не способен воспринимать четыре измерения. Как же он может постичь Бога, для Которого тысяча лет и тысяча измерений предстают, как одно?” (А. Эйнштейн, Собр. науч. трудов, т. 4, М., 1967).

Ответ на проблему, как человек может постичь Бога, Церковь дала, в частности, устами архиепископа Фессалоникийского св. Григория Паламы. Память сего святителя мы празднуем ежегодно на второй неделе Великого Поста.

Палама свидетельствовал, что Бог абсолютно недоступен и в то же время может реально общаться с человеком.

Вот одно из противоречий, обогащающих религию не менее, чем парадоксы — науку.

Архиепископ различал в Боге неприступную, непостижимую сущность (тайну — по выражению великого физика) и божественные действия или энергии, силы, неотделимые от сущности Бога. Через энергии Творец действует вовне Себя, проявляя, сообщая, отдавая Себя твари путем Откровения, благодати. Откровение знакомо нам через Писание и Предание, благодать — ничем не заслуженный дар Божий — известна, например, через талант. Это не сущности, а энергии, свойства, порывы Бога.

Энергия — фундаментальное понятие современной физики — циркулировала как понятие не только в философии древних греков, но и в трудах отцов Церкви св. Василия Великого, св. Григория Нисского.

В XIV веке Григорий Палама, не занимаясь никакими физико-математическими экспериментами, опираясь сугубо на свою веру, т. е. на религиозное проникновение в структуру созданной Богом тварной природы, вывел, что весь мир пронизан божественными энергиями. Родоначальник классической физики Ньютон, не зная этого, утверждал, что во вселенной стынет пустое пространство.

Современная физика отрицает наличие пустых пространств. Пространство — это поле, пронизанное энергиями.

Палама, живший за триста лет до Ньютона, в свете новейших достижений науки более актуален, чем ученый, затративший многие годы упорного труда на распутывание принципов небесной механики! Для Паламы не зияло пустоты в пространствах Божьего промысла. Все проникнуто лучами Божества, энергиями Божьей заботы.

Правда, ставить знак равенства между открытиями XX века и богословием св. Григория Паламы нельзя. Между полем, пространством физиков и нетварными энергиями Бога — несоизмеримое расстояние. Палама учил, что энергии Творца ни под каким предлогом недопустимо отождествлять с тварным космосом или выводить их присутствие в мире в зависимости от мира. Они существовали бы и в том случае, если бы Господь не создал мира!

Мир сцементирован из веществ, уверяет нынешняя физика, все вещи не что иное, как сгусток энергий. Церковь с таким постулатом совершенно согласна, ибо для нее Божественная энергия первичнее материи, независима от нее. Энергия Бога — зодчий вселенной, она поддерживает жизнь.

”Бог именуется светом не по Своей сущности, а по Своей энергии”, — назидал Палама.

Энергия, заявляет физика атомного века, — это свет.

”Свет Божий во тьме светит, и тьма не объяла его”!

Развив учение о возможности нашего приобщения к непостижимому Богу через проявления Его сущности в мире, св. Григорий Палама тем самым четко сформулировал догмат Православия о доступности Бога человеку, о соединении скудельного сосуда с Пресвятой Троицей.

Божественная энергия, ”всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая”, постоянно присутствует в нашей жизни.

Она приходит к нам ежедневно прежде всего в таинстве Причастия, когда мы приобщаемся Тела и Крови Господних, когда по благодати становимся сопричастниками Божественного естества через Господа Иисуса Христа, в Котором незримо, взаимопроникновенно, неслитно пребывают энергии божественная и человеческая.

И гениальный современный физик, и отец Церкви в поисках Истины исходили из веры во внутреннюю гармонию и тайну вселенной. Без такой веры нет ни творческой науки, ни подлинной религии. Бог и мир для нас в один и тот же миг доступны и недоступны. Мы видим не только циферблат закрытых часов, механизм которых нам неизвестен, но и Лик Божий, Чья Сущность непостижима.

В силу Божьей благодати и "тайны обитающего в нас Духа Святого" (В. Лосский, *Б. Т.*, №8, М. 1972) мы изменяем не только окружающую нас действительность, но и собственную природу, преображая ее в образ и подобие Божие. Каким способом? Будучи верными Господу словом, делом, помышлением.

... Аминь.

Архим. Плакида ДЕСЕЙ

ПРАВОСЛАВНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ НА ЕДИНСТВО ХРИСТИАН

1. Святоотеческое понятие единства.

Когда в 1949г., на Амстердамском конгрессе, был создан Всемирный Совет Церквей, прот. Г. Флоровский в следующих словах охарактеризовал позицию православного богослова среди его коллег, исповедующих иную веру: "Православный богослов может и должен представлять не столько современный "Восток", сколько саму древнюю вселенскость... Само собой разумеется, что древность важна тем, что в ней было интегрального, всеобъемлющего, а не самой своей древностью. В икономии экуменизма православие представляет святоотеческий момент".¹ Конечно, эту интегральность и синтез воззрений, свойственный отношению первых христианских поколений к тайне Церкви, надо прилагать к новым нуждам и к беспрецедентным положениям. Однако, только основываясь на нем и стараясь ничего в нем не исказить, Церковь нашего времени найдет пути жизненной верности Преданию.

В перспективе древней Церкви тайна спасения представляется в основном как дело воссоединения. В тексте, написанном в духе и под влиянием святого Василия Великого, мы читаем: "К этому сводится все домостроительство Спасителя: воссоединить человеческую природу в самой себе и с Ним, и прекратить ее гибельную разделенность, чтобы восстановить первоначальное единство".² Раз и навсегда осуществленное смертью и воскресением Господа, это дело спасения становится, во времени и пространстве, достоянием каждой человеческой личности через совершение Евхаристии. Поскольку каждый христианин, умерший греху и воскрешенный со Христом к новой жизни в крещении, таинственно отождествляется с прославленным Телом Христовым действием Святого Духа, преисполняющим его, когда он причащается евхаристическому Телу, то следует заключить, что все христиане становятся "сотелесниками" через это приобщение.³ Касаясь человека, "уголь горящий"

Тела Божия изымает его из его индивидуальной ограниченности и, парадоксальным образом, дает ему полноту личной жизни через отказ от возвеличения своей индивидуальности, в братском общении по образу Святой Троицы.

Эта евхаристическая основа экклезиологии прекрасно изложена святым Кириллом Александрийским († 444 г.) в следующем месте его Комментария на Евангелие от Иоанна: "Для того, чтобы мы стремились к единству с Богом и между собой и чтобы мы смешивались вместе, хотя и являемся все различными по душе и телу, едиnorodный Сын применил средство, открытое Им в Его собственной премудрости и Советом Отчим. Действительно, через таинственное причащение освятив верующих в Себе самом в единое Тело, Его собственное, Он сделал их сотелесными Себе и друг другу. Кто же может отделить или отсечь от этого телесного соединения тех, кто связан со Христом до того, что становится единым с Ним через это единое святое Тело? Ибо если все мы приобщаемся единому хлебу, то мы и составляем единое Тело. Ведь Христос не может разделиться. Поэтому Церковь и называется Телом Христовым, а мы — членами по мысли Павла (срв. 1 Кор. 12, 27) ... Сам единый и неделимый Дух соединяет души всех, несмотря на различие каждого по индивидуальному бытию, и являет их как составляющих одно единое существо в Себе Самом... Поэтому Павел и говорит: "Терпяще друг другу любовь, тщаясь блюсти единство духа в союзе мира. Единое тело, один Дух /... /, один Бог и Отец всех, иже над всеми, и через всех, и во всех нас" (Мф. 4, 2-6)".⁴

В этой перспективе Церковь есть прежде всего Церковь поместная, т.е. группа христиан, сходящихся в одном месте вокруг своего законного епископа для совершения Евхаристии. Такая местная Церковь не есть часть Церкви вселенской; каждая осуществляет всю полноту таинства Церкви и отождествляется с Церковью вселенской; последняя присутствует во всей своей полноте в каждом данном месте, поскольку в своей вере она пребывает всецело верной тому, что передано апостолами.⁵

Этим объясняется то, что такие понятия, как "intercommunion" ("межпричастие") или "евхаристическое гостеприимство" были неизвестны древней Церкви, которая не могла бы усмотреть в них никакого смысла. Она знала только либо общение, либо отказ от него. В глазах христиан того времени, если член поместной Церкви участвовал в Евхаристии другой поместной Церкви, напри-

мер по случаю путешествия, то он тем самым свидетельствовал, что признает эту Церковь тождественной со своей и с Церковью вселенской.

Конечно, различия во мнениях, в обычаях или традициях могли существовать между Церквами в тех пунктах, где общее согласие не было проявлено и которые считались второстепенными: различия эти не имели никакого значения и только "подтверждали согласие веры", по выражению святого Иринея Лионского.⁶ Никакой серьезный недостаток не мог объективно ущемлять Церковь, всецело верную апостольскому Преданию.

Именно ссылаясь на такого рода вопрос, который он лично считал важным, но не касающимся самой веры (недействительность крещения еретиков), святой Киприан Карфагенский († 258 г.) говорил: "Не будем никого судить и удалять от права причащения из-за различия во мнениях".⁷

Конечно, во все времена истории Церкви существовали ригористические группы, которые нарушали общение с другими Церквами из-за второстепенных вопросов. Но, как показывает историк Сократ († ок. 440 г.) по поводу новацианского раскола, такие люди обычно сами сразу же начинают разделяться между собой и образовывать все новые и новые мелкие группировки, показывая этим, что у них интересы группы возобладали над любовью к церковному единству.⁸

Мы видим, как важно было, при появлении разногласий между Церквами, точно взвесить природу этих разногласий. Если дело шло о вопросах небольшого значения или о преданиях, хотя и различных, но подлинных, то сохранение или восстановление общения было необходимо и ни одна из сторон не могла претендовать заставить другую присоединиться к своему мнению под угрозой прекращения общения. Если же дело шло о вопросах, касающихся самой сущности веры и апостольского Предания, то пока существовали разногласия, разделение оказывалось самым болезненным, но и самым необходимым требованием не только ради истины, но и ради подлинной любви к Богу и ближнему. В глазах отцов содержание веры было неделимо: не могло вставать вопроса об "основных пунктах", "керигматических", и пунктах меньшего значения: "Так же, как на царских монетах, если изменить сколько-нибудь отпечаток, то вся монета становится фальшивой, так и тот, кто

допускает ущербление своей веры в самой малой части, ниспровергает ее всю и пойдет по наклонной плоскости. Где теперь те, кто обвинял нас в любви к распрям из-за наших споров с еретиками? Где теперь те, кто не признавал никакой разницы между ними и нами и считал, что все сводится к вопросам личного честолюбия? Пусть услышат Павла, возвещающего, что Евангелие ниспровергается всяким нововведением, даже незначительным (срв. Гал. 1, 6)”.⁹

Согласно этому воззрению, которое и осталось воззрением православной Церкви, вселенская Церковь составляется из всех Церквей поместных, находящихся в общении друг с другом. Она, говорят нам отцы, есть единый ковчег спасения, данный людям Богом, чтобы дать им возможность избежать осуждения; единая Невеста Христова, она есть духовная мать, которая одна только может через крещение рожать чад для новой жизни и усыновлять их Богу; будучи Телом Христовым, она есть единственное место, где люди истинно соединяются с Богом и между собой через освящающее действие Духа.

Значит ли это, что никакой человек не может быть спасен и освящен вне формальной принадлежности к видимой Церкви? У отцов есть намеки, которые показывают, что они знают свободу Духа Святого в Его дарах и то, что Он может сообщать их вне обычных путей спасения, там, где находит соответственно расположенное сердце: “Многие из тех, кто вне нас, принадлежат нам, — те, нравы которых предвосхищают веру и которым не хватает только имени, тогда как они обладают уже самой реальностью”, говорит святой Григорий Богослов (†390г.).¹⁰ Он не колеблется включать в число таких людей своего собственного отца. А о сестре своей он говорит: “Вся жизнь ее была очищением и совершенством... Решаюсь сказать, что крещение принесло ей не благодать, а совершение”.¹¹ Однако, отцы не создали теории некой невидимой принадлежности к Церкви, которая сама видима; для этого нет определенных указаний в источниках откровения.

Общение между поместными Церквями проявляется, в плане сакраментальном, в коллегиальной хиротонии епископов, а когда дело идет о решении вопросов веры и дисциплины — в соборах епископов. Эти соборы могут быть поместными или вселенскими. Подлинный собор есть собрание епископов, верных Духу Святому,

провешающих со властью истинную веру Церкви, причем единственным признанием этой подлинности является, с православной точки зрения, последующее принятие решений собора всей совокупностью Церкви.¹²

В региональном отношении или во вселенском масштабе некоторые архиерейские кафедры получили в истории Церкви первенство (архиепископии, патриархаты). Такая структура Церкви является реальностью настолько всеобщей и постоянной во времени и пространстве, что ее нельзя считать случайным и чисто человеческим явлением. В ней нужно видеть водительство Духа Святого, т.е. элемент Предания. Однако идея первенства, как она была принята во всей совокупности Церкви, никогда не означала ничего, кроме первенства среди равных, и обладающие первенством не могли простирать свою власть вне пределов своей собственной епархии более той меры, в какой она им давалась другими епископами, притом всегда во взаимозависимости друг от друга. Довольно рано римские папы начали претендовать на юрисдикцию совсем особого экклезиологического качества, а именно по божественному праву над всей вселенской Церковью. Однако такая юрисдикция была признана за ними лишь постепенно и исключительно в довольно ограниченных пределах, в которых осуществлялась непосредственная власть пап, — в Римском патриархате. Но до разделения XI века папа имел перед собой четыре других патриархата, занимавших в этих вопросах совершенно другую позицию.

2. Православная Церковь и экуменическое движение.

Несмотря на некоторые искажения, порожденные историческими обстоятельствами и человеческими грехами, православная экклезиология осталась в главном той же экклезиологией древней Церкви. Православная Церковь и сознает себя продолжением этой древней Церкви без малейшего разрыва, сознает, что она и есть Церковь Божия. Другие христианские конфессии она может рассматривать лишь как члены, отделившиеся от церковного единства, которое она хранит во всей его полноте. Как правило, содержанием Предания является то, что до периода разделений все христиане

совместно считали принадлежащим к апостольскому наследию, будь то в самой вере или в церковной жизни. С православной точки зрения единство между всеми разделившимися христианскими группами может осуществиться только через возвращение к общему и вселенскому Преданию Церкви: к тому, что было принято как догмат веры или претворялось в жизнь как общие церковные учреждения "везде, всегда и всеми", в течение тысячелетия, предшествовавшего западным разделением, ничего к этому Преданию не прибавляя и ничего не убавляя.¹³ Входя в полноту Традиции, каждая из общин оказалась бы, тем самым, в единстве вселенской Церкви.

Итак, согласно этой святоотеческой и православной экклезиологии, видимое единство Церкви дано Богом и пребудет неизменным до второго пришествия. Если не считать католические экуменические круги, в экуменическом движении преобладает экклезиология протестантского происхождения, которая исходит из совсем других предпосылок. Ее основное убеждение заключается в том, что видимое единство Церкви не дано, что на него надо надеяться и его надо строить через послушание всех Духу Святому. Ни одна эмпирическая Церковь не может отождествляться с Церковью Божией. Последняя обладает реальным единством, однако невидимым за фактическими разделениями. Цель экуменического движения заключается в том, чтобы постепенно выявить это невидимое единство через единство видимое, содержащее общую веру в истины, считающиеся основными, практикующее сакраментальный *intercommunion* и признание священства. При этом институциональные и догматические различия между Церквами могут быть очень значительны.

Совершенно очевидно, что такое понимание может представляться православным только как некая "все-ересь" и что не может быть и речи ни о каких уступках. Поскольку Всемирный Совет Церквей был создан людьми, которые, при всей своей доброй воле, не могли отказаться от своих вероучительных предпосылок, православные делегаты должны были неизбежно чувствовать себя в ложном положении. Положение это несколько прояснилось после сессии Центрального Комитета в Торонто в 1950г.; здесь было уточнено, что "принадлежность к ВСЦ не предполагает, что каждая Церковь должна считать другие также Церквами в подлинном

и полном смысле слова". Однако сама структура ВСЦ неизбежно заставляет православные Церкви фигурировать в нем как "конфессии" или "деноминации" среди других. Здесь можно избежать двусмысленности только если четко утверждать свои убеждения и свою самостоятельность.

Тем не менее, уже с самого основания ВСЦ, прот. Георгий Флоровский, в тексте, цитированном выше, оправдывал участие православных и определил единственное приемлемое значение этого участия: "Я считаю такое участие не только дозволенным и возможным для православных, но даже вижу в нем непосредственную обязанность подлинной Церкви непрестанно свидетельствовать повсюду, "в синагогах, перед царями и князьями". Как будут веровать, если не услышат? И как услышат, если не будет проповеди? Эти апостольские слова здесь вполне уместны. Я вижу православное участие в экуменическом движении в линии миссионерской деятельности. Православная Церковь призвана к участию в экуменическом обмене мнений именно потому, что она знает, что является хранительницей апостольской веры и Предания во всей их целостности и полноте, что она поэтому и есть подлинная Церковь; потому тоже, что она обладает, и знает это, сокровищем божественной благодати через непрерывность священства и апостольское преемство; потому, наконец, что она таким образом претендует на особое место среди разделенного христианства. Православие есть истина вселенская, истина для всего мира, для всех времен и народов. Вот по этим причинам православная Церковь и призывается и обязана свидетельствовать об истине Христовой всегда и везде, перед всем миром".¹⁴

В 1976г. Святейший Синод православной Церкви Америки издал свое замечательное *Послание о единстве христиан и экуменизме*.¹⁵ Целью его было "заново формулировать позицию, которая всегда была позицией православной Церкви и которую, к несчастью, даже некоторые из наших православных братьев не знают или забыли". Синод заявляет: "Дорогие и возлюбленные братья и сестры, долгом нашим, как епископов Церкви и хранителей апостольской веры, является исповедание, что православная Церковь есть единственная Церковь Христова... Эта основополагающая предпосылка православной Церкви... всегда служила основой для

участия православных представителей в экуменическом движении". Послание затем предостерегает от трех опасностей, которые грозят экуменическому движению и могут привести к кризису: релятивизм, отвергающий самую мысль о единственности Церкви и абсолютной ценности ее Предания, секуляризм, согласно которому единство заключается в построении лучшего мира посредством деятельности политической, социальной и экономической, и ложные средства для достижения единения. На эту последнюю тему в тексте говорится: "Мы категорически отвергаем применение евхаристического общения и *intercommunion*, понимаемых как средство для завершения христианского единства. Согласно православной вере, таинства и богослужбная жизнь Церкви, в особенности же святая Евхаристия, не могут быть отделены от самой сущности Церкви, и само их существование имеет целью эту сущность являть. Таинства не суть символы психологического благочестия. Они — явления самой сущности Церкви как Царствия Божия на земле. Не может быть сакраментального общения или литургического сослужения помимо единства веры в единственную Церковь Христову, которая неделима". К этому добавляется: "Официальное литургическое богослужение, включающее активное участие духовенства и мирян различных конфессий, противоречит канонам православной Церкви. Подобные богослужения могут лишь породить путаницу, вызывать соблазны и способствовать ложному представлению о христианской вере и о природе того единства, которое Бог даровал людям в Своей Церкви. / ... / Согласно православной вере, такое богослужение есть, кроме того, ложное предстояние людей перед небесным престолом Божиим".

По случаю двадцатипятилетия существования ВСЦ, Вселенская Патриархия и Патриархия Московская обратились к Центральному Комитету ВСЦ с посланиями, в которых они также предостерегали против того "горизонтализма" и секуляризма, которые ему угрожают.¹⁶

Конечно, трудно определить, какой вес имело уже оказанное православным свидетельством влияние на ВСЦ. Такой текст, как документ о Крещении, Евхаристии и Священстве (Лима, 1982) свидетельствует о новом осознании данных апостольского Предания; вероятно, православный вклад этому не чужд. Некоторые содержащиеся в этом тексте мысли представляют большой интерес,

и если бы они были восприняты более или менее согласно теми конфессиями, к которым текст обращается, то это было бы огромным шагом вперед. Однако надлежит со всей ясностью сказать, что православная Церковь может признать в таком документе лишь частичное и ограниченное выражение церковного Предания, которым живет она сама; она не могла бы принять некоторые предложения, сопровождающие этот текст, не отказавшись от этого Предания.

С другой стороны, необходимость свидетельствовать об этом Предании должна была бы побудить самих православных к более полной ему верности. Если основное в нем сохранено в целостности, то во многих пунктах подлинное Предание либо игнорируется, либо искажается. Приведем в качестве хотя бы одного примера тот вред, который наносят националистические позиции или частные интересы в диаспоре. Конечно, эти искажения часто являются последствиями обстоятельств и исторических условий (например, русская революция или столетия турецкой оккупации в Греции и на Балканах) и для их исцеления нужно много терпения и осторожности. Однако прежде всего надлежит заботиться о сохранении православного единства и не возобновлять таких инициатив, как, например, незадачливая реформа календаря. Никакая реформа, никакое изменение, даже теоретически оправданное, которое не может быть принято православным народом единодушно, или почти единодушно, не исходит от Духа Божия. В настоящее время Вселенская Патриархия очень внимательна к этому аспекту положения.

3. Диалог с римо-католической Церковью.

Диалог, в который православная Церковь вступила с римо-католической Церковью, носит совершенно другой характер, нежели тот, который может у нее быть с вероисповеданиями, порожденными Реформацией. Действительно, и римская, и православная Церкви исповедуют, что Церковь Христова только одна и что это видимое единство уже осуществлено. В большей части христианской догматики утверждения их сходятся, даже если освещение их несколько различно, что происходит отчасти от общего влияния на

вероучение тех его пунктов, в которых они расходятся. Это согласие между двумя Церквами, которое и подчеркивается прежде всего в их диалоге, должно было бы иметь огромный вес в экуменическом движении. С точки зрения численности они представляют в настоящее время большинство христиан в мире и, что главное, свидетельствуют таким образом о том, чем была единодушная вера христиан, прежде чем начались отделения от нее. К сожалению, сила этого свидетельства сильно уменьшается из-за плохого распределения в ВСЦ (в который римо-католическая Церковь не входит по причинам весьма понятным).

Однако эти Церкви уже более 900 лет не состоят в общении друг с другом, и каждая, со своей стороны, сознает себя единственной Церковью Божией.

Сближение, начатое встречами папы Павла VI и патриарха Афинагора в 1967г. и получившее в 1979г. форму богословского диалога, имеет своей целью преодоление этого противоречия, восстановление сакраментального общения между этими двумя Церквами и постепенное признание друг друга Церквами-Сестрами, т.е. группами местных Церквей, имеющих каждая свои традиции, но составляющих вместе единую Церковь Божию.

Этот экуменический проект был сформулирован кардиналом Виллебрандсом в следующих словах: "Наши Церкви, получив единую веру, различными путями и способами развили это христианское достояние; наследие, переданное апостолами, было воспринято по-разному: оно было различно изъяснено с самого начала бытия Церкви в связи с различиями духа и условий существования" (срв. декрет *Unitatis Redintegratio* Второго Ватиканского собора). Эти различия в эволюции встречаются во всех областях жизни Церкви, в богослужбной и духовной традиции, в дисциплине, в манере выражения, представлении и строе мышления о тайнах веры... В этих именно перспективах и должна проходить наша работа для совершенного общения в вере, при уважении к необходимой множественности и разнообразию в выражении бесконечного богатства Бога и Его даров".¹⁷

Применение этой программы сталкивается, однако, с конкретными и немалыми трудностями. Патриарх Димитрий без колебаний говорит о "серьезных богословских проблемах, касающихся основных вопросов христианской веры",¹⁸ которые еще препятствуют восстановлению полноты общения между двумя Церквами. Каковы

же эти трудности и какими средствами можно надеяться их преодолеть?

Главные трудности находятся на уровне экклезиологии и учения о Троице. В этих двух капитальных пунктах латинская Церковь допустила развитие вероучения, которое никогда не было принято другими Церквами, считающими его искажением апостольского Предания.

Римская экклезиология видит в первенстве римского папы решающий принцип видимого единства Церкви. Выражаясь с полной свободой перед собранием кардиналов, Павел VI, в своей консисторской речи 24 мая 1976г., без колебаний заявил: "Быть вне общения с преемником Петра — значит поставить себя вне Церкви". Такое представление является плодом той эволюции, которая обрисовалась в Риме уже во всяком случае в IV веке, но которая, как мы сказали выше, никогда не была воспринята в Церквях нелатинских. Эта эволюция экклезиологии несомненно в большей мере способствовала отчуждению между латинской Церковью, с одной стороны, и другими Церквами, с другой. Так создалась та атмосфера, которая сделала неизбежным разрыв XI века.

В XIX веке Первый Ватиканский собор окончательно закрепил эту уже развившуюся вероучительную теорию, определив первенство по божественному праву папской юрисдикции над вселенской Церковью и его личную непогрешимость в вопросах догматических определений. Православная Церковь безо всякого труда признала бы за римским папой, при условии уже состоявшегося единения, функцию первого между равными (*primus inter pares*), общепринятую в древней Церкви. Но она не примет догмата Первого Ватиканского собора, имеющего совсем другое значение. Вскоре после своего избрания патриарх Димитрий заявил: "В качестве Вселенского патриарха мы хотим подчеркнуть, что в будущем все всеправославные и всекатолические встречи, все диалоги и все консультации будут вестись на следующих основах:

- 1) Высшая власть в единой, святой, соборной и апостольской Церкви принадлежит вселенскому Собору всей Церкви в целом.
- 2) Никто из нас, епископов соборной Церкви, не получил власти, привилегии или права, канонически ему данного, на какую-либо церковную юрисдикцию, помимо воли и канонического согласия другой".¹⁹

Римо-католическое учение о Святой Троице в большой мере восходит к учению блаженного Августина († 430г.), который сделался, в течение нескольких столетий, главным святоотеческим авторитетом в латинской Церкви. Но Августин, будучи гениальным мыслителем, оказался в этой области новатором, так что можно сказать, что "историк догмата, который после писаний отцов IV века переходит к трудам Августина, констатирует, что линия разрыва в развитом синтезе троичной доктрины проходит не между Августином и нами, а между ним и его непосредственными предшественниками".²⁰ Православная Церковь, более отрицательно относящаяся к самой идее развития догмата, нежели Церковь римо-католическая, все же не отвергает его возможности. Но критерием подлинности такого развития может быть только принятие его вселенской Церковью; никогда никакое мнение отдельного учителя или традиции одной местной Церкви не может получить подобного авторитета. Но здесь мы снова стоим перед эволюцией, свойственной латинскому Западу, которая в XI веке привела к введению в Риме *Filioque* в Никео-Константинопольский символ веры, а несколько позже — к средневековым соборам, определившим, что Дух Святой исходит от Отца и Сына как от единого начала. Это определение сопровождалось следующим анафематствованием (до сих пор не отмененным): "Святая Римская Церковь осуждает, порицает и анафематствует всякого, кто думает обратное или противоположное, и объявляет его чуждым Телу Христову, которое есть Церковь".²¹

Так же, как и римский примат, *Filioque* может быть истолковано по-православному, как о том свидетельствует святой Максим Исповедник († 666г.). Это и позволило — ценой некоторой двусмысленности — сохранить общение в течение нескольких столетий, несмотря на общее распространение этого учения в латинской Церкви. Однако, *Filioque* было определено римской Церковью как догмат веры не в смысле этого истолкования; наоборот, средневековые соборы определяют его совершенно недвусмысленно в таком значении, которое всегда рассматривалось представителями православной Церкви как неприемлемое. Как святой патриарх Фотий, патриархи Константинополя, Антиохии и Иерусалима, в своем Окружном Послании 1848г., называют это учение ересью. И совсем недавно патриарх Димитрий I, в своей энциклике 12 марта

1981 г., заявил, что *Filioque* "совершенно неприемлемо и должно быть отвергнуто".²²

Все значение трудности очевидно. По крайней мере в двух важнейших пунктах вероучения православная Церковь ясно и четко отбрасывает, как противоречащее Преданию, учение, которое римо-католическая Церковь торжественно определила как основные истины веры.

Возможен ли выход из этого противоречия? Первая попытка, сделанная некоторыми католическими экуменистами, заключается в том, чтобы не считать западные соборы, бывшие после разделения, истинно вселенскими соборами, и рассматривать их постановления, даже догматические, лишь как традиции, свойственные латинской Церкви и не обязательные для других Церквей. Тогда полнота общения могла бы быть восстановлена без навязывания православным догмата Первого Ватиканского собора, *Filioque* и других собственно латинских традиций. При такой предпосылке, единение, вероятно, было бы сильно облегчено для православных. Но это предложение с силой отвергнуто кардиналом Иосифом Ратцингером, который считает его неприемлемым с католической точки зрения. И действительно, это означало бы, что римская Церковь отказывается от своего убеждения в том, что с XI века она является Церковью вселенской, и на практике признает, что она ошибалась, провозглашая как истины веры то, что в действительности является только частной традицией. "То, что представлялось истиной, оказалось бы простым обычаем. Благородная претензия на истину была бы объявлена злоупотреблением".²³

Согласно о. И. Конгару, на деле совсем не нужно, чтобы одна из сторон перестала считать догматом то, что ее традиция определила как догмат; в "нынешней атмосфере и благодати" оказывается как будто "возможным признать эквивалентность и единство намерения, а тем самым и смысла, и его утверждения, словом, "омонию" различных подходов и выражений",²⁴ которые, однако, в действительности противоречат друг другу. Однако сомнительно, чтобы такой догматический плюрализм, опасно релятивизирующий исповедание веры и удивляющий в устах богослова томистской традиции, мог бы быть признан обеими Церквями.

Другой путь предлагается в тексте, выработанном в рамках диалога между католиками и протестантами, который может

оказаться особенно применимым и к диалогу между католиками и православными. Документ этот основывается на особенно ценной в католической Церкви теории догматического развития: "Церкви, в которых содержание веры выражено более обширной формулировкой, не должны априорно рассматривать другие Церкви, менее четко выражающие свои вероучительные традиции, как сознательно или из нечистого расчета подрывающие полноту христианского наследия. Они должны проявить доверие к подразумеваемому и переживаемому. Очевидно, что в свою очередь Церкви, кратко выражающие свое вероучение и свою сакраментальную жизнь, должны остерегаться априорно обвинять другие Церкви, употребляющие более обильно формулировки веры и ритуалы, в том, что они загрязняют чистоту веры посредством случайных или паразитирующих добавлений. Они должны не отрицать, а оставлять вопрос открытым... После примирения они будут совместно возрастать в полноте истины".²⁵ Таким образом, можно было бы считать, что, не исповедуя *Filioque* или непогрешимость и первенство папы по божественному праву, православная Церковь не противоречит римским догматам, а находится на менее развитой стадии вероучения. Кардинал Ратцингер, кажется, склоняется к решению такого рода: "Для общения с православными католическая Церковь не должна обязательно настаивать на принятии ими догматов второго тысячелетия. Можно считать, что восточные Церкви остались в традиции первого тысячелетия, которая сама по себе законна и, будучи правильно понимаема, не содержит противоречия с более поздним развитием. Последнее лишь уточнило то, что в принципе уже существовало во время неразделенной Церкви. Я сам участвовал в таких попытках обсуждения".²⁶ Но такой проект скорее всего встретит резкую оппозицию с православной стороны. Действительно, войти в сакраментальное общение с Церковью, исповедующей тот или иной догмат, значит фактически принять этот догмат, даже если не требуется его словесно исповедать. Да и согласились ли бы православные Церкви, чтобы с ними обращались, как с вероисповедно недоразвитыми?

4. Православная Церковь и "церковность" римо-католической Церкви.

Для того, чтобы диалог был ясным, нужно еще уточнить, что в православной Церкви понятие церковности других христианских общин, не состоящих с нею в сакраментальном общении, иное, нежели у римской Церкви.

Для римо-католиков церковность отделенных от Рима Церквей реальна, но не полна. Она реальна в том смысле, что совершаемые в них таинства, в частности крещение, полностью действительны. В частности, православная Церковь в глазах римо-католиков обладает большинством установленных Христом средств спасения. Ей недостает только того основного средства спасения, каким является вселенский примат юрисдикции папы, основа и завершение римской экклезиологии.

Поскольку церковность православных Церквей является, таким образом, неполной и Церкви эти не дают своим чадам всей полноты установленных Христом средств спасения, это оправдывает, с римо-католической точки зрения, поддержание в православных странах униатских церквей и латинской иерархии.

Тем не менее, поскольку большинство православных, ввиду своего особого исторического и культурного положения, находится в неведении (или непонимании) догмата римского примата и других установленных после разделения римской Церковью догматов, причем неведение это невольно и потому без вины, такое отсутствие у них средств спасения не лишает их все же благодати Святого Духа, хотя и производит у них, с римо-католической точки зрения, множество зол.

В соответствии с таким пониманием римская Церковь основывает свои экуменические усилия главным образом на взаимном признании действительности крещения, полученного всеми христианами. Крещение считается всегда вполне действительным, даже в еретических или схизматических группировках, если только его чин совершен правильно и оно преподается согласно намерению Церкви (даже если совершающий крещение сам не крещен или неверующий). Отсюда, согласно классическому римскому богословию, всякий крещеный по праву подчинен юрисдикции папы. Римо-католические богословы нашего времени выражают это же учение, но в терминах более гибких: они говорят, что крещение,

полученное в общине, не присоединенной к Риму, направляет крещаемого к полноте видимого единства Церкви и полагает в нем динамику, которая им движет в этом направлении. Полнота же видимого единства предполагает на деле признание вселенской юрисдикции папы.

С другой стороны, в своих сношениях с православной Церковью, римская Церковь имеет тенденцию минимизировать серьезность разделяющих их разногласий; они либо интерпретируются как различные выражения веры, не нарушающие "существенную сердцевину" ее, либо рассматриваются как формулы, соответствующие различным стадиям "доктринального прогресса", как было сказано выше.

Позиция православной Церкви в этом вопросе другая. Она по существу осталась та же, что в древней традиции, которую о. И. Конгар характеризует следующими словами: "Древнее христианство всегда отклоняло название "Церковь" в применении к общинам, отделившимся от единой видимой Церкви, которая и является Церковью "кафолической", т.е. подлинной и православной, той, которую Никео-Константинопольский Символ называет единой, святой, соборной и апостольской. Поэтому общинам, отделившимся от единства, давались различные наименования за исключением "Церкви", разве что это последнее слово употреблялось в своем эмпирическом значении собрания..."²⁷

Нужно сказать, что православная Церковь признает за инославными общинами лишь "потенциальную" церковность, которая актуализируется только через фактическое вхождение этих общин в ее общение. Эта потенциальная церковность измеряется количеством тех элементов подлинного Предания, которые материально сохранились в этих общинах, несмотря на более или менее серьезные искажения некогда общих веры и Предания. В отношении римской Церкви этими элементами потенциальной церковности являются догматы, оставшиеся общими (хотя они и не всегда интерпретируются одинаково), епископальная структура Церкви и исторически сохраненное апостольское преемство епископата, а также учение о семи таинствах.

Для того, чтобы эта материальная и потенциальная церковность вновь стала реальной и действенной, основным условием является всецелое исповедание православной веры, без добавлений и изъятий,

и возвращение к существенным традициям Церкви в практике таинств и дисциплины. Эта верность Традиции не предполагает строгого единообразия между поместными Церквами, но требует, чтобы всякое важное расхождение было представлено соборному суждению, дабы все поместные Церкви взаимно признали друг в друге Церковь Христову. Для этого каждая из них должна быть готовой отказаться от того, что ей представляется законным и выгодным для нее, если оно рискует оказаться камнем преткновения для других Церквей, исповедующих ту же православную веру.

Если мы обратимся к каноническим источникам (например, к Пидалиону, официальному каноническому сборнику греческих Церквей), то главным последствием этого православного понимания церковности оказывается непризнание действительности таинств, полученных в инославных общинах. По праву и всей строгости канонов, членам таких общин, входящим в Церковь, должно быть преподано крещение. Однако, если оно было совершено правильно в общинах, придерживающихся в этом вопросе богословия, согласного в основном с богословием православной Церкви, то может быть достаточным, в силу пастырской икономии, лишь дополнить и завершить это крещение миропомазанием, или даже другим чином принятия в Церковь. Церковь есть действительно "таинство таинств" и может восполнить всякий недостаток.

Основанием для этой позиции является 46-е апостольское правило, гласящее: "Епископа или пресвитера, принявших крещение или жертву еретиков, извергати повелеваем". Эти апостольские правила, подтвержденные Шестым Вселенским Собором (второй сессией, Трулльской), составляют основу православных канонов. Практика икономии в тех случаях, когда она представляется желательной, основывается особенно на 1-м правиле святого Василия Великого.

Православное учение в этой области очень хорошо известно римо-католическим богословам. Так, например, о. И. Конгар пишет: "Православные богословы, за исключением некоторых / ... / остались на общем утверждении, что таинства истинно существуют только в единственной Церкви... Эта позиция / ... / по-видимому близка к общей позиции и отражает традиционную основу православного мышления".²⁸ О. Венгер, другой католический специалист

по экуменическим вопросам, пишет: "Православная Церковь, как общее правило, считает недействительным всякое таинство, преподавшее вне Православия... По всей строгости канонов (согласно акривии), всякое таинство, преподавшее вне Церкви, недействительно... Различие между строгостью и икономией находится уже в правилах святого Василия о крещении. Православное богословие упорно придерживается этих принципов".²⁹

Совершенно неверно видеть, как это делает монсеньор Дюмон, "различные сакраментальные опыты", предполагающие "различные богословия", в том факте, что православные Церкви принимают еретиков иногда через крещение, иногда преподавая им только миропомазание, иногда требуя от них исповедания веры.³⁰ В действительности акривия и икономия совершенно согласуются друг с другом, и различные канонические чины принятия в Церковь практикуются либо одновременно, либо последовательно одними и теми же поместными Церквями и часто одними и теми же лицами.

Правда, уже в III веке римские папы заняли противоположную позицию, которую блаженный Августин закрепил всем весом своего богословского авторитета на Западе. Это разногласие не повело к прекращению общения (святой Киприан Карфагенский, как мы видели выше, настаивает на сохранении общения, несмотря на такие расхождения). Поэтому могут найтись и православные богословы, исповедующие римское и августиновское учение о действительности таинств у инославных. Но совершенно напрасно было бы ожидать, чтобы в православной Церкви произошло "развитие", позволяющее считать признание таинств инославных окончательно утвержденным. Тот факт, что на всем протяжении истории Церкви не было в этом смысле единогласия, делает такое "развитие" совершенно гадательным; оно подлежало бы пересмотру и могло бы рассматриваться лишь как частное мнение некоторого числа богословов и иерархов, или же как течение, господствующее в тех или иных кругах, в ту или иную эпоху.

Для продолжения диалога факт этот гораздо менее чреват последствиями, чем могут опасаться католические экуменисты. Действительно, если бы было восстановлено единодушие в вере, эта проблема тем самым просто отпала бы; а пока этого единодушия нет, сакраментальное общение остается все равно невозможным.

Из вышесказанного следует заключить, что в качестве правовой точки диалога нельзя брать "взаимное признание одного крещения" и что православным богословам, последовательно исповедующим учение своей Церкви, невозможно в этом отношении подписаться под рекомендациями документа "Крещение, Евхаристия, Священство" (Лима, параграф 15). Основной целью диалога является единодушие в вере, и основной его аргумент, с православной точки зрения, — углубление вероучения.

*

Даже ограничиваясь только приведенными примерами, можно понять, что делу сближения предстоит преодолеть большие трудности, которые может быть и незаметны с первого взгляда. Однако полезно выяснить истинное положение и явственно увидеть проблемы, лишь бы это делалось в духе любви, без страстей и вне всякой полемики, руководствуясь только любовью к истине и к подлинному единству.

Перед лицом трудности задачи было бы заманчиво и опасно увлекаться привлекательными мечтами или облегченными решениями, лишь маскирующими истинные трудности. Еще более опасно искушение избегать этих трудностей, релятивизируя ценность определений веры и самого института Церкви. Здесь мы являемся обладателями бесценного сокровища, за которое тысячи мучеников отдали свою жизнь: Бога мы можем познавать только через слова преображенные, носимые Преданием, сообщающие нам то, что едиnorodный Сын благоволил нам открыть из таин Отчих, и, по воле Его, мы можем соединиться со Христом только через Церковь и в Церкви, которая есть Тело Его.

(Перевод с французского Л. Успенской)

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Г. Флоровский, "Взгляд на Амстердамскую Ассамблею", в журнале *Irenikon* 22 (1949), стр. 10-11 (по-французски).
2. Псевдо-Василий, *Монашеские установления*, 18. П.Р. 31, 1385 А.
3. "Сотелесник" — имеющий (или составляющий) единое тело. Выражение это взято из Ефес. 3, 6 и часто повторялось отцами, начиная со святого

Афанасия. Учение греческих отцов о Церкви — Теле Христовом, видимо, довольно точно соответствует учению апостола Павла, как его интерпретирует современная экзегетика: это *реальное, личное* прославленное тело Христово, которое есть "центр и отправная точка единства христианского мира. Именно потому, что мистическое соединение отождествляет всех нас с этим самым телом, мы можем быть едины между собой" (Л. Серфо, *Богословие Церкви по св. Павлу*. L. Cerfaux, *La théologie de l'Église suivant s. Paul*, Париж 1965, стр. 236. Срв. стр. 287 с примечанием 4).

4. Св. Кирилл Александрийский, *Толкование на Иоан. 11, 11*. П.Г. 74, 560 А-561 В.

5. Такое понимание Церкви было заново высказано в частности о. Н. Афанасьевым. Но по его мнению, всякая поместная Церковь, совершающая Евхаристию и тем самым тождественная с Церковью вселенской, может быть в сакраментальном общении с другими поместными Церквами, даже если ее от них отделяют догматические расхождения. См. Н. Афанасьев, "Единая Святая" (*Una Sancta*) в журнале *Irenikon* 36 (1963), стр. 473. Это, видимо, не соответствует историческим данным, и другие православные богословы уже исправили положение Афанасьева, уточняя, что поместная Церковь есть истинно Церковь Божия и может входить в общение с другими Церквами, только если она исповедует веру, полностью соответствующую их вере. Срв. Митрополит Максим Сардийский, *Вселенская Патриархия в Православной Церкви*, Париж 1975, стр. 27-51 (по-французски).

6. Св. Ириней Лионский, у Евсевия Кесарийского в *Церковной Истории* V, 24, 13. Франц. перевод, *Sources chrétiennes* 41, стр. 70.

7. Св. Киприан Карфагенский, *Епископские высказывания* цит. бл. Августином, *О Крещении* VI 7, 10.

8. Сократ, *Церковная История* 5, 22, П.Г. 67, 645.

9. Св. Иоанн Златоуст, *О Послании к Галатам*, 1, 6.

10. Св. Григорий Богослов, *Слово* 18, 6. П.Г. 35, 992 ВС.

11. Его же *Слово* 8, 20. П.Г. 35, 812 С.

12. О православном понимании власти в Церкви см. Еп. Каллист Уэр, *Применение власти в православной Церкви*, в журнале *Irenikon* 54 (1981), стр. 451-471; 55 (1982), стр. 25-34 (по-французски). Kallistos Ware, *L'exercice de l'autorité dans l'Église orthodoxe*.

13. Св. Викентий Леринский, *Коммониториум* 2: "В соборной Церкви надо с величайшим тщанием следить за тем, чтобы считать истинным то, во что веровали повсюду, всегда и все".

14. Г. Флоровский, *цит. соч.* стр. 9-10.

15. Прекрасный комментарий этого текста был сделан о. Эммануилом Ланном в журнале *Irenikon* 46 (1973), стр. 319-335.

16. Оба текста по-французски в журнале *La Documentation catholique* 55 (1973), стр. 819-825. Комментарий в *Irenikon* 46 (1973), стр. 475-482.

17. Речь кардинала Виллебрандса, произнесенная на Патмосе 29 мая 1980, *La Documentation catholique* 62 (1980), стр. 705.

18. Патриарх Димитрий I, Слово, произнесенное 30 ноября 1979 г. Французский текст в *S.O.P.* №43 (декабрь 1979), дополнительная документация, "Встреча Иоанна Павла II и Димитрия I", стр. 23.

19. Текст в журнале *Irenikon* 47 (1974), стр. 70.

20. Е. Хендрикс, *Введение к св. Августину, Труды св. Августина. О Троице* 1. Париж 1955, стр. 22 (по-французски).

21. *Флорентийский Собор*. Денцингер-Шенм. 1331-1332 (Denz.-Schönm.).

22. В *SOP* №59 (июнь-июль 1981), стр. 15 (по-французски).

23. Срв. *Irenikon* 56 (1983), стр. 236 (по-французски).

24. И. Конгар, *Автономия и центральная власть в Церкви*, *Irenikon* 53 (1980), стр. 311.

25. *На пути к общему исповеданию веры*, доклад смешанной рабочей группы католиков и протестантов. Текст составлен Ж.М. Р. Тияром и представлен Пьером Дюпре и Лукасом Фишером в *Documentation Catholique* 62 (1980), стр. 657 (по-французски).

26. Кардинал Ратцингер в журнале *Irenikon* 56 (1983), стр. 235.

27. И. Конгар, *Заметка о словах "Исповедание", "Церковь" и "Общение"* в журнале *Irenikon* 1950, стр. 20-21. "Согласно единодушному учению отцов Церкви, основанному на Новом Завете, Церковь не только "должна бы быть единой", но она и есть единая, и не может быть иначе чем единой. Это единство было (в их глазах) атрибутом видимой Церкви, и видимая Церковь воспринималась как единая органическая структура, как общение. Согласно отцам, разделения и прекращение общения не восполнялись неким единством духовным и невидимым, и различные деноминации не могли составить вместе единую Церковь. Видимая Церковь единственна и общение ее одно. Организмы, отделенные от этого общения, находятся вне Церкви". (С.Л. Гринслед, цит. Е. Ламиранд, *Экклезиологическое положение донатистов по*

св. Августину, Оттава 1972, стр. 134, по-французски) — S.L. Greenslade, cit. E. Lamirande, *La situation ecclésiologique des Donatistes d'après St. Augustin*.

28. И. Конгар, *Размышления в виду богословия икономии*, Irenikon 45 (1972), стр. 180 и 183. Y. Congar, *Propos en vue d'une théologie de l'Economie*.

29. А. Венгер, *Православная Церковь и англиканские хиротонии*, в журнале *Nouvelle Revue Théologique*, 1954, р. 50-52. A. Wenger, *L'Eglise orthodoxe et les ordinations anglicanes*.

30. Монсиньор Хр. Дюмон, журнал *Istina*, 1983, стр. 257 (по-франц.).

О. МАТТА ЭЛЬ-МЕСКИН

ХРИСТОС В ВЕТХОМ И НОВОМ ЗАВЕТЕ

Ход истории управляется Богом.

Весь Ветхий Завет, начиная с первой главы Бытия, свидетельствует о том, что человеческая история есть движение и развитие творения, берущее начало в Боге и затем устанавливающееся в человеке. Бог продолжает направлять и управлять историей согласно Своему замыслу и воле с такой тщательностью, что жизнь отдельного человека, как и жизнь целого поколения или народа, несет на себе явное свидетельство полного и совершенного подчинения воле Божьей и Его провидению. Бог есть Царь веков, и все совершается "по определенному совету и предведению Божию" (Деян. 2:23); Он установил течение времени для людей, предопределив "времена и пределы их обитанию" (Деян. 17:26).

Трансценденция истории человечества в Боге.

Движение времени представляется независимым и безотносительным к человеку, ибо солнце всходит и заходит помимо его желания, год идет за годом и лето сменяет зиму, хочет ли он этого или нет. Даже кажется, что время пренебрегает человеком и как бы господствует над ним. На самом же деле прохождение времени со всем его внушительным величием Бог подчинил человеку, чтобы он мог творить из времени свою духовную историю, пока оно тянется чрез века, до того как выйти за свое собственное течение, т. е. пока человек не соединится с Богом в вечности, где нет ни солнца, ни луны, ни лета, ни зимы.* Именно к этому кульминационному моменту относятся слова Христа: "Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут" (Мф. 24:35).

*) Ср. Отк. 21:23: "И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец". (Здесь и далее примечания переводчика).

Время, как движение в материальном мире с его небом и землей, есть время мертвое, преходящее, но в реальности человеческого мира оно есть живая долгая история — история спасения, история Слова Божия, Которое никогда не возвращается бесплодным; оно есть движение, исходящее от Бога и кончающееся в Нем, унося вместе с собой искупленное человечество. "Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя, и прежде нежели ты вышел из утробы, Я освятит тебя" (Иер. 1:5).

Таким образом, если человек движется согласно воле Божьей, т. е. в согласии со своим боговедением и богоосвященностью, то он возвышается над временем и, в сущности, подчиняет его воле Божьей, преобразуя часы, дни и годы в историю спасения, в век божественный, в вечную жизнь Царства Божия. "Вот, теперь время благоприятное, вот, теперь день спасения" (2 Кор. 6:2).

Человек, бросающий вызов воле Божьей, и намеренно не стремящийся к познанию Бога и Его святости, скатывается в категорию ниже времени и становится мертвой частью мертвого века. Тот, кто не добровольно подчиняется течению времени, хотя и служит воле Божьей, но по принуждению, и потому не может ни распознать этой воли, ни желать ее, ни утешаться ею. Он становится как бы хладом зимы или зноем лета: нужный в какой-то момент, он ничего не решает; он служит росту творения, не будучи любим им; сообщает силу и обновление миру, сам оставаясь мертвым.

Божье вхождение в человеческую историю.

Весь Ветхий Завет является живой историей, блестяще раскрывающей непрерывное Божье снисхождение и Его общение с человеком, чтобы возвысить его над уровнем проходящего и мертвящего времени. Бог входит в историю человека через Свое слово, преобразующее смену лет и поколений в живую священную историю — историю жизни Бога с человеком и человека с Богом. Т.е. вся Тора в одно и то же время есть история действия слова Божия в человечестве и история человеческих действий, совершенных согласно или вопреки воле Божьей. В обоих случаях происходит ясное откровение Бога и Его свойств. Течение времени в Ветхом Завете как бы подводило к откровению Бога и Его свойств человеку и в человеке, если, конечно, соблюдалось послушание Его

воле. Но и в случае непослушания отвержение воли Божьей становилось новым фактором, благодаря которому раскрывалась Божья власть покорения Себе человечества.

При чтении книги Ветхого Завета на первый взгляд кажутся чисто историческими, отражающими временные события. Но если мы задумаемся глубже в их цель и назначение, если мы соотнесем себя с тем, что читаем, то обнаружим, что назначением Библии является откровение Самого Бога Живого в самих нас. Мы увидим себя, как мы есть, а затем начнем узреть Бога таким, каков Он есть, особенно в сравнении с нами. В этом откровении заключены вся суть человечества и его истории и весь секрет Горы и Евангелия. "Сия есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа" (Ин. 17:3).

Приближение к Богу во времени через познание.

Бог есть истина и жизнь и вечный свет. Познание истины есть участие в истине; познание жизни есть жизнь; и познание света есть просвещенность. Потеряв богопознание, человек потерял истину внутри себя и с нею утерял свет и вечную жизнь. Он потерял способность распознавать что бы то ни было, кроме течения времени, бегущего мимо него, гнетущего его, пока он не свалится мертвым под его бременем.

Все возможные пути богопознания были открыты человеку, и именно богопознание спасает его от гнетущего господства времени с его обманчивым финалом в смерти. Познание Бога есть постоянное откровение Его в умах и сердцах всех людей путем любви и общения с Ним, а постоянное пребывание в радостном единении с источником бытия является гарантией жизни и бессмертия. Все это непременно будет возвышать нас над временем и смертью, пока мы не ощутим своего превосходства над временем, над событиями, пока мы не почувствуем, что мы гораздо реальнее и крепче, чем смерть.

Рациональное слово и воплощенное Слово.

Полнота откровения Божия достигалась постепенно: всем поколениям человечества чрез века дано было приобщиться к опыту богопознания, пока в конце времен познание Бога как полноты истины не сделалось доступно всем, а не отдельным избранныкам, и опыт вечной жизни не перешагнул за рубеж времени и жизни отдельного человека. Для этого человечеству нужно было пройти через две эпохи, или два завета жизни с Богом, значительно отличающиеся друг от друга. Первая из этих эпох, которую мы называем Ветхим Заветом, представляет собой период прикровенного откровения, достигаемого через рациональное слово. Вторая эпоха, или Новый Завет, есть прямое откровение чрез воплощенное Слово.

Послание к Евреям (1:1-2) апостола Павла суммирует различие между Ветхим и Новым Заветами в следующих словах: "Бог, многократно и многообразно говоривший издревле отцам в пророках, в последние дни сии говорил нам в Сыне". Отсюда ясно, что откровение Ветхого Завета через вдохновенное пророческое слово есть косвенно откровение, происходившее в течение продолжительного времени ("издревле") путем различных событий ("многообразно и многократно"). Новый Завет является прямым самооткровением Бога ("в Сыне"), выступающим за исторические рамки ("говорил нам"): оно не может устареть или ограничиться историей ("в последние дни сии"), потому что Слово стало плотью.

Откровение Бога в этих двух Заветах имело место на двух различных, но дополняющих друг друга уровнях: первый объективировался в исторической плоскости, опираясь на вдохновенное рациональное слово, проходя через поток времени, меняющихся событий и чреду поколений; второй Завет сам является уровнем подлинного самооткровения Бога, основанного на воплощении предвечного, не зависящего от власти времени Слова Божия, — т. е. на явлении Бога во плоти без изменения Божества.

Взаимосвязь между откровением Бога чрез Израиль и в Мессии.

Исторический метод, которым Бог действует в откровении Себя в Ветхом Завете, состоит из трех компонентов.

Первый из них имел целью дать людям, как народу, особые временные обетования, относящиеся к существованию этого народа и к его взаимоотношениям с другими народами. Бог исполнял эти обетования в Им определенные времена через посредство судей, правителей и царей, чьи побуждения и действия Бог направлял таким образом, чтобы люди могли распознать Его чрез совершенство Его водительства и замысла.

Второй компонент состоял из заповедей, законодательств и религиозных и литургических правил, включая посвящение клира и помазание священников, чтобы учить народ и привлекать его к Богу, чтобы путем очищения люди могли ощутить Его.

Третий компонент состоял из пророчеств и духовного водительства, относящихся к будущему народа (в соответствии с его отношением к Богу) и к его миссии по отношению к другим народам земли. Эта задача приведения к покаянию и приближения к Богу осуществлялась через пророков, говоривших Духом Божиим.

Интересно, что все три компонента содержатся в каждой из книг Библии, и глубокое изучение и размышление над Библией раскрывает, что книги ее составлены по определенному, совершенному плану логически и целенаправленно.

Судей, правителей, царей, сменявших друг друга в Израиле в течение двух тысячелетий, объединяет общая черта — божественная власть, — несмотря на их моральные и религиозные несходства, на их многие недостатки. Бог как бы назначал их для выполнения единственной божественной задачи, не считаясь с их личными успехами или провалами.

То же можно сказать о левитах и священниках. Несмотря на разницу в сане, в функциях и личных качествах, несмотря на недостаточность многих из них, их объединяло общее служение людям, которое Бог принимал от них, действовали ли они искренне и добровольно или предательски и бунтарски.

То же самое можно сказать относительно пророческого слова. Все пророчества Ветхого Завета, — исходили ли они от достойных или от недостойных пророков, — засвидетельствованы Св. Писанием как глаголы Духа Святого; они все исполнялись в свое время, даже если пророк был нечист, а люди отвергали пророчество.

Более того, эти три пути, представленные царем, священником и пророком, являясь основой историко-воспитательного метода

Божия для откровения Себя в веках народу израильскому, связаны единством возвышенной цели, которая развивалась во времени. Царство в Израиле, как система управления и образ жизни царей, было тем, что гарантировало практику богопочитания, службу святилища, содержание священства, ежедневные жертвоприношения и исполнение всех священнических обязанностей. Это в свою очередь было связано с пророческими проризаниями относительно правильности и здравия побуждений, руководивших народом Израиля. Единство Израиля, таким образом, основывалось на трехчастной системе монархии, священства и пророчества, спаянных в живое, органическое целое, где царь, священник и пророк являлись тремя членами живого тела, управляемого и направляемого Богом к определенной, жизненно важной для всего мира цели — к откровению Самого Бога.

Божественный план, кроющийся за образованием живого тела Израиля как избранного народа, может быть выражен в общих чертах, как желание Бога явить Себя миру через этот живой организм, развивающийся во времени в течение многих поколений. Бог открывал Себя в царе по сродству верховной власти, направленной на спасение народа. Он являл Себя в священнике через его священническое служение в качестве посредника и целителя людей. В проризающем и видящем видения пророке Он открывал Себя, как утешитель и учитель народа.

И сам Израиль не был для Бога самобытующим, оторванным от Него телом. Напротив, народ этот был для Него первородным сыном, возлюбленным первенцем из всех народов мира. Бог считал его также любимым слугой, ибо он первый из народов поклонялся Ему по определенной Им системе богопочитания.

Однако не в личности царя, священника или пророка (ни даже в целокупном образе избранного народа, который сам по себе был бунгарем) Бог замыслил воплотить божественную царственность, божественное священнослужение и божественное слово: они должны были быть явлены в личности Мессии, которому предназначено было осуществить концепцию царственности — в смысле божественного правопорядка и владычества, концепцию священнослужения — в смысле искупления и спасения и концепцию пророчества — в смысле прямого, явного откровения Божия. Мессия, будучи Сыном Божиим по божеству, предназначался быть пред Богом представителем усыновленных Ему людей, в то же время оставаясь

по плоти слугой Божиим, истинным израильянином, сыном Давида, семенем Авраама.*

Таким образом, с самого начала Мессия мыслился предвечным Царем, образом Которого были Давид и все другие цари и в Котором царственность достигает своего наивысшего момента. Возглавление царства Израильского должно было опочить на раменах Его в божественной простоте не только в истории, но во веки веков, потому что престолу Его нет конца. "Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира. Умножению владычества Его и мира нет предела на престоле Давида и в царстве его" (Ис. 9: 6,7).

Мессия должен был быть тем Первосвященником, образом Которого был каждый священник, поставленный служить пред Богом в качестве посредника людей, и в Котором священство достигало своего наивысшего момента. Посредничество возложено на Него как на единственного ходатая по искуплению, прощению грехов и вечному примирению Бога с человеком.

Он мыслился быть Пророком, во имя Которого прорекали все пророки и Чье пришествие в полноту времен они предвозвещали. Он должен был явиться завершением всех пророчеств, всякого познания и всякой премудрости этого века, ибо Христос (Мессия, помазанник) постоянно пребывает живым, совершенным откровением пред Богом** и человеком. Поэтому, когда всякая плоть увидела спасение Божие, отпала необходимость в пророках о Нем.

Новый Завет раскрывает мистическую связь между Израилем, как народом, и Мессией, т.е. Христом. Все, что приписывалось Израилю, можно всецело перенести на Мессию. Например, Бог сказал о Господе Иисусе по возвращении из Египта, где Он укрывался от Ирода со Своей Матерью и Иосифом: "Из Египта воззвал Я Сына Моего" (Мф. 2: 15). И то же слово было сказано народу Израильскому во время исхода из Египта (ср. "Израиль есть сын Мой, первенец Мой... отпусти сына Моего" — Исх. 4: 22, 23; и

*) т.е. в целом воплощая в Себе идею Израиля.

**) как самооткровение Отца в Сыне.

"Из Египта вызвал (Я) сына Моего" — Ос. 11:1). Т. е. движение Израиля было символично, разыгрывая жизнь, характер и дела грядущего Христа.

В самом деле, черты, общие Израилю и Мессии, запечатлены на всем, и даже пророчества, обращенные к Иакову, названному Израилем, могут быть отнесены к Мессии: "Иаков, раб Мой, и Израиль, которого Я избрал" (об Иакове) и "Ты раб Мой, Израиль" (о Мессии) — Ис. 44:1, 49:3. Эти слова, приложимые как к Мессии, так и к народу Израиля, раскрывают таинственный смысл, лежащий в именовании Христа Сыном и Отроком (т. е. рабом) и в то же время Царем, Первосвященником и Пророком, ибо Он есть истинный израильтянин, или, правильнее, подлинный Израиль, и Он же есть подлинный Сын Божий.*

Все это указывает на динамические взаимоотношения между личностью Мессии и личностью Израиля. Однако божественное слово, извещение или действие, осуществлявшиеся посредством Его царей, священников и пророков ради Израиля, не были адекватным выражением самого Мессии, но предназначались к исполнению и достижению конечной цели в Нем, предвечном Царе, единственном Первосвященнике и Пророке, изрекающем Свои собственные глаголы. От Него зависела вся жизнь Израиля. Поэтому вся история Израиля со всеми событиями с участием его царей, со всеми священными обрядами и пророчествами есть история познания самого Мессии, выраженная символически в образе народа, избранного со всей тщательностью и любовью, чтобы являть Бога и возвещать о Его личности и милосердии всем остальным народам земли. Даже трагедии Израиля, как пленение и постоянные наказания чрез всю его историю, не могут быть выключены из области положительного божественного акта, потому что ими Бог медленно, но верно направлял Израиль к сближению с другими народами и царствами. Таким образом подготавливалось единение с другими нациями мира, которое Израилю неизбежно предстояло осуществить в лице Господа Иисуса Христа, Мессии. И когда Он совершил единение Израиля и остального мира, примирив обоих в Себе на кресте, историческая миссия Израиля была

*) "Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но унижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек" (Фп. 2:67).

исчерпана. Или, точнее говоря, миссия исторического Мессии пришла к концу и началась миссия Христа всех народов, Христа вечной жизни.

Внутренняя органическая связь между личностью Израиля и личностью Христа объясняет тот факт, что все исторические события, все законодательства и обряды, все учение и пророчества, записанные в Ветхом Завете, будучи типично израильскими, присущими ему одному, не могут быть поняты или объяснены вне личности Христа, Который есть начало и конец Израиля. Как говорит апостол Павел, Христос есть конец Моисеева закона. Он же, соответственно, есть конец царства, основанного Давидом, и конец всех пророчеств. Более того, Он есть конец Израиля, как народа, и, следовательно, конец человечества, ибо в Нем обитает всякая полнота (Кол. 1:19). Ветхий Завет лишь пролагает путь к Христу, изображая Его во времени на сцене истории путем символов и образов. Исторические события стояли в центре пророчеств, акцентированных на Христе, до тех пор, пока не исполнились в Нем. Пророчества непрестанно обличали также ложные внешние наслоения, завлакивавшие правду о Царстве грядущего Мессии — Царстве благодати и истины, духа и жизни, — пока оно, наконец, не явилось и мы получили возможность видеть его и своими руками осязать Слово жизни, Иисуса Христа, Который есть Дух пророчеств ("ибо свидетельство Иисусово есть дух пророчества" — Отк. 19:10). Также и все священнические обряды богочитания, служившие для приближения человеческого духа к тайне Христа, истинного Агнца, резко оборвались с пролитием Его крови на кресте воочью всех.

Христос был и остается центральным стержнем, вокруг которого оборачивается вся Тора. И не только она, но и вся история спасения человечества. Среди образов Мессии как средоточия спасения, царства и славы Израиля, преобразенных затем в образ Мессии всего человечества и всех веков и ставшего средоточием спасения, славы и царства превыше этого мира, образ Мессии — Сына Человеческого в видении пророка Даниила является, пожалуй, самым красноречивым:

"Видел я в ночных видениях, вот с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, чтобы

все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится” (Дан. 7: 13, 14).

Такое видение Мессии, вдохновлявшее учителей еврейского народа в период до рождения Христа, было одним из наиболее ярких аспектов в учении раввинов. Они настойчиво повторяли, что нет пророчества вне Христа, что “все пророки прорекали только то, что касается дней Мессии” и что “весь мир был создан ради Мессии”.* Это же понимание Мессии легло в основание Нового Завета. Сам Христос чрез все Евангелие многократно ссылается на свидетельство Писания о Себе, как например: “И начав от Моисея, из всех пророков изъясняя им сказанное о Нем во всем Писании” (Лк. 24: 27).** Оно было фундаментом веры, напечатленной в сознании ранней Церкви: “Все Им и для Него создано; и Он есть прежде всего, и все Им стоит” (Кол. 1: 16, 17).

Осознав, что смысл истории и бытия еврейского народа заключен в Мессии, еврейские учителя и раввины стали тщательно собирать все события и пророчества Писания, относящиеся к Нему и Его личности, к Его деяниям и Его времени в истории. Они собрали 458 таких ссылок, из которых 75 содержатся в Пятикнижии Моисея, 243 в книгах пророков и 138 в истории праотцов. Все они были записаны верховным советом евреев Санхедрим. К сожалению, более поздние учителя и раввины, жившие перед самым пришествием Христа, увлеклись в запутанные толкования неясных текстов о Мессии и уклонились в сторону фантастических, часто бессмысленных дедукций, которые заволакивали истину и подлинные черты личности грядущего Мессии. Пророчества, указывающие на Мессию, извращались в умах вождей народа, у которых восприятие истины было повреждено; так что ко времени восхождения света их притушенное зрение оказалось не способно воспринять его.

Притушению духовного сознания вождей способствовала также концентрация на внешних формах закона. В умах священников, фарисеев, саддукеев и книжников сущность религии заключалась

в точном исполнении буквы закона, в заучивании текстов, содержащих закон, в строгом соблюдении обрядов очищения и других ритуалов, в повторении вслух коротких молитв и в патриотическом рвении к восстановлению былых царства, величия и главенства Израиля над другими народами. Вне этих рамок они не видели ничего мессианского, и даже пришествие Мессии имело, по их мнению, целью восстановление со всей точностью древних форм богочитания и осуществление их собственных чаяний.

Таким образом, иудейское богочитание отклонилось от подлинно мессианского смысла, содержавшегося в божественном плане. Писание и пророчества уже более не толковались по существу: вместо того, чтобы сосредоточить внимание на грядущем Мессии как Спасителе мира чрез Израиля, учителя его толковали, что Мессия придет править этим миром, чтобы восстановить славу израильского народа. Поэтому с первого же момента появления Христа между Ним и учителями иудеев начались столкновения. Пренебрегая Его божественным учением, что Мессия есть Спаситель всего мира чрез Израиля, они сводили весь предмет к ничтожным деталям закона, к очищениям и разным наслоениям религии; и чем упорнее они стремились к мирской славе и главенству Израиля, тем дальше отодвигался Он от священников, законников, книжников и патриотов-зилотов. Фанатично преданным своему обряду, своей нации, своему государству, им казалось, что Христос не обладает качествами, необходимыми Мессии, как они себе Его представляли, следуя своим собственным взглядам и извращенным устремлениям.

Однако такое затемнение истинного смысла веры в Мессию не было всеобщим в израильском обществе. Оставалась часть народа, включая начальствующих и просто благочестивых людей, которая сохранила чистый дух богочитания и держалась за неложные обетования Божьи. Эти люди горячей веры томилась по наступлению дня Мессии, образ Которого они сумели разглядеть, изучая пророков и ранних богодохновенных учителей. Начало евангелий Нового Завета дает нам примеры таких верных: это древний Симеон Богоприимец, пророчища Анна, священник Захария, праведная Елисавета и Пресвятая Дева Мария.

Перевела мать Юлиания

(продолжение следует)

*) “The Rabbis of Jewish Nation”, Sanh. 99-9, 98-6.

**) “Исследуйте Писания ... ибо они свидетельствуют о Мне” (Ин. 5: 39).

Б. С. БЕЛОВ

ПАВЕЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ ФЛОРЕНСКИЙ *
(Опыт характеристики его личности и творчества)

Павел Александрович Флоренский! Это имя еще недостаточно известно и оценено. Оно тщательно замалчивалось у нас на протяжении почти пятидесяти лет. Автор этих строк с благоговейной памятью о нем собирает по крупицам все доступные ему материалы с целью увековечить это имя, пытаюсь создать хотя бы слабый опыт характеристики личности и творчества Павла Александровича. Автор сознает, что это только первое приближение, что это только первый, далеко не полный и далеко не совершенный вариант задуманного.

*

ЛИЧНОСТЬ

Павел Александрович Флоренский представляет собой исключительно счастливое, можно сказать, уникальное сочетание редких качеств в одном человеке. Математик и мистик, страстно-верующий православный и трезво рассуждающий ученый, искусный экспериментатор-физик и глубокий богослов, техник-изобретатель и лирический поэт, тонкий ценитель прекрасного,¹ оригинальный философ и изумительный полиглот-филолог.

Он с одинаковым знанием дела пишет и о мнимостях в геометрии,² и о женских модах эгейской цивилизации,³ о мистическом смысле древних икон⁴ и о вычислении электрического градиента на витках обмотки трансформатора,⁵ о пределах гносеологии⁶ и о техническом применении диэлектриков,⁷ о драме Г. Флобера "Искушение св. Антония", давая тонкий психологический и литера-

*) Глава из книги *Религия и культура*. М., 1967 (Апологетика, кн. 5), самиздат.

турный анализ произведения,⁸ и о новейших вычислительных машинах⁹ и т.д. и т.д.

И за какой бы вопрос ни брался Павел Александрович — везде он проявлял себя не дилетантом, а специалистом, знающим предмет во всех деталях и распоряжающимся материалом совершенно свободно и самостоятельно, высказывая новые точки зрения на вопрос или показывая предмет с новой, неизвестной стороны.

Трудно указать область знания, в которой П.А. не был бы крупным специалистом. В связи с этим известный русский философ Н.О. Лосский сказал, что П.А. Флоренский обладает "сверхчеловеческой эрудицией".¹⁰ Эти замечательные слова не зря сказаны, они глубоко характеризуют уникальный талант Павла Александровича, печать его гениальности. Он принадлежит к тому редкому типу ученых-универсалов (теперь уже невозможному), которые способны охватить в себе все познания человечества. И в этом смысле (повторяем — в смысле универсальности познаний) он может быть сравнен с Лейбницем, хотя в ту эпоху было значительно легче стать универсалом, чем в нашу.

По типу своей гениальности он может быть сравнен с Б. Паскалем.¹¹ Это именно тот редкий тип гения, который совмещает в себе глубокую религиозность, богатую мистику с трезвым умом, с непрерывным интеллектуальным творчеством, с мощью логического мышления.

Какой-нибудь большой специалист-ученый, работающий в одной узкой области знания, как бы ни было велико значение его работ, никогда не может считаться гением. Только универсальность, в каком бы аспекте она не проявлялась, раскрывает нам истинное лицо гения, его природу, как это тонко и блестяще разъяснил Отто Вейнингер в своей замечательной книге "Пол и характер".¹² Если в художественном творчестве гениальность проявляется в способности перевоплощаться во все типы людей, во "всечеловечность", в способности понять душу каждого, всю бесконечную гамму человеческих переживаний, то в научно-философском творчестве она проявляется в способности к широчайшим обобщениям, охватывающим и человека, и природу, и смысл жизни, и все мироздание (а для этого нужны огромные, универсальные, поистине "сверхчеловеческие" познания, создающие цельное, стройное и глубоко обоснованное мировоззрение).

О мировоззрении П.А., о его оригинальной системе идей мы будем говорить во второй части данной работы, посвященной характеристике его творчества. А теперь мы скажем несколько слов о том, что способствовало его необычайно широким и глубоким познаниям. Его "сверхчеловеческая" эрудиция возникла, так сказать, под скрещивающимся влиянием двух факторов: блестящих прирожденных способностей и всепоглощающей страсти к знаниям. Существует особый тип людей, для которых познавательные интересы являются преобладающими в жизни. Причем, такие люди ищут не отвлеченного знания, а знания жизненного, "цельного", познания сущности вещей и смысла жизни. Это люди с фаустовской жадностью познания.

Валерий Брюсов, поэт и прозаик, драматург и романист, литературовед и переводчик, подводя итог своим разносторонним знаниям, воскликнул: "Как жалок этот горделивый перечень сравнительно с тем, чего я не знаю... Если бы мне иметь сто жизней, они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня!"

Вот такая жажда познания сжигала и П.А. Эта страсть к знанию, книгам, духовная потребность к расширению своего интеллектуального кругозора, напоминает учителя П.А. по университету — академика В.И. Вернадского, к которому он всегда относился с глубоким уважением. Оба они читали такую бездну литературы, по таким разнообразным вопросам и на стольких языках, что приходится удивляться их способности — времени придавать длительность и день превращать в несколько дней (в смысле продуктивного уплотнения времени). П.А. умел использовать для чтения каждую свободную минуту. Например, когда он ездил на трамваях, автобусах, поездах, он всегда читал, углубляясь в книгу, не обращая внимания на окружающее.¹³

При таком неумном стремлении к обогащению своих знаний, при своих способностях и исключительной памяти, не удивительно, что он уже в студенческие годы выделялся как "перспективный ученый" и его стремились оставить при университете. Будучи членом математического кружка при Московском университете, он прочел доклад о математических идеях Георга Кантора, обративший внимание русских ученых на этого замечательного математика и сделавший его имя известным у нас в России. Именно П.А. "открыл" у нас Кантора. Также не вызывает удивления и воспринимается как нечто естественное и должное тот факт, что на Западе

называют известного бельгийского ученого аббата Жоржа Демэтра,¹⁴ автора напумевшей теории "расширяющейся Вселенной" — бельгийским Флоренским, имея в виду необычайные познания Флоренского в естественных науках.¹⁵ Этим самым Запад как бы отдает дань уважения универсальному гению русского ученого и мыслителя.

Другая характерная черта П.А. — исключительное своеобразие и оригинальность его идей, его мышления. В каждом вопросе, который бы он ни затрагивал — он всегда находил нечто новое.

Во всем он видел то, чего другие не замечали. Каждый предмет, каждый вопрос, который входил в сферу его внимания, поворачивался к нему всегда новыми сторонами, новыми гранями. Эта удивительная способность видеть во всем, даже в самом обычном и тривиальном, нечто новое, также признак гениальности. Как бы ни относиться к его идеям (а с некоторыми его идеями можно не соглашаться), положительно или отрицательно, но нельзя не признать их своеобразия и оригинальности. Причем, мы берем последнее слово в самом лучшем и прямом его значении. Это не оригинальничание, а именно индивидуальное своеобразие. Каждая его идея носит на себе отпечаток его неповторимой и крайне своеобразной личности. И вот в этом смысле его оригинальность признают почти все — и други, и недруги.

В качестве характерного примера может служить его знаменитая книга *Столп и утверждение Истины*. Эта книга чрезвычайно оригинальна и по содержанию (идеи), и по композиции, форме изложения, и по стилю, языку своему, даже по титульному листу! Вся она, со всеми примечаниями, приложениями, вишнетками, расположением шрифта, непривычной формой изложения и т.д. проникнута индивидуальным своеобразием личности автора. В этом смысле интересный отзыв о ней дал не кто иной, как официальный оппонент, когда эта книга была представлена в качестве диссертации на соискание ученой степени магистра богословия. "Книга о Павла, — пишет ректор Моск. Духовн. Академии еп. Феодор, — удивительно оригинальна и своеобразна и по содержанию, и по построению, и по своему стилю, вот первое впечатление от нее". "Как Теодицея,¹⁶ книга о Павла может удовлетворить самый требовательный вкус, изощренный в философии и богословии. Раскрывается вся премирная глубина христианства, его необходи-

мость для человека, освещается светом христианства и уясняется им высший смысл жизни и бытия мира и все — и частное, и основное в христианстве с необыкновенной ясностью выявляется в своем высшем смысле и единстве. Не знаю, есть ли на Западе что-либо подобное, но в русской литературе подобного опыта теодицеи нет, и в этом смысле книга о. Павла явление исключительное". "Книга о. Павла высоко научная; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом в этой книге. Он прекрасно знает античную философию и античный мир; в совершенстве изучил новую философию, показал себя филологом и математиком, проявил громадную начитанность и в святоотеческой литературе, в литературе богословской иностранной и русской. Одни примечания автора сами по себе без наших слов могут говорить за научное достоинство его труда, и ценность их может быть понятна вполне только специалистам вроде самого автора. Но автор везде остается свободным от подавляющего влияния этого научного багажа; он везде творец и хозяин. Читая книгу автора чувствуешь, что вместе с ней растешь духовно, а не только приобретаешь знание в какой-нибудь области; да до нее и нужно дорасти, чтобы понять".¹⁷

В начале нашего изложения мы остановились на сравнении П.А. Флоренского с Лейбницем по признаку универсальности их познаний. И сейчас мы находим глубоко характерную черту, общую им обоим: у Лейбница "Теодицея" является по смыслу основным его трудом,¹⁸ — то же мы видим у Флоренского. В этом сказалось родство самых глубоких устремлений мысли их, сходство в складе их ума, и, конечно, сходство в самом типе их индивидуальности.¹⁹

Нужно сказать, что необыкновенная книга П.А. вызвала много откликов и острый спор среди представителей русской религиозной философии по вопросу об антиномичности человеческого разума. Проф. Московского университета по кафедре истории философии Е.Н. Трубецкой выступил в мае 1914г. с докладом "Свет фаворский и преображение ума" (по поводу книги Флоренского) в Московском религиозно-философском обществе.²⁰ В этом докладе автор отмечает, что "может быть, во всей мировой литературе, кроме "Исповеди" бл. Августина, нет более яркого и мучительного изображения души, раздираемой грехом и сомнениями, нигде так ясно не выступает необходимость помощи Свыше

для человеческого спасения, чем у о. Павла". В прениях по докладу, касавшихся исключительно вопроса об антиномичности разума, мнения разделились: одни встали на точку зрения Е. Трубецкого, отрицавшего антиномичность разума, другие защищали точку зрения о. Павла. С того времени спор не прекращался и разделил русскую религиозную мысль на два лагеря. Проф. Е. Трубецкой назвал сторонников о. Павла "русской школой мистического алогизма".²¹ К ней принадлежат — ближайший друг о. Павла С.Н. Булгаков, друг с гимназических лет — Вл. Эрн и Н.А. Бердяев.

В это время (1914г.) П.А. был уже профессором Московской Академии по кафедре истории философии, и его чрезвычайно интересные лекции многих привлекали и даже посещались студентами Моск. университета и других высших учебных заведений Москвы (явление небывалое для Духовной Академии). В связи с этим, когда лекцию читал П.А., то в аудиторию нельзя было попасть чуть запоздавшему. Слушатели не только сидели, но и стояли в проходах и в дверях, хотя лекции П.А. читал в самой большой аудитории. К тому же следует заметить, что в то время электрички не было и добраться до Сергиева Посада (теперь г. Загорск), где находилась Академия, можно было только на поезде, затратив на проезд в один конец два часа. Это обстоятельство говорит о том, что часть московского студенчества (имеющая интеллектуальные запросы) шла на жертвы, не считаясь с потерей дорогого для нее времени, лишь бы попасть на лекцию П.А. С другой стороны, мы считаем, что едва ли лекции П.А. были доступны и понятны большинству студентов самой Академии. Ввиду их сложности они требуют для своего понимания высокого культурного уровня, которого не могло быть у массы студентов Академии.²²

Между прочим, лекции П.А. внешне были невыразительны (по словам очевидцев). Говорил он довольно-таки монотонным голосом, без всяких внешних эффектов. Привлекала только их внутренняя содержательность, глубина, оригинальность мысли. Некоторых, возможно, привлекало обаяние самой личности лектора, его слава необыкновенного ученого (не без этого).

Есть еще одна интересная черта в складе ума П.А. Это изобилие идей, непрерывность его духовного, интеллектуального творчества, которое накладывало особый отпечаток и на его внешность:

он постоянно был внутренне сосредоточен, замкнут в себе, ходил с опущенной вниз головой (так он изображен и на известном портрете М.В. Нестерова. Об этом ниже). Работа его мысли, его интеллектуальное творчество никогда не прекращалось. И даже в моменты, когда ему приходилось разговаривать на обыденные темы (а такие темы он не любил), его мысль продолжала работать и достигала своего высшего напряжения именно в те часы, когда он, по-видимому, ничем не был занят, и процесс творчества происходил у него на ходу, во время прогулки или дружеской беседы. В этом отношении он напоминает Вл. Соловьева, у которого творчество продолжалось даже во сне (на подсознательном уровне), и он иногда просыпался с готовым стихотворением. Нечто подобное наблюдалось и у П.А.²³

Употребляя грубое сравнение, можно сказать, что голова у него была настоящим генератором идей. Он часто просто не успевал излагать и развивать вновь возникающие идеи. Даже находясь в заключении на севере, в условиях тяжелого лагерного режима и быта,²⁴ он все время что-то изобретал. Например, находясь в Соловках, он занимался вопросами утилизации морских водорослей с целью получения иода и агар-агара и добился даже постройки маленькой экспериментальной установки. Находясь на Дальнем Востоке в области вечной мерзлоты он занимался исследованием "вечной мерзлоты" и сумел даже написать ряд работ по этому вопросу и т.д. Конечно, если мы учтем, что даже на свободе изобретатели у нас нередко десятилетиями добиваются реализации своих изобретений, пробивая броню равнодушия и бюрократизма, то что же можно ожидать от лагерного рационализатора-попа, да еще в то время? С ним просто никто не считался и его перегоняли из лагеря в лагерь, не давая ему возможности обжиться и завоевать себе авторитет.²⁵ Поэтому и то небольшое, что он там сделал, стоило для него огромного труда и необычайной энергии. Вполне понятно, что он сильно страдал в лагерях из-за отсутствия возможности излагать свои мысли. Он писал жене, что у него пухнет голова от мыслей. Это было для него, пожалуй, самое большое страдание, более тяжкое, чем голод и все другие лишения лагерной жизни.

В советские годы П.А. работал в разных научных учреждениях: в частности, примерно с 1929 по 1933г. он работал в ВЭИ

(в Лефортове) научным руководителем отдела материаловедения. В это же время он был сотрудником-автором первой многотомной технической энциклопедии (26 томов, выходила в течение 1927-1936гг.). Для этой энциклопедии им было написано примерно 300 статей. В 1924г. вышла монография П.А. "Диэлектрики и их техническое применение", в изд-ве Главэлектро ВСНХ (387 стр.). С этого времени П.А. становится авторитетным специалистом в области диэлектриков.

Вот как пишет о П.А. один автор, имея в виду указанный период его работы: "В это время (1924-1930) Флоренскому было только 42-48 лет, но перед ним почтительно вставали маститые специалисты — физики, инженеры, технологи, изобретатели, всю жизнь отдавшие науке и технике. Флоренский продолжал жить в Москве, но нередко приезжал в Петроград для участия в специальных заседаниях и работах научно-исследовательских институтов Академии наук, особенно Института Физики. Когда на одном из таких специальных ученых заседаний князем технической науки Флоренский в одеянии, не оставлявшем сомнений в его духовном сане, взошел на кафедру докладчика и в зале заседания водворилась абсолютная тишина, некоторые из присутствующих пришли в недоумение: "Что?! Священник?! В нашем собрании? Как это возможно?.." — Да! Да! тише! — зашептали им со всех сторон — слушайте! Это — Флоренский". (Сообщение жены Ф.К. Андреева, 1926г.)²⁶

Теперь, когда мы ознакомились со складом ума П.А., мы можем попытаться охарактеризовать и более глубокие стороны его личности, которые выражаются словами "чувство", "сердце", "воля", "интуиция" и т.д. и которые объединяются в более общие понятия "характера", "нравственного облика".

Прежде всего возникает вопрос: откуда у П.А. такая религиозность, такой глубокий мистицизм, окрашивающий в свои цвета все стороны его личности, его мироощущение, его мировоззрение, его жизнь в целом? Может быть сказалось здесь влияние воспитания, семьи? Оказывается — ничего подобного. Его отец Александр Иванович, инженер-путеец, был весьма образованный человек, увлекающийся естественными науками. Он очень внимательно относился к воспитанию сына, проявлявшего большие способности и воспитывал его в духе так называемого "научного

миропонимания". Он старался привить сыну любовь к знаниям, к науке и ее точным методам. Отцу хотелось, чтобы сын посвятил себя именно научной карьере и с этой целью дома, сверх школьной программы, проводил с ним дополнительные занятия по математике, физике (дома имелась даже маленькая физическая лаборатория), геологии, языкам (немецкий, французский, английский). Конечно, это влияние отца и домашних занятий было очень плодотворным и способствовало развитию блестящих способностей П.А. Здесь следует подчеркнуть дух этого образования. Это был дух не гуманитарного, а "реалистического" (как тогда говорили) образования или естественно-научного.

Отношение отца к религии было если не отрицательным, то во всяком случае индифферентным. Таким образом, религиозная вера и мистицизм возникли у П.А. помимо влияния отца и семьи вообще. На какой-то стадии его внутреннего духовного развития в нем возникла религиозная потребность под влиянием особых личных переживаний мистического характера.²⁷ Поэтому к религиозной вере П.А. пришел совершенно сознательно и самостоятельно в силу глубочайших запросов своего сердца, своей души. В этом нет ничего удивительного, ибо "человек есть тайна" (Достоевский).

Вот что мы читаем в краткой автобиографии Павла Александровича (машинопись), хранящейся у его сына Кирилла Павловича.²⁸ "Воспитанный в полной изоляции от представлений религиозных и даже от сказок, я смотрел на религию как на нечто вполне чуждое мне, а соответственно уроки Закона Божия в гимназии вызывали лишь вражду и насмешки. Когда впоследствии, после Октябрьской революции, спрашивалось в каких-то анкетах о моем отношении к прекращению преподавания религии в средней школе, я с полным убеждением отвечал, что глубоко сочувствую этому прекращению, ибо эти уроки ведут только к атеизму".

"В конце гимназического курса я пережил духовный кризис, когда мне открылась ограниченность физического знания. В этом состоянии мною было воспринято воздействие Л. Толстого, которого я раньше игнорировал".

Из этих скупых, лаконичных строк мы узнаем, что П.А. был воспитан в полной изоляции от всех религиозных представлений и понятий, что он пережил духовный кризис в конце гимназического курса и пришел к религии под влиянием Л. Толстого.²⁹

Все изложенное о воспитании П.А. подтверждается воспоминаниями его товарища и однокурсника по Московской Духовной Академии. "Как-то мне случилось, — пишет он, — сказать при П.А., что я получил религиозное воспитание. Не возражая мне из деликатности прямо, П.А., по-видимому, скептически отнесся к моему воспитанию. "А я, — сказал он, — не знаю, что значит религиозное воспитание. Мне пришлось самому учиться всему с самого начала. Вы не можете себе представить, какого труда стоило мне усвоить самые простые вещи: перекреститься, поставить свечу, подать просфору". И в назидание мне, чтобы дать мне понять, насколько больше значит природное религиозное расположение сравнительно с внешними навыками, даваемыми воспитанием, П.А. рассказал мне историю своего детства.

Родители и две тетки, воспитывавшие П.А., задались целью сделать из него ученого. Религия в семье П.А. рассматривалась как пережиток, о котором говорить неприлично. Как-то, — рассказывал П.А., — я заинтересовался Евангелием. Мне снисходительно сказали: "Ты хочешь познакомиться с ним — изволь, но..." Но я уже сконфузился: "нет, нет, не нужно". В детстве таким образом П.А. был пропитан идеями научного позитивизма. Его усердно пичкали естествознанием. П.А. ребенком страдал бессонницей. У его кровати тетки, не теряя времени, читали ему научные книги, и П.А., по его словам, еще в детстве собрал "колоссальный запас знания". Начиная с 5-го класса гимназии он вел систематический дневник своих научных опытов — главным образом по физике. Весь путь к религии П.А. таким образом проделал самостоятельно, пройдя, по его словам, "через все ереси", так что, например, одно время он принципиально ходил не в православную церковь, а в католический костел.

Но в общем и существенном религиозные убеждения П.А. сложились уже в старших классах гимназии. Конечно, для этого требовались сильные природные задатки, и бессознательно П.А. был религиозен уже в раннем детстве. Подобно Гете, он сооружал в детстве алтарь, посвященный культу природы. Вообще к природе он чувствовал страстное обожание. Случалось, что во время прогулок с отцом за город он приходил в экстаз, становился на колени перед цветами и просил у них прощения, что не может все их взять с собой.

Но путь к положительной религии, к православию, очевидно, был для П. А. далек и нелегок. Так, например, креститься он учился в постели, в темноте, под одеялом, чтобы никто не видел”.³⁰

Здесь мы сделаем маленькое отступление от темы. Чтобы получить необходимый материал для характеристики П. А., бывали мы несколько раз у его супруги — Анны Михайловны — осенью 1965 г. Она проживала там же и в том же доме, где жил П. А., т. е. в г. Загорске (б. Сергиев Посад), ул. Пионерская (б. Дворянская), д. 19. Улица тихая, немощеная, покрытая травой, вся в зелени прилегающих садиков, имеющихся возле каждого дома. Тут и дома похожие — все деревянные, одноэтажные, с наличниками на окнах и воротами во двор, с заборами и палисадниками. Сохранился колорит старинного провинциального городка. Когда я подошел к дому (а я его нашел не сразу — был спутан адрес), то заметил старую вывеску, на которой прочитал: “Дом П. А. Флоренского № 19”. Я с волнением смотрел на дом и на вывеску и, прежде чем дернуть за ручку звонка (звонок старинного типа), я подумал: как забыто это имя! Даже точный адрес дома я не мог получить. И тот, кто дал мне рекомендательное письмо к Анне Михайловне, — не знал его.

Когда я переступил порог дома и вошел в кабинет П. А., я почувствовал какой-то благоговейный трепет, чувство святости, окружающей меня. Не отступала мысль, что вот в этих стенах жил и трудился тот великий и в то же время простой и скромный человек, которым я всегда восхищался и перед памятью которого я теперь благоговею... Как будто бы сейчас я встретился с ним. Ведь я его знаю давно — уже сорок лет — по его книгам и статьям. И вот теперь я у него дома...

Эта комната с двумя окнами и сейчас напоминает кабинет. Кругом простые, темные книжные шкафы; встроенные, как теперь говорят, покрашенные “морилкой”. Анна Михайловна показала мне стол, который служил П. А. письменным столом. С точки зрения современного человека — это типичный кухонный стол — простой, небольшой, с одним ящичком посередине и также выкрашенный “морилкой” (теперь кухонные столы делают богаче). Анна Михайловна разъяснила, что П. А. не признавал больше никакой краски для бытовых нужд и стремился, чтобы все было просто и скромно. На этом письменном столе у него кроме чернильницы

ничего не было (не считая бумаг и книг). Эта простота и скромность меня поразили.

В углу висело несколько икон и посередине икона Софии Премудрости Божьей с горящей лампадой. Так было и при жизни П. А. В доме пять комнат. При жизни П. А. комнаты назывались: кабинет, столовая, спальня, детская, комната для бабушки (матери Анны Михайловны). Была еще большая веранда, выходящая в сад. Теперь ее нет, она подгнила и завалилась. Дом стал ветхий, и хозяйке его трудно содержать в порядке. Необходимо сказать несколько слов о самой хозяйке дома. Анна Михайловна принадлежит к типу тех редких самоотверженных женщин и жен, которые себя без остатка посвящают семье, детям, домашнему хозяйству с тем, чтобы освободить от этих дел и забот мужа. Такими женами обладали Ч. Дарвин, И. П. Павлов, Ф. М. Достоевский и П. А. Флоренский. Если бы не их жены — они не могли бы создать и половины созданного ими. Анна Михайловна не только освободила мужа от всех домашних забот, но и старалась даже не отвлекать его своими разговорами и вопросами. Такая необычайная жертвенность и чуткость женской души теперь многим непонятна. Во всяком случае, П. А. обязан в значительной степени ей созданием книги “Столп и утверждение Истины” в сравнительно короткий срок.

Возвращаемся к описанию дома. Возле дома — большой сад. Около веранды раньше находился цветник. Много было роз и других цветов. И здесь же были кусты жасмина. П. А. очень любил цветы и сам их высаживал, сам ухаживал за ними. По словам Анны Михайловны, именно в этом саду известный художник М. В. Нестеров нарисовал портрет — П. А. и его друга С. Н. Булгакова, идущими по дорожке в предвечерней прогулке. Они идут рядом, погруженные в беседу, на фоне нестеровского пейзажа. П. А. в белом летнем подряснике, в черной скуфейке, с длинными волосами, идет, как всегда, опустив голову, с посохом в руке. С. Н. Булгаков — с открытой головой, в обычном пиджаке, в пальто, брошенном на плечи. Мы считаем портрет П. А. чрезвычайно удачным. Художник как-то сумел воплотить два характерных для П. А. качества — мыслителя и мистика — и передал это такими чертами, которые оказываются общими для характеристики (живописной) того и другого типа человека. Эти черты (мыслителя и мистика) чувствуются во всем облике П. А.: четком, худом, строгом, самоуглубленном. Эти черты подчеркиваются еще необычной одеждой,

которая как бы символизирует его мистическую отрешенность от чувственно-земного, т. е. от всех материально-эгоистических интересов мира сего.

Этот портрет-картину Нестеров назвал "Философы". Хранится она у дочери художника — Н.М. Нестеровой.³¹

С. Дурьлин, ближайший друг Нестерова в последний период его жизни, пишет в своих воспоминаниях: "Михаил Васильевич — что чрезвычайно редко случалось с ним — был доволен этим полотном, написанным в конце лета 1917г. Он всегда считал "Философов" одною из лучших своих работ. Его радовала живописная точность характеристик философов, — крепкая связь их фигур с пейзажем и общий колорит — мягкий, свежий, теплый, выдержанный в его излюбленной, по новому найденной гамме: бледно-синее, зеленое, светло-серое. / ... / Пейзаж и портрет сливаются неразрывно в предвечернюю элегию "тихого разговора", исполненного внутренних сильных переживаний для двух собеседников..."³²

Анна Михайловна показала мне маленький пейзаж (окрестности Сергиева Посада) Нестерова, подаренный ей художником с дарственной надписью на обороте. (Это было примерно в 1916-1917гг.). Мы остановились на Нестерове потому, что он имеет близкое отношение к П.А. Ведь Нестеров "был одним из крупнейших и интереснейших русских художников конца XIX и начала XX века",³³ и вместе с тем самый яркий и талантливый выразитель религиозного искусства в области живописи. Суть того, что мы хотим сказать, в том, что П.А. и его дом был тем "магнитом", который притягивал к себе всех выдающихся представителей русской религиозной мысли и культуры. В доме П.А. бывали, кроме упомянутых С.Н. Булгакова, Вл. Эрна, Н. Бердяева, М.В. Нестерова еще известный русский философ Н.И. Лосский, известные писатели и поэты-символисты Андрей Белый и Вячеслав Иванов, писатель Глинка-Волжский, В.В. Розанов и т. д. Поэтому вполне естественно, что великий русский художник Михаил Васильевич Нестеров, религиозный правдоискатель и мистик,³⁴ тянулся к П.А., бывал у него дома и написал здесь одно из лучших своих произведений.

Кстати сказать, П.А. вдохновлял Нестерова во время работы последнего над картиной "На Руси" ("Христиане") и дал высокую ей оценку.³⁵ Эта картина представляет собой как бы второй

вариант ранее написанной картины "Святая Русь". Художник работал над ней десять лет. Это — шедевр русской национальной религиозной живописи по глубине психологического содержания, типичности и силе образов, а также по реализму и свежести живописного языка. В этой картине Нестеров выступил со своей концепцией русской истории, со своим пониманием "души народа" не без влияния Павла Александровича.

Попутно следует сказать, что в своей трактовке образов П.А. Флоренского и С.Н. Булгакова на картине-портрете "Философы" С. Дурьлин глубоко заблуждается.³⁶ Он трактует П.А. как отвлеченного, далекого от жизни, чисто рассудочного человека в противоположность С.Н. Булгакову, — человеку сердца. Он пишет, что П.А. "вовсе не "нестеровский человек", с его простодушной верой, с его светлой, открытой душой, обращенной к природе и Богу. Гонимый жадною пытливостью ума, терзаемый горькой способностью всякий факт бытия превращать в проблему познания, он бесконечно одинок в замкнутом кругу своей мысли..."³⁷ Что у него темперамент мысли, а у Булгакова — темперамент сердца, и т. д. Спрашивается — откуда такая предубежденность? Откуда взялось такое представление о П.А.? Достаточно внимательно прочесть его книгу "Столп и утверждение Истины", или "Соль Земли", т. е. "Сказание о жизни старца Гефсиманского скита иеромонаха Аввы Исидора", чтобы убедиться в том, что автор обладает пламенным, горячо чувствующим сердцем, сердцем нежным и кротким. Да и как это можно заподозрить у того, кто строил все свое миропонимание на мистике? Все его религиозно-богословские труды свидетельствуют о его богатом религиозно-мистическом опыте, о его глубоких и сильных переживаниях пламенно чувствующего мистика.

Именно он защищал и обосновывал теоретически мистику сердца, которую он переживал в своем личном опыте. Да и как была бы возможна такая крепкая и сильная дружба между столь разными людьми, как это представляет себе Дурьлин? Ведь настоящая интимная дружба возможна только между людьми конгениальными, имеющими какое-то сродство душ. А мы знаем, что П.А. Флоренский и С.Н. Булгаков были настолько духовно близки друг другу, что имели общее понимание по основным вопросам — были единомышленниками, и оба с большими мистическими способностями.

Мы начали свою характеристику П.А. с указания на самую парадоксальную черту его душевного склада — на совместимость как будто противоположных и редких качеств в одном человеке — страстная религиозная вера, основанная на глубокой мистике, и трезвая рассудочность, необыкновенная мощь логического мышления.

Ограниченные люди, пытающиеся измерять своим аршином великих людей, часто ошибаются именно потому, что, не находя в себе соединения таких противоположных качеств, не допускают его и в других людях. Отсюда и непонимание П.А. со стороны многих.

Что П.А. не принадлежал к тому типу людей, к которому его относит С. Дурьлин, об этом свидетельствуют близко знавшие его люди.

Например, Владимир Македонович Волков, ученик П.А. по первому курсу Академии и работающий сейчас заведующим библиотекой Моск. Дух. Академии, рассказал мне следующее (что характеризует П.А. и с другой важной стороны).

В Сергиевом Посаде была домовая церковь общества "Красного Креста" (это во время первой мировой войны). Вот в этой церквушке в то время постоянно (по воскресным дням и праздникам) служил П.А. Нужно заметить, что к этому времени он был уже широко известен и пользовался большим авторитетом в среде верующих и в кругу "начальства". Поэтому у него была полная возможность служить в более "видной" церкви (тогда и церковью было очень много), выступая перед более широкой церковной аудиторией. Но он никогда себя не афишировал, наоборот, всегда старался быть незаметным и вел себя чрезвычайно скромно. Его, как мистически настроенного человека, более устраивала маленькая, бедная церквушка с немногочисленными посетителями, где и можно только по-настоящему молиться.

Служил он необыкновенно. Так никто не служил из числа тех, кого я знал, — говорил рассказчик, — прежде всего его глубокое чувство веры, необыкновенное благоговение и удивительное смирение, выражавшееся во всем: и в голосе его возгласов и молитв, в его движениях, в его жестах — передавались молящимся. Когда он брал Евангелие — он не держал его, так сказать, "голыми" руками. Он считал себя недостойным прикасаться к святыне и держал Евангелие краями своей ризы. И так во всем. Молился он

очень сосредоточенно: никого и ничего он в это время не видел. Благоговейный трепет передавался от него, как электрический ток, всем присутствующим.

Его сосредоточенный вид, его богослужение были чрезвычайно действенными и впечатляющими, потому что Богослужение было для него молитвенным горением.

Теперь скажем несколько слов о внешности П.А., о том впечатлении, которое производила его личность на окружающих и его знавших. Вот как пишет об этом его друг С.Н. Булгаков:

"Извне он был скорее нежного и хрупкого сложения, однако обладал большой выносливостью и трудоспособностью, отчасти достигнутой и огромной аскетической тренировкой. Я был свидетелем этой его аскетической самодисциплины, как и его трудового научного подвига: обычно он проводил ночи за работой, отходя ко сну лишь в 3-4 часа пополуночи, но при этом сохранял всю свежесть ума в течение дня, и то же можно сказать о его пищевом режиме. И все это было в нем не только голосом его духовной стихии, но и делом железной воли и самообладания. Слабый от природы, в те годы, когда я знал о нем, он, насколько помню, вообще никогда не болел, ведя жизнь, исполненную аскетических лишений, когда о. Павел где-либо появлялся, он естественно привлекал к себе внимание, по крайней мере, людей зрячих.

В его лице было нечто восточное и нерусское (мать его была армянка).

Мне же духовно в нем виделся всего более древний эллин, а вместе еще и египтянин, обе духовные стихии он в себе носил, будучи их как бы живым откровением. В его облике, профиле, строении лица, в губах и носе было нечто от образов Леонардо-да-Винчи, что всегда поражало, но вместе и Гоголя. И при этой внешности, мимо которой нельзя было пройти, ее не заметив, в ней не было ничего вызывающего... Это же было и в голосе и в речи: о нем всегда просилось на уста шекспировское слово (Гамлета об Офелии): у него был нежный тихий голос. Однако в этом голосе звучала твердость металла, когда это требовалось. Вообще самое основное впечатление от о. Павла было впечатление силы, себя знающей и собой владеющей. И этой силой была некая первозданность гениальной личности, которой дана самобытность и самодовлеемость при полной простоте, естественности и всяческом

отсутствии внутренней и внешней позы, которая всегда есть претензия внутренней немощи".³⁸

Теперь мы приведем несколько (разного рода) фактов, характеризующих отношение современников к личности П.А. Флоренского.

Первый факт. С.Н. Булгаков писал в своем некрологе о П.А.: "Из всех моих современников, которых мне суждено было встретить за мою долгую жизнь, он есть величайший..." "Мне суждено здесь, в чужой земле, ныне свидетельствовать перед незнавшими его, о величии и красоте его духовного образа. Но никогда я не чувствовал в такой степени бессилия своего слова, как перед лицом этого своего долга. Отец Павел был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ. Нужно слово или кисть, или резец великого мастера, чтобы о нем поведать миру".

Второй факт. Дарственная надпись Павлу Александровичу от известного поэта-символиста Вячеслава Иванова (она сделана по-латыни, даем русский перевод):

"Тебя Высокопочтимого, Всемудрейшего из моих друзей,
Мудрости (Софии) и девам ее себя посвятившего
Плющом и розами увенчивая с любовью тебя приветствую!"

Это — искреннее и серьезное преклонение перед нравственной и интеллектуальной высотой духовного облика своего друга.

Третий факт. В 1928 году П.А. подвергается репрессии: высылается в г. Нижний Новгород, где он рассчитывал работать в известной тогда Радиолaborатории Бонч-Бруевича. В связи с получением специального указания администрация не приняла его на работу как репрессированного. Только вмешательство Екатерины Павловны Пешковой (жены М. Горького), бывшей тогда председателем правления Всероссийского Общества "Красного Креста", спасло П.А. от безвыходного положения. В результате ее ходатайства, через несколько месяцев того же года он был возвращен в Москву с полной реабилитацией.

Четвертый факт. В 1933 году, в феврале, П.А. был вновь арестован и по решению Особого Сопещения был направлен в дальние лагеря. Через год, т.е. в 1934 г., Е.П. Пешкова пригласила Анну

Михайловну и передала ей, что чехословацкое правительство ходатайствует перед правительством Советского Союза об освобождении Павла Александровича с целью сохранения его как выдающегося ученого с последующим выездом его в Чехословакию.

Спрашивала Анну Михайловну — согласится ли он выехать за границу? — она ответила, что ничего за него не может сказать.³⁹

Советское правительство, возглавляемое тогда Молотовым, отклонило просьбу чехословацкого правительства.

Сама Е.П. Пешкова вскоре после этого вышла из состава правления В.Р. "Красного Креста". Уже начался период ежовщины и ходатайства Е.П. Пешковой за невинно осужденных были небезопасны. И удивительно, как еще она уцелела. Между прочим М. Горький лично знал Павла Александровича. Об этом говорила его супруга автору этих строк. Может быть этим объясняется то обстоятельство, что Е.П. Пешкова до конца, т. е. пока она имела какое-то влияние, — хлопотала за П.А. и заверяла Анну Михайловну, что ей обещали его освободить. Только впоследствии выяснилось, что ее вежливо обманывали в ту пору всяческого произвола и беззакония.

В заключение приведем, со слов Анны Михайловны, отрывочные и скудные сведения о жизни П.А. в лагерях.

Павел Александрович с удивительным смирением нес свой тяжелый крест. Он считал: это воля Божия, чтобы он был не дома, за письменным столом, а там — в гуще народных страданий, среди невинно осужденных, где он, по мере сил своих, помогал словом утешения, своим примером необычайного мужества и стойкости перед всеми невзгодами лагерной жизни, вселял веру и надежду потерявшим их, укреплял волю слабых, впадавших в отчаяние, и спасал некоторых от самоубийства. А между тем, он в одинаковой мере с другими страдал от всех невзгод лагерной жизни и от ударов несправедливой судьбы, и сверх того, у него были свои страдания, недоступные окружающим, и может быть самые сильные для него — из-за невозможности излагать свои мысли и чувства, обуревавшие его.

Таким он был в лагере по свидетельству очевидцев, видевших его, живших там с ним, вернувшихся домой и посетивших Анну Михайловну, чтобы принести ей "весточку" от мужа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Его книга *Столп и утверждение Истины* представляет собой настоящую поэму о Боге, и некоторые места в ней могут рассматриваться как стихотворения в прозе, настолько чувствуется в книге внутренний музыкальный ритм речи и мысли автора.

2. См. *Мнимости в геометрии*, М., 1922, изд-во "Поморье".

3. См. *Напластования эгейской культуры*, "Богосл. Вестник", 1913, июнь, стр. 346.

4. См. "Символы горнего: Анализ икон Троице-Сергиевской Лавры как опыт иконологии".

5. См. "Бюллетени Технического Отдела Главэлектро", серия IV, М. 1921.

6. См. *Пределы гносеологии*, "Богослов. Вестник", 1913, янв.

7. Проф П.А. Флоренский. *Диэлектрики и их техническое применение*, изд. "Главэлектро", ВСНХ, М. 1924.

8. См. *Антоний романа и Антоний предания*, Сергиев-Посад, 1907.

9. См. ж. "Сорена" (соц. реконструкция и наука), 1932, НКТП СССР, *Физика на службе математики*, вып. 4, стр. 43-63.

10. См. статью Н.О. Лосского *Преемники Вл. Соловьева* в журнале "Путь" (орган русской религиозной мысли), Париж, 3-1926, стр. 17.

Даже наши антирелигиозники, враждебно относящиеся к Павлу Александровичу, были вынуждены признать его исключительную эрудицию. Вот что мы читаем у одного из них: "Флоренский очень умный человек, и еще в дореволюционное время он пользовался большим авторитетом в кругах верующих. Его книги расходились на расхват (даже такие толстые, чуть ли не в 1000 страниц, как нашумевшая его книга *Столп и утверждение Истины*). Статьями его верующие зачитывались. Так как Флоренский сам математик и физик (он специалист по диэлектрикам, в какой-либо области работает и сейчас), то потому в его сочинениях всегда попадают доказательства положений веры на основе физико-математической". (В. Фридман "Теория относительности и антирелигиозная пропаганда", Гаиз, М. 1933, стр. 59-60).

11. Лев Толстой назвал Н.В. Гоголя (в письме к П.И. Бирюкову) русским Паскалем, имея в виду его "переписку с друзьями" (см. Полн. собр. соч., т. 64, стр. 98-99). Это сравнение Л. Толстого не выдерживает критики.

Гоголь если и был мистиком, то ведь ни одно только это качество характеризует Паскаля, а именно редкое сочетание качеств математика, физика, философа, то есть разностороннего ученого с качествами мистика и христианского мыслителя. Поэтому в русской литературе только один П.А. Флоренский может быть, с полным правом, назван русским Паскалем.

12. См. главы: "Дарование и гениальность", "Дарование и память", "Проблема "я" и гениальность". "Универсальность является характерным признаком гения. Гениальности в какой-нибудь специальной области нет; нет ни математических, ни музыкальных гениев. Гений — универсален". (О. Вейнингер. *Пол и характер. Принципиальное исследование*. М. 1910, изд. "Сфинкс", стр. 97).

13. Попутно следует отметить, что нам неизвестно, как он работал над книгой (читаемой). Ведь у каждого своя манера. Делал ли он какие заметки, выписки и т.д. — это необходимо выяснить. Как он относился к книге вообще. И это нам неизвестно. Некоторые, как, например, Ив. Бунин, любили книгу до безумия, даже с внешней стороны, любили запах типографской краски, внешнее оформление и т.д. Также надо выяснить вопрос о составе большой и ценной библиотеки П.А. Все эти мелкие черты могли бы дополнительно характеризовать его с интересующей нас стороны.

14. Имеющего, как и о. Павел, священный сан — он каноник кафедрального собора в Лувене и занимает там же университетскую кафедру физических и математических наук.

15. Эта информация просочилась к нам через зарубежные радиостанции. Следует отметить, что к теории "расширяющейся Вселенной" пришли самостоятельно и независимо друг от друга Лемэтр и советский ученый А.А. Фридман почти одновременно. Но, поскольку у нас до последнего времени эта теория отвергалась и критиковалась как "поповская", имя Фридмана широкой публике не было известно.

16. (От греческого *Теос* — Бог и *дике* — право) — оправдание Бога в отношении допускаемого Им зла на земле. Термин принадлежит Лейбницу, который первым посвятил большой религиозно-философский труд этой проблеме (см. русск. перевод *Теодицея*, Харьков 1887-1892). Еп. Феодор употребляет этот термин в более широком смысле — в смысле оправдания, защиты религиозной веры, религиозного мировоззрения вообще.

17. Журнал "Богословский Вестник", 1914, май, стр. 141, 180-181. Этот отзыв ранее был напечатан в протоколах собраний Совета Моск. Духов. Академии. А вот отзыв не богослова, а философа, причем неодобрительно относящегося к направлению мысли П.А., заявляющего, что книга его "заставляет задуматься над опасностью мистики": "... нельзя обойти молчанием, — пишет он, — талантливой книги свящ. Павла Флоренского *Столп и утверждение Истины*, столь богатой не только идеями, но и эрудицией. В примечаниях

к 12-ти письмам, в которых изложена система П. Флоренского, занимающих 200 страниц, раскрывается изумительная богословская ученость автора" (Э. Радлов. *Очерк истории русской философии*, П. 1921, стр. 94). Необходимо заметить, что 1) автор неточно выразился, в связи с чем можно подумать, что П.А. обладает только богословской ученостью; 2) его утверждение о собственной системе религиозно-философского мировоззрения, выработанной П.А., глубоко справедливо, и слова об этом подчеркнуты нами.

18. Свою знаменитую "монадологию" Лейбниц создал уже в развитии и для обоснования своей *Теодицеи*. Когда принц Евгений Савойский захотел ознакомиться с принципами, на которых построена *Теодицея*, — Лейбниц стал писать "монадологию" (см. об этом у Куно Фишера, т. 3, стр. 21).

19. Существуют различные типы индивидуальностей, объединяемых по признакам: склада ума, обладания теми или иными формами опыта (этического, эстетического, религиозного, мистического), характера основных интересов личности и т.д.

О различных типах индивидуальности писал и П.А. Он обосновал эту идею математически, причем в более сложном понимании (мы говорим об этом упрощенно). См. его замечательную статью *О типах возрастания* в журнале "Богословский Вестник" за 1906 г., июль-август, и в отдельном издании того же года.

20. Этот доклад был напечатан в журнале "Русская мысль" за 1914 г., кн. V.

21. В своем большом и очень интересном сочинении *Смысл жизни*, М. 1918, стр. 180. Здесь он дал развернутую критику точки зрения П.А. Флоренского по этому вопросу.

22. Изложенная мысль подтверждается следующим фактом. П.А. организовал в Академии кружок любителей философии, которым сам руководил. Но в состав его членов вошло очень мало студентов, не более 15 человек. Но и эти, интересующиеся философией, мало понимали своего руководителя. Он устраивал чрезвычайно оригинальные занятия с разными психологическими и эстетическими эффектами, даже с сопровождением музыки (рояль). Он терпеливо все разъяснял, а когда просил повторить кого-нибудь изложенные идеи, все молчали. "Не дошло!" Это мне рассказывал ученик П.А. (по первому курсу) В.М. Волков. И этот кружок не долго существовал.

23. О чем можно догадаться по его книге *Столп и утверждение Истины* (которая, в некоторой степени, имеет автобиографическое значение). Нам хотелось бы это проверить по показателям, данным его современниками. Из этого примера видно, как важно своевременно, т.е. пока живы его со-

временники и пока время не стерло это из их памяти, собрать и зафиксировать такие своеобразные черты его "умопостигаемого" характера, его духовного облика.

24. А он пробыл в лагерях 11 лет последних своей жизни (без 2-х месяцев).

25. Он писал жене, что только он наладил дело с экспериментальной установкой по утилизации морской воды в Соловках, как вдруг его переоглают в другой лагерь, и все его труды пропали, т. к. без него дело заглохло.

26. Евгений Модестов П.А. *Флоренский и его советские годы*, машинопись. Это — написанная за границей статья, и в ней многое перепутано, много неточностей, но тем не менее в ней есть интересные факты и воспоминания (вроде только что приведенного нами).

27. Об этом есть намеки и указания в его книге *Столп и утверждение Истины*, имеющей, до некоторой степени (как мы уже говорили), автобиографический характер.

28. По словам которого автобиография была написана примерно в 1927 году.

29. Конечно, это влияние нельзя понимать в том смысле, что он стал толстовцем. Очевидно, Л. Толстой дал ему только первый "толчок", заставивший его задуматься над религиозной проблемой. В этом великое значение религиозной проповеди Толстого, заставившего многих точно также сделать "переоценку ценностей".

Кроме приведенных строк, в автобиографии П.А. больше нет ничего относящегося к его духовным исканиям и переживаниям.

30. "Из воспоминаний Бориса Павловича Добротворцева о совместном обучении в Московской Духовной Академии". Автор воспоминаний работал в Государственной библиотеке СССР им. Ленина в Москве. Умер в начале Великой Отечественной войны. Его воспоминания представляют собой очень ценный материал для характеристики П.А. Из-за отсутствия времени мы не могли использовать его целиком. Хранится этот материал у одного научного работника, который работал в ВЭИ совместно с П.А. в последние пять лет его жизни на свободе.

31. См. об этом в монографии А. Михайлова *Михаил Васильевич Нестеров — жизнь и творчество*, изд. "Советский художник", М. 1958, стр. 481.

32. С. Дурьпин, *Нестеров в жизни и творчестве*, М. 1965, стр. 338. Автор — известный литературовед и искусствовед.

33. Так его характеризует С. Дурьлин, см. ук. книгу, стр. 6.

34. Нестеров сам характеризовал себя как художника мистического склада. См. об этом в указанной монографии А. Михайлова, стр. 130. "Чувство тихой лирики и искреннего мистицизма доступно немногим", — пишет Нестеров. Цитирую по той же книге, стр. 126. Объясняя свою картину "Дмитрий Царевич убиенный" он писал в письме к М.П. Соловьеву: "В творческом явлении этой картины меня, как и того юношу, который изображен на ней и как бы от лица которого легенда повествуется, — поразила, приковала мои симпатии духовная сторона ее, преобладание в ней пламенной духовной жизни над телом. Тот мистицизм, который окрыляет волю человека, дает энергию телу". (Там же, стр. 130).

35. Очевидно, совместно с С.Н. Булгаковым. Об этом есть глухая ссылка в указанной монографии А. Михайлова, стр. 258 и 265.

36. В ранее упомянутой недавно вышедшей книге о Нестерове.

37. Там же, стр. 337-338.

38. С.Н. Булгаков, "Свящ. о. Павел Флоренский", см. *Собрание Сочинений*, т.1, УМКА-PRESS, 1985, стр. 7-18.

39. Вопрос Е. П. Пешковой имеет смысл, так как, по словам Анны Михайловны, Павел Александрович был большой патриот и считал, что все невзгоды, выпавшие на долю нашей родины, надо мужественно переносить вместе с ней, не одобряя бегства от родины в тяжелый для нее момент, как это делали эмигранты. Таково было его настроение после революции.

Свящ. Павел ФЛОРЕНСКИЙ

МАГИЧНОСТЬ СЛОВА *

(отрывок)

V. Какова же магическая функция смысла слова. — Смысл слова определяется семемой слова, и в способе образования семемы должно искать ответа на поставленный вопрос. Слои же семемы, ее последовательные оболочки, ее концентрические скорлуповатости образуются особыми творческими актами, каждым из которых полагается завершение некоторого духовного роста, иногда весьма продолжительного, и, вообще говоря, переживаемого целым народом. Да, каждый слой семемы есть оседание на слове духовного процесса оплотнения Духа, в этом концентрировании себя впервые, в данном отношении, переходящего из под- и полу-сознательности к сознанию и потому собирающегося при процессе семееобразования в себя самого. Образование нового слоя семемы есть, следовательно, величайшее собирание внимания в одну точку, в одно острие, есть, иначе говоря, моноидеизм. Но моноидеизмы и есть важнейшее условие магического воздействия. Творчество семемы по необходимости магично, если только вообще признаются магические действия. Если есть что магическое, то прежде всего и более всего — семема *in statu nascende*, ибо в образовании ее проявляется высшее напряжение, наибольшая концентрация внимания. Но отложенные слои семемы не пребывают в слове бездейственными, а скорее напоминают коловраток, засыхающих без воды, а потом вновь набухающих и оживающих, лишь прикоснутся к жидкой влаге: так и семема, раз созданная участием многих поколений целого народа, пребывает словно мертвой, пока слово не употребляется, но лишь оно попадает в поток живой речи, так семема его ожила и полна внутренней силы и значения. Тут-то и сказывается антиномический склад слова: извне мною полученное,

*) Напечатано впервые в P.A. Florenskij. *Mnimosti v geometrii, Nachdruck nebst einer einführenden Studie von M. Hagemester*, München 1985, s. 28-29. Это, вероятно, часть доклада, произнесенного в 1920г. в "Вольной Духовной Академии", основанной Н.А. Бердяевым.

взятое мною из сокровищницы народного языка, чужое творчество, в моем пользовании оно заново творится мною, снова и снова становясь *in statu nascende* всякий раз свежее и обновленное. Полу-сознательно, быстро просматривая слои семемы, я сам концентрирую творчески свое внимание, и мое внимание делается не моим, а обще-народным, сверх-личным, равно как и обще-народное внимание, выделившее и отложившее слои семемы, усваиваясь мною чрез приятие в себя сего слова, само делается моим вниманием. В слове я выхожу из пределов своей ограниченности и соединяюсь с безмерно-превосходящей мою собственною волею целого народа, и притом не в данный только исторический момент, но неизмеримо глубже и синтетичнее, — соединяюсь с исторически проявленною волею народа, сознательно запечатлевшую себя образованием такой именно семемы данного слова. Слово энергетично: энергия — люди. Как бы по нарезкам винта мое внимание ввинчивается в семему по ее наслоениям, и тем концентрируется, как не могло бы концентрироваться никаким индивидуальным усилием. Слово есть метод, метод концентрации. Собрannую в один фокус историческую волю целого народа — в слове я имею в своем распоряжении, и дело — не в силе, а лишь в умении ее направить в нужную сторону. И, вместе со словом, мною произнесенным, продвигается и вонзается в пространство моя сконцентрированная воля, сила моего сосредоточенного внимания. Попадая же на некоторый объект, способный получить толчок от воли, слово производит в нем то изменение, какое способен получить данный объект, и ввинчивается в объект всеми нарезками воли, пробужденной в сказавшем это слово соответственными нарезками семемы. Если объектом нашего слова был человек же, или другое разумное или хотя бы сознательное существо, то, помимо прочего действия, сказанное слово вторгается в его психику и возбуждает здесь, этим напором семемы великой воли целого народа, давление, вынуждающее пережить, перечувствовать и продумать последовательные слои семемы слова, устремляясь вниманием в намечаемую ею сторону и производя соответствующее волеизъявление. Суть действия в том, что наслоения семемы откладываются в слове не произвольно, но — в некотором, более чем только логически связанном порядке, и потому стоит взяться за кончик нити, свитой в клубок мощною волею и широко объемлющим разумом народа, — и неминуемая последовательность поведет индивидуальный дух

вдоль всей нити, как бы ни была она длинна, и незаметно для себя этот дух окажется у другого конца нити, в самом средоточии всего клубка, у понятий, чувств и волений, которым он вовсе не думал отдаваться. Сила действия слова, со стороны его семемы, — в спиральности его строения, почему слово втягивает, всасывает в себя и затем себе подчиняет. Слово — конденсатор воли, конденсатор внимания, конденсатор всей душевной жизни: оно уплотняет ее примерно как губчатая платина уплотняет в своих порах кислород и потому приобретает чрезвычайную действенность на пущенную в нее струю водорода, этим сгущенным кислородом зажигаемую; так вот и слово с усиленною властью действует на душевную жизнь, сперва того — кто это слово высказывает, а, затем, возбужденною в говорящем от соприкосновения со словом и в слове — от прикосновения к душе, энергией — и на тот объект, куда произносимое слово направлено. Правду сказал Витрувий, определивший слово — как "истекающий дух и слух, доступный ощущению от удара воздуха — *vox est spiritus et aeres ictu sensibilis auditas*".

Термин, как слово слов, как слово спрессованное, как сгущенный самый существенный сок слова, есть такой конденсатор душевной жизни преимущественно. Все сказанные выше о семеме слова должны быть повторены с большим усилением о термине. А кроме того, сюда должно присоединить то соображение, что само-концентрация воли происходит не только последовательным ее уплотнением, но прерывно, переходом на иные плоскости ее жизни, провалами и взлетами, имеющими качественно-различный характер. Поэтому, известных действий магии вовсе нельзя достигнуть, пользуясь обыкновенными словами, каково бы ни было при этом личное усилие к концентрации: требующаяся здесь степень волевого сосредоточения другого "типа возрастания", нежели та, которой располагаем мы, пользуясь обычными словами, и хотя с нашей стороны возможна степень усилия, превосходящая всякую данную, но тем не менее, самый путь усилий лежит гораздо положе того, по которому достигается искомое действие. Только словом сконцентрированным, более высокого порядка синтетичности можно даже без особых личных усиления, без натуги, легко и даже небрежно, получить требуемую степень сосредоточенности: как не раздувай угли, нагретые, положим, в кипящей воде, хотя бы и всей своей массой — они не загорятся и печь останется нетопленной; но

если те же уголья разожжены хотя бы в одной точке, то и легкие дуновения разожгут всю кучу их, и печь согреется, обед сварится, а угли обратятся в углекислоту и золу. Так и магическое действие известной ступени вовсе не произойдет, пока энергия, хотя бы имеющаяся в большом количестве, не будет организована определенным образом, доводящим ее уровень до известной высоты; а тогда, легко и без усилий, она хлынет на нуждающиеся в ней поля и сама собою, "как бы резвяся и играя", взрастит магические пажити. И если наиболее высокою степенью синтетичности обладают из всех слов — имена, личные имена, то естественно думать, что на последующей после терминов и формул (а формула, напоминая, есть не что иное как тот же термин, но в развернутом виде) — ступени стоят личные имена. Действительно, имена всегда и везде составляли наиболее значительное орудие магии, и нет магических приемов, кроме самых разве первоначальных, которые обходились бы без личных имен.

Архим. Амвросий ПОГОДИН

**ФРА ИЕРОНИМ САВОНАРОЛА — НЕПОНЯТЫЙ
И НЕПРИЗНАННЫЙ СВЯТОЙ ***

XVIII

Суд над Савонаролой начался немедленно же и продолжался 10 дней и сопровождался применением пыток с первого же дня; пытки применялись иногда по 14 раз в день. Суд этот был не для того, чтобы выяснить, виновен ли Савонарола или нет — виновность его доказывалась уже самим фактом суда, как и вынесение смертного приговора было предрешено, — а для того, чтобы путем допросов, пыткой тела и души несчастного побольше выяснить о его связях и добиться от него "исповеди", какая им была угодна. Если этот суд и был, что называется, "Шемякин суд", однако судопроизводство было грозно-реальным и ужасающим: человека терзали и телесно, и душевно. Осокин, в заметке о Савонароле в Большой Энциклопедии Брокгауза и Ефрона, справедливо замечает: "Следствие над Савонаролой велось с варварской жестокостью". Конечно, обыкновенно человек, таким образом совершенно сломанный, "признавался" в чем угодно, что только от него требовали или навязывали ему "признать". Такое "признание", конечно, было издевательством над Правдой и понятием правосудия, но оно было полезно для оправдания уже заранее фактически вынесенного приговора. Все было в стиле судопроизводства в современных странах тоталитарного режима. Бедуар, который считает, что Савонарола не подвергался особо жестокому обращению, потому что пытки применялись в те времена в судах во всех странах, признает, однако, что "все дело походило не на суд, а на месть, на выражение ненависти и на сущую жестокость к этому человеку (Савонароле)".

*) Окончание. Начало см. "Вестник РХД" №145 и 146.

Можно было полагать, что Савонаролу оставят в покое на Страстной Седмнице и до конца Светлой Недели, когда всякое судопроизводство прекращалось для того, чтобы и подсудимые, и судебные инстанции могли в покое провести святые дни. Но в деле Савонаролы власти спешили и немедленно приступили к своему жестокому делу; и даже, вопреки законам Церкви, приступили к судебному следствию над клириком без разрешения на то папы, хотя, конечно, они не сомневались в том, что последний вряд ли примет Савонаролу под свое покровительство. Хотя допрос Савонаролы с применением пыток над ним начался с Великого Понедельника, официальная судебная комиссия из 17 человек была составлена лишь во вторник. "Нет нужды говорить, — пишет Бедуар, — что эта комиссия состояла в своем большинстве из врагов Савонаролы"; но интересно заметить, что один из ее членов отказался от участия в ней, заявив, что "не желает принимать какого-либо участия в этом человекоубийстве"; в то время как Доффо Спино, глава партии кампаньячи (т.е. людей, наиболее враждебных к Савонароле), который также вошел в эту судебную комиссию, настаивал, чтобы все было сделано "милосердно и разумно", а позднее заявил, что если бы он раньше ближе знал Савонаролу, то был бы одним из его последователей. Пытка дыбкой, которой подвергали Савонаролу, приводила к тому, что мучимый таким образом, помимо страдания, получал увечья — вывихи суставов и переломы костей. Уже и до сего времени Савонарола был совершенно надорванный человек, который едва жил, хотя ему было только 45 лет. Его здоровье было надломлено не только очень строгим монашеским подвигом, но и крайним нервным напряжением в течение многих лет, которое усугублялось тем, что он не только не видел успеха своего дела, которому он отдал все свои силы и всю свою жизнь, но и, наоборот, видел крушение его, а себя — лицом отверженным и гонимым: все это надорвало его телесные и душевные силы. Палач впоследствии говорил, что он редко видел человека, подобного Савонароле, который бы при первом же применении пыток, сразу же потерял всякий отпор и готов был идти на все требования судей. Но поскольку в нем не было никакой вины, ни тщательный обыск его монастыря, произведенный полицейскими властями, не дал ничего, что послужило бы для обвинения его, то суд должен был создать, выдумать дело против Савонаролы, а его представить в виде преступника. Первым

делом надо было составить его "исповедь", в которой бы он сам себя заклеил как обманщика или, выражаясь по-современному, как "шарлатана". Для составления таковой "исповеди" Синьория наняла за хороший гонорар нотариуса по имени Сэр-Барони. В этой "исповеди" Савонарола "признавался", что никогда не имел от Бога пророческого дара, а пользовался слухами и донесениями, а также тем, что ближайшие его сотрудники открывали ему, что слышали от людей, которые исповедовались у них, таким образом нарушая тайну исповеди; и на основании сего т. ск. материала он "фабриковал" свои "пророчества". Таким образом, Савонарола был представлен не только как обманщик, но и как злостный обманщик и святотатец, ставивший ни во что тайну исповеди. Так, в "исповеди" Савонаролы находим слова: "Я чувствую себя принужденным подтвердить более определенно то, что я уже раньше сказал: все, что я говорил, в действительности было предметом моей выдумки". Эта фраза была вставлена Сэр-Баронием. Далее в "исповеди" Савонаролы читаем: "И видя, что это дело процветает и уважение ко мне в народе возрастает, я начал утверждать, что я говорю на основании откровения мне свыше. И очень часто я возвещал, как будто открытые мне свыше, те вещи, которые на самом деле мне сообщал фра Сильвестро, и никоим образом ни я не говорил с Богом, ни Бог не говорил мне, как это было в Его обыкновении общаться со святыми Своими апостолами и пророками". Однако, Виволи, ученик Савонаролы, имевший доступ к архивам Сэр-Барони, говорит, что в действительной исповеди Савонаролы было сказано только следующее: "Не является предметом светских властей дознание того, действительно ли я являюсь пророком или же нет; это покажет Бог. Другие пророки подверглись даже еще горшим испытаниям, чем подвергаюсь я". Далее в "исповеди" Савонаролы было сказано, что он пророчествовал "ради славы", т.е. ради своей славы; между тем как в подлинной его исповеди было сказано, что он пророчествовал "ради славы Божией". Таких подделок, умалчиваний и добавлений было много. В результате, сфабрикованная "исповедь" Савонаролы обнаруживала такие пороки, что впоследствии суд решил изъять ее из судебного дела над Савонаролой и сильно убавил гонорар составившему ее нотариусу. Что касается обвинения Савонаролы в политиканстве, то оно оказалось совершенно несостоятельным. Было ясно, что он ничем не пользовался для своей личной славы

или чтобы играть роль на политическом поприще. Все приходившие к нему за духовными советами получали от него только духовные наставления, и это подтвердили все вызванные на суд свидетели. Неблагоприятным для Савонаролы было показание одного из братьев его монастыря, фра Убалдини, который заявил, что монастырские дела диктаторским образом решались Савонаролой и его двумя ближайшими сотрудниками, фра Сильвестро и фра Доменико. Но, если правду сказать, это было делом внутренней монастырской жизни и совершенно не должно было касаться, как и вопрос о пророческом даре Савонаролы, судопроизводства, совершаемого светскими властями. Но те собирали все, что только могли, чтобы дискредитировать этого святого человека.

Относительно того, что Савонарола имел связи с иностранными государями и имел желание видеть собранным Вселенский Собор для разрешения церковных вопросов, то тут опять же не было ничего тайного, что уже раньше не было бы известно. Относительно того, что он устроил в своем монастыре арсенал оружия, он решительно отвергал вину в этом, утверждая, что даже и не знал о сем, и когда оружие обнаружилось, он запретил монахам пользоваться им для защиты монастыря и своих жизней, и большинство монахов оказали ему в этом послушание. Так в чем же была таинственная вина его перед ними?

Рэдэр справедливо замечает: "Ренессанс судил Средние Века. Смущенные верой сего человека и неспособные сломать его душу, его судьи терзали его плоть и извращали его намерения, преследуя сами не зная что, но что-то, что являлось фундаментальным вызовом им самим". Подобное же мнение выражает и автор статьи в *Enciclopedia Italiana* (т.30): "Более глубокая причина падения Савонаролы заключалась в его иллюзии, что возможно остановить прогресс времени, и его усилия навязать итальянцам XV века условия жизни уже давно отжившие". "Поразительная моральная революция", которую, по выражению Пастора, произвел Савонарола в полуязыческой Флоренции, обратилась против него. "Царство Божие на земле" — не удалось, как и никогда не удавалось до сих пор. Флоренция не стала "Градом Божиим"; попытка сделать ее "Civitas Dei" провалилась. А прогос, можно заметить, что в одну ночь, ночь Великого Понедельника 1498г., когда Савонарола был предан: как только его увели стражники, братия предалась веселью, обжорству и пьянству, будто празднуя свое освобождение от

чего-то, что их сдавливало, а теперь снято с них... Христианство осуществлялось в отдельных людях, в отдельных небольших общинах людей, соединенных духом любви во Христе, хотя вспомним, что и в первой Церкви появились Анания и Сапфира и существовало недружелюбие между сторонниками апостола Петра и сторонниками апостола Павла, и в древних монашеских общинах появлялись свои отдельные случаи несовершенства. Христианство — настолько индивидуально, настолько совершенно, настолько глубоко, что может осуществляться лишь в вечной, отдельной душе человека, но опять же при мощной призывающей, укрепляющей и совершающей благодати Святого Духа, которую человек может получить только в Церкви и в приобщении святых таинств Святой Церкви. Но едва ли можно ждать осуществления массового христианства, потому что всякая община и временна, и скорее представляет собою внешнюю организацию, чем внутреннюю жизнь, почему и случалось, что многие подвижники оставляли монастырские общины, не говоря уже о мире, и подвизались в одиночестве, находя, что им легче таким образом осуществить в себе Христа. Мы говорим "христианская община", "христианское общество", "христианская молодежь", "христианское государство", "христианский народ" — но все эти термины, в конечном итоге, относительны, потому что термин "христианский" должен был бы означать "святой", а, как мы знаем, святость достигается только отдельными людьми и достигается индивидуальным подвигом целой жизни.

Но вернемся к нашей теме.

19 апреля 1498 года Савонарола, после пытки над ним, согласился подписать свою "исповедь" во всех требовавшихся от него грехах. Были приглашены восемь свидетелей для сего подписания им "исповеди"; были приглашены также некоторые и из числа его монашеской братии. К ним-то он и обратился. Потому что, как кто, а они-то знали и его жизнь, и его дух, потому что он был им, как отец. "Мое учение вы знаете и известно оно всем людям, — говорил Савонарола. — В моих настоящих горестях я прошу вас только о двух вещах: позаботиться о моих молодых послушниках и сохранить их в христианском учении, в котором мы соблюдали их верными. Молитесь обо мне, от которого ныне отъяты пророческий дух". Какое величие души! В этот момент, когда он низложен

и опозорен и подписал унижающую его "исповедь", "признавая" себя обманщиком и шарлатаном, и "признавая", что все его побуждения были построены на тщеславии и суетности, — он говорит братии все еще как игумен, и проявляет духовную заботу о молодых послушниках, еще неопытных в монашеской жизни, — в то время как его самого ждут дальнейшие страдания и мученическая смерть. Сразу же после этих слов Савонаролы фра Малятеста, в присутствии всех, обратился к нему с вопросом. — Когда мы говорили о той ночи, когда Савонарола предал себя властям, мы помянули, что когда братия уговаривала его бежать, пока еще для этого была возможность, то брат Малятеста громким голосом спросил его: "Не подобает ли пастырю положить душу свою за своих овец?" — На это, как мы помним, Савонарола подошел к нему и поцеловал его, а затем безоговорочно решил предать себя врагам. — Теперь этот брат в присутствии всех поставил ему вопрос: является ли правдой все то, что Савонарола сказал в этой своей "исповеди"? Савонарола ничего не ответил фра Малятесте, а только посмотрел на него долгим взглядом, повернулся и ушел. Думается, что этот вопрос был для него ударом ножа в сердце. Если он еще верил в людей, хотя бы в свою любимую монашескую братию, в "своих овец", ради которых он отдал себя на это мучение и смерть, то теперь эта вера болезненно умерла в нем.

"Исповедь" Савонаролы была опубликована. Многие заявили протест по поводу явного искажения фактов, и Синьория, как мы уже сказали раньше, в конце концов постановила изъять ее. Но некоторые ее приняли за чистую монету, или же сделали вид, ради своей выгоды, что принимают ее за истинную. Прежде всего, братия Сан Марко отреклась от своего игумена. Фра Руберто Убалдини, некогда бывший секретарем Савонаролы, заявил от лица братии властям города: "Поскольку этот человек до такой степени явно оболгал и обманывал нас, то мы выражаем благодарность Богу и Вашим Сиятельствам за то, что вы вскрыли для нас все дело". Отрекаясь от Савонаролы, братия просила Синьорию, какова бы ни была его дальнейшая судьба, не допустить его вернуться к ним. Ландучи, один из некогда близких к Савонароле братьев, записал в своем дневнике: "Моя душа весьма скорбела, увидев (на основании его "исповеди"), что такое великое здание рухнуло по той причине, что было основано на фундаменте сплошной лжи". Братия написала покаянное письмо папе: "Не только мы, но и люди

гораздо большего ума оказались оболганными пройдошеством фра Иеронима. Проникновенность его учения, строгость его жизни, святость его монашеских подвигов, его симуляция благочестия, благо, которое он принес, освободив город (Флоренцию) от ростовщичества, дурных обычаев и всякого вида пороков, как и то, что многие события, которые, превосходя всякий человеческий разум и силу понимания, сбывались и подтверждали его пророчества, — все это было такого рода, что если бы он не отрекся и не заявил бы (в своей "исповеди"), что его слова в действительности не происходили от Бога, мы бы никогда не отказали ему в нашей вере в него". Братия униженно просила папу и городские власти не закрывать их монастырь. Но их просьбы не были уважены.

XIX

Между тем, папа Александр VI Борджиа, услышав об аресте Савонаролы, написал письмо Синьории, выражая свою радость о том, что "было подавлено безумие этого сына беззакония, который оболгал народ своими пустыми и злонамеренными обещаниями (пророчествами)". Далее папа попускает властям произвести судебное следствие над Савонаролой, "даже путем пыток" (*etiam per torturam*) и посылает свое апостольское благословение Синьории. По заключении же судебного следствия над Савонаролой и его "сообщниками", папа требует переслать их в Рим. Но последнее отнюдь не входило в планы Синьории, которая хотела во что бы то ни стало уничтожить Савонаролу теперь же и тут же, что объяснялось тем, что они боялись, что положение переменится и в правительство снова войдут люди, симпатизирующие Савонароле, или же положение в Ватикане изменится, как это действительно вскоре и случилось, когда на престол Св. Петра взошел кардинал делла Ровере, противник папы Александра VI, который и сам желал собрать Вселенский Собор для проведения реформ в Церкви, и который, конечно, полностью оправдал бы Савонаролу. Поэтому, не будучи уверены в том, что положение скоро не изменится в пользу Савонаролы, Синьория, состоящая в то время из людей, крайне враждебных к нему, решила как можно скорее уничтожить его: мертвый он уже не был опасен для них; кроме того, публичная

казнь его во Флоренции могла бы послужить угрозой для тайных сторонников Савонаролы и бывших его последователей; и, в конце концов, тут был затронут и вопрос личной мести. Папа выразил нетерпение, что дело затягивается, и запросил о причинах сего. Синьория ответила, что Савонарола — настолько измученный человек, что с ним очень трудно иметь дело: под пыткой он признается в том, что от него требуют; а после пыток берет назад свое заявление. Ничего конкретного не выяснено; Синьория просит папу подождать еще, пока они не "вскроют глубину души этого человека". Таким образом невиновность Савонаролы косвенно была подтверждена и самим судом, и братией Сан Марко.

Результаты первого суда над Савонаролой были настолько неудовлетворительны, что Синьория назначила второй суд, который продолжался с 21 до 25 апреля; производился тот же самый допрос, с теми же самыми вопросами и с применением пыток. Савонарола подписал и вторую версию требовавшейся от него "исповеди"; но и эта версия была настолько неудовлетворительно для суда составлена тем же самым нотариусом Сэр-Баронием, что фальшивка была очевидна, и суд решил и ее изъять из дела. Фра Сильвестро, когда ему была показана эта "исповедь" его учителя и его самого подвергли допросам и пыткам, отрекся от него. Это отречение, вызванное крайней его слабонервностью (ведь он долгое время болел нервами), он потом исправил перед смертью. Фра Доменико, несмотря ни на пытки, ни на предъявление ему "исповеди" Савонаролы, не отрекся от своего учителя; не отрекся он и от веры в правоту его учения и деятельности. Своим мужеством и преданностью своему игумену он заслужил уважение своих судей.

XX

Папа прислал свое согласие на то, чтобы дело Савонаролы было закончено во Флоренции, и обещал послать свою комиссию для церковного суда над ним и его двумя монахами. При этом был благополучно разрешен и денежный вопрос между папой и Флоренцией, именно вопрос десятины церковного налога; так что последователи Савонаролы говорили, что как Иуда предал Христа за 30 серебрянников, так и ученик Христа, фра Иероним Савонарола, был продан за деньги.

До прибытия из Рима так. наз. "Апостолической Комиссии" Савонаролу оставили в покое. Милосердный тюремщик лечил ему сломанную при пытке левую руку; правую щадили для того, чтобы он мог подписывать требуемые от него судьями "признания". Теперь, когда от него все отреклись и он был несчастный и поруганный и когда около него не было ни одной близкой души, этот простой человек, грубой профессии, оказался единственным близким, который пожалел его, помогал ему, как мог, и уважал его. Он попросил Савонаролу, чтобы он написал для него что-нибудь для спасения души. Савонарола откликнулся на его просьбу и на обратной стороне переплета молитвенника, принадлежащего этому человеку, написал свое "Размышление на псалом: Помилуй мя, Боже". Его замученное тело болело и ныло. Но еще больше болела его душа. Часто он горестно плакал и взывал: "Господи, Ты отнял от меня пророческий дух". Савонарола знал, что все его оставили и отреклись от него, даже братия его монастыря *in corpore* отвергла его; его благородные идеалы, за которые он и положил свою жизнь, были извращены, перетолкованы, а его "исповедь" была отвратительной пародией на его личность и мотивы деятельности. Но эта злобная карикатура на него — что в действительности представляет: только ли это умелая фальшивка? — Но она тем более страшна, что в ней он узнавал свои черты (ведь карикатура всегда построена на истинных чертах человека). А что если эта карикатура — действительно он сам и есть? А что если она и есть его действительное изображение, которое он скрывал от людей и даже от самого себя? И вот, в томлении духа Савонарола писал и писал, непрестанно писал в бреде измученного ума. Это его последнее сочинение, "Размышление на 50-й псалом", принадлежащее, по выражению издателя, к "ultime ore" его жизни, было издано через год после его смерти (т.е. в 1499 г.), а в 1540 оно было издано в переводе на английский язык. Оно было переведено и на другие языки. Последнее его издание, сопровождаемое комментариями издателя, принадлежит почитателю Савонаролы, кардиналу Журнэ (изд. в 1961 г.). Мысли из этого "размышления" в сжатом виде мы поместим в следующей главе нашего очерка.

Между тем, во Флоренцию прибыла Апостолическая Комиссия. Ее возглавляли епископ Ромаллино — которого впоследствии папа Александр VI возвел в сан кардинала, но который пользовался репутацией дурного человека, — и генерал доминиканского ордена

Торриано, который, как говорит Виллари, некогда был в дружбе с Савонаролой, а теперь почитал за более выгодное для себя угождать папе и стать врагом Савонаролы. Опять же, папская комиссия прибыла не для того, чтобы исследовать вопрос, виновен ли Савонарола или не виновен; его виновность и виновность его двух сотрудников, как и для Синьории, была *ipso facto*; а прибыла она для того, чтобы побольше выпытать от них относительно весьма обеспокоившего папу вопроса, поднятого Савонаролой, относительно желательности созыва Вселенского Собора. Следовало выпытать: не было ли у Савонаролы мощных сторонников в самом Ватикане? Не причастен ли к этому делу непопулярный в окружении папы, но праведный и святой жизни неаполитанский кардинал Гараффа, всегда покровительствовавший Савонароле? Попытка Савонаролы заинтересовать государей западных держав собрать Вселенский Собор — не является ли заговором более глубокого и широкого масштаба, чем это казалось на поверхности? Вот для исследования этих вопросов и прибыла Апостолическая Комиссия. Судьба же Савонаролы уже была предreshена. Ромаллино, на вопрос Синьории, что папа намерен сделать с Савонаролой, показал на спрятанный у него за пазухой декрет папы и сказал: "Он умрет. Мы будем иметь славный костерчик. У меня при себе его смертный приговор".

Следствие церковного суда над Савонаролой продолжалось три дня. Два дня несчастного терзали допросами и пытками. Мы поощаем читателя и не будем в подробностях описывать два этих ужасных дня в жизни этого праведного человека. У Виллари, у Ридольфи, у Рэдэра в обоих его сочинениях, у Ван Пассена, у Шнитцера и у др. читатель найдет подробную запись допросов Савонаролы. Несчастный изнемогал; умолял не терзать его плоть; показывал на свою сломанную при прежних пытках руку; желал вызвать к себе жалость у жестоких судей; во время пыток впадал в бред и истерику; называл себя "безумцем" и считал, что Бог его наказывает за то, что он из страха перед пытками, по требованию судей, готов был сказать, что не имел от Бога данного ему пророческого дара, когда на самом деле имел таковой дар; готов был признать, что кто-то вместе с ним готовил созыв Вселенского Собора. Но на третий день, из страха, что кто-нибудь может пострадать невинный, вследствие его предыдущего показания, он спокойно

и решительно заявил, что мысль о созыве Вселенского Собора принадлежала исключительно ему, и при этом признал, что и сам считал, что этот идеал неосуществим, но другого пути не было для проведения необходимых и назревших в Церкви реформ.

Судьи теперь оставили его в покое и приказали ему и его двум сотрудникам явиться на следующий день, чтобы выслушать приговор. На это Савонарола ответил: "Я заключен в тюрьму. Если меня представят вам, я явлюсь".

Бедуара удивляет, что второй из двух следователей Апостолической Комиссии, генерал доминиканского ордена Торриано, и пальцем не двинул, чтобы защитить своих монахов, каковыми являлись фра Иероним, фра Сильвестро и фра Доменико. Но представляется, что его поведение совершенно понятно: Савонарола в своем жалком, униженном, болезненном состоянии просто ему не импонировал; он действительно страшно нуждался в сострадании и в защите, и оказать ему помощь было легко для этих людей. Но дело в том, что когда человек страдает и нуждается в помощи, ему обычно ее не оказывают, по закону какой-то жестокости, которая живет в человеке.

Апостолическая Комиссия приговорила Савонаролу к виселице; то же самое относилось и к фра Сильвестро. Но фра Доменико вызвал к себе симпатию у судей своим прямодушием и воодушевленной преданностью своему игумену. Ромаллино готов был его пощадить. Но ему напомнили, что если его оставят жить, то, возможно, он будет продолжать дело Савонаролы. Выслушав этот довод, Ромаллино заметил: "Неважно, будет ли на одного какого-то монашка больше или меньше", — и подписал смертный приговор и фра Доменико; чужая жизнь так дешева для некоторых!

На следующий день (23 мая 1498г.) Савонароле и его двум помощникам, каждому в отдельности, в камерах, прочли приговор, в котором они объявлялись еретиками и раскольниками и приговаривались к виселице и сожжению их трупов сразу же после казни, "за чудовищные преступления, которые они совершили". Казнь была назначена на следующий день на Площади Синьории. Фра Сильвестро, когда ему прочли приговор, впал в истерику и стал отрекаться от своего учителя; но это не смягчило судей. Бедный

фра Сильвестро — это был слабый человек, долго страдавший нервной болезнью и которого Савонарола любил и жалел и поддерживал, относясь к нему скорее как к сыну, чем как к собрату по монашеству! Фра Доменико, по прочтении ему приговора, не показал ни малейшего страха или огорчения; наоборот, он стал усиленно просить, чтобы его сожгли живым: поскольку он желал бы принять полную меру страдания за истину учения своего любимого игумена. Достойный человек, вера которого в правое дело была сильнее страха перед смертью. Фра Иероним Савонарола принял бесстрастно прочитанный ему приговор и попросил только разрешения встретиться с этими двумя своими сотрудниками, которых он не видел со дня ареста. Разрешение было дано и они были приведены в большой пустой зал суда и здесь оставлены на час. Савонарола стоял посередине, с любовью взирал то на одного, то на другого своего ученика. Фра Сильвестро со слезами припал к его груди. И затем, с игуменской строгостью, т.е. со строгостью, сочетающейся с бесконечной любовью, он сказал фра Доменико: "Я знаю, что ты просил о том, чтобы тебе быть сожженным живым. Но это — неправильно. Ужели мы знаем наши силы? Знаем ли мы, как мы встретим и ту смерть, к которой мы приговорены? Это зависит не от нас, а от поддерживающей наши силы благодати, которой Господь нас сподобит". Затем, с той же игуменской строгостью, он обратился к фра Сильвестро: "Что касается тебя: я знаю, что ты имеешь намерение заявить о своей невинности перед народом. Я заповедаю тебе оставить эту мысль и следовать примеру Иисуса Христа, Который, даже будучи распятым, не пожелал заявлять о Своей безгрешности". Затем, переводя взгляд с одного ученика на другого, как бы для того, чтобы запечатлеть их в своем сердце навсегда, он расстался с ними. Наступала ночь, последняя ночь в этой жизни.

XXI

И вот, эта страшная черная ночь, перед еще более страшным днем, глядящая беспредельным мраком в решетки мрачной тюрьмы, толстые, сырые стены которой освещены тусклой плашкой, не разгоняющей, а только усугубляющей бездонность окружающего мрака... И это мучительно болящее измученное тело и ноющая

рука, и еще более болящая душа... О, Флоренция, не думал ли я принести тебя как дар Богу, как чистое возношение Ему, а теперь ты меня предаешь палачу! Я горел желанием, чтобы ты была свята, чиста и непорочна, как Невеста Христова, украшена цветами добродетели, а ты меня заклеила злодеем, достойным виселицы! А что если действительно я преступник? Имел ли действительно я право говорить от лица Божия? Кто мне дал такое полномочие? Не собственная ли моя гордыня и подсознательная жажда славы? Кто я такой? Угоден ли я вообще Богу? Не Бог ли теперь и отдал меня моим врагам, в руках которых я гибну, оставленный и презренный всем миром? Вера все может. Но была ли у меня когда-либо действительно вера? Или то, что я думал, что имею сильную веру, было на самом деле лишь самообольщением? Бог — непостижим, и каждый представляет Его себе по своему подобию. Был ли Бог для меня только иным именем меня самого, олицетворением моей собственной личности, идеалом, воображением человека? Не служил ли я, думая о Боге, самому себе? своему собственному отражению в пустоте вечности? Но если Бога нет, тогда нет, собственно говоря, и Человека; нет и нравственности; нет и ответственности; нет ничего иного, кроме того, что мы видим, слышим и осязаем; подвиг — пустой звук; доброта и самопожертвование — глупость; совесть — фальшиво настроенная струна... Ах, будучи грешником, к кому мне обратиться теперь? — Не к Господу ли, у Которого милость бесконечна? Никто не может иметь славу от самого себя. Все святые говорят: не нам, не нам, но Тебе, Господи, да будет слава. Они спаслись не своими заслугами или своими трудами, но — милостью и благодатью Божией. Они имели крепкую, адамантовую веру. Имею ли и я веру? — Да, я имею ее. Но, посмотри, все идет как бы по случаю и нет ничего иного, как только то, что мы видим своими глазами. Наш дух исчезнет, как дым. Кто вернулся после смерти, чтобы подтвердить хотя бы что-нибудь из всего того, что мы повествуем, как приключющееся душе после смерти? — Басни, басни, старушечьи сказки! А сам ты не видишь ли, что только в смерти твое убежище? А если так, то не лучше ли тебе тут же, сейчас умереть: покончить с собой, хотя бы умереть с честью, — чем завтра, или лучше сказать — сегодня же, потому что вот-вот будет рассвет, — терпеть невыносимый позор и страдания, умирая для развлечения толпы, на посмеяние и утоление жажды мести для врагов? Послушай моего совета! Небо ведь отреклось от

тебя. Земля не хочет иметь ничего общего с тобой. Да, да, лучше тебе сейчас умереть, умереть от своей руки... Отчаяние осадило меня вражеским станом и окружило мощным воинством. Мои прежние друзья сошлись под его знамя и стали моими врагами. Все, что я вижу, все, что я слышу, несет на себе печать отчаяния. Душа моя, воззри на Небо и здесь созерцай видение Надежды, которая нежно вещает тебе: О, витязь Христов, где твое мужество в этой битве? Имеешь ли ты веру или не имеешь ее? — Да, я имею веру. — Ну, тогда знай, что это — великий дар Божий; потому что вера — дар Божий. Она не приходит как результат твоих заслуг, а только — как милость Божия твоей душе. О, блаженная вера! О, душа моя, как долго ты будешь такой немощной?! Сколько еще времени надо, чтобы ты научилась бороться с искушениями и приращениями темной силы?! Ты так часто бывала в духовных сражениях, а теперь вот, находясь наполовину под сенью смерти, до сих пор ли ты не научилась сражаться?! Не бойся, о боязливая! — В Тебе, Господи, я ищу Прибежище. Мое сердце объяло Твое утешение; и в радости духа я воспою: "Бог — мой Свет"; да, Бог — мой Свет и мое Избавление. Кого же мне тогда бояться? Господь бдит над моей жизнью, — кого же мне тогда устрашаться? И, повергаясь к стопам Господним, я со слезами взываю: "Господи, если восстанет на меня и целый полк, мое сердце не устрашится: потому что Ты — моя Сила и Защита; Ты — мое Утешение в скорби; и во имя Твое Ты поведешь меня к Твоей цели". — Страшное искушение, которому, как свидетельствует "Невидимая Брань", подвергались иногда подвижники при смерти, — с торжеством побеждено. Черная тень искусителя исчезла в еще большем мраке, чем была тьма в тюрьме; невидимый, радостный, тихий свет излился в утешенное сердце Савонаролы... Но вот, слышатся шаги: ужели уже пришел мой час? — Нет, это привели монаха, чтобы он выслушал мою последнюю исповедь. Это — фра Никколини, монах-бенедиктинец, из числа "battuti", т.е. "битых монахов", монахов, которые сами себя бичуют во имя перенесения добровольных страданий за предавшего Себя на распятие ради нашего спасения Господа нашего Иисуса Христа. Этот бледный, истощенный монах, этот самопроизвольный страдалец, — в этой страшной ночи — сейчас единственный близкий ему человек, который самым своим присутствием здесь говорит ему, что любовь, человечность и милосердие еще не умерли. Он пришел к нему, чтобы помочь ему и разделить

с ним одиночество этой тяжелой ночи, как он приходил и к другим умирающим, потому что его монашеское послушание заключалось в служении умирающим. После исповеди, Савонарола, испытывая крайнее утомление, попросил у фра Никколини разрешения склонить голову на его колени и поспать, что этот монах с радостью предоставил ему сделать. Савонарола на час забылся сном, согретый теплом души и тела этого "battuto"... Если бы я был художником, то написал бы такую картину: черная ночь, давящий мрак тюрьмы, площадка, тлеющая в углу камеры, спиной прижавшись к стене, на полу сидит монах в бедной и грубой одежде; свет свечи падает на его склонившуюся в дремоте голову; а на его коленях покоится голова Савонаролы; он спит — и прошедшие и грядущие страдания остались в стороне, и на лице его полный покой и на устах тихая улыбка души, утешенной Богом... Ведь совсем еще недавно было время, когда он сам помогал умирающим. Не пришел ли он к умиравшему, также в молодых годах (43 года), Лоренцо Медичи? и тот тихо улыбнулся ему и сказал, что если на то воля Божия, чтобы он умер, то для него нет ничего более счастливого, как всецело исполнить волю Божию, а затем обратился к Савонароле со словами: "О, отец, прежде чем ты уйдешь, дай мне твое благословение", и, склонив голову, погрузился в молитву, повторял слова молитвы, произносимые Савонаролой... Лоренцо примирился со смертью. Савонарола, всегда носивший в сердце память о смерти, давно уже примирился со смертью; но, сказать словами недавнего известного, гонимого церковными властями, богослова: "D'être persécuté pour l'Eglise, c'est glorieux, mais d'être persécuté par l'Eglise, oh, c'est trop lourd!" (Быть гонимым за Церковь, в этом — победа; но быть гонимым Церковью, о, это слишком тяжело!). Если до этого времени Савонарола горько скорбел, думая, что Бог отъял от него пророческий дух, и со слезами, как помним, взывал: "Господи, Ты отъял от меня Твой пророческий дух"; и, обращаясь к братии прежней своей обители, просил их помолиться о нем, "от которого Господь отъял пророческий дух", — то ныне он получил явное извещение о том, что Бог не отнял от него пророческого духа. Когда Савонарола проснулся и поднял голову с колен фра Никколини, тот ему сказал: "Знаешь ли ты, что ты во сне говорил, и несколько раз произнес слово "Рим"? Савонарола ответил ему: "Я не знал, что я говорил во сне; но я видел сон о судьбе Рима. Но вряд ли я могу поведать тебе то,

что я видел: потому что Рим — дорогой для тебя город, как место твоего рождения”. — “Тем не менее, — настаивал фра Никколини, — поведай мне, что ты видел во сне”. “Я видел, — сказал Савонарола, — что страшное несчастье постигло город Рим. Мне было открыто, что это произойдет во время владычества папы, который будет носить имя Климент. Это будет тягчайший бич, который когда-либо постиг какой-либо город со времен разрушения Иерусалима”. — Это пророчество Савонаролы фра Никколини напечатал в 1505 году. Папы сменяли один другого; умер и фра Никколини. И вот, во время правления папы Климента VII Медичи, восшедшего на Престол Св. Петра в 1523г., войска императора Карла V в 1527г. обрушились на Рим и подвергли его полному разгрому; сам папа едва спасся бегством в Кастиль Сан Анжело; ужасы, беспощадное и бесчеловечное истребление святых и населения города, страшный разгул разнузданной солдатчины имеют мало параллелей в мировой истории. Никогда, с времен Аттилы, Рим не испытывал такого бедствия, как это.

Ночь прошла. На небе загорелась заря. Наступал день, уходящий в вечность.

XXII

В день казни, 24 мая 1498г., Савонарола, помолившись, со светлым лицом сказал: “Сегодня — день, когда я встречу моего Спасителя”. Затем, Савонарола вместе со своими двумя сотрудниками и сомучениками — фра Сильвестро и фра Доменико, были допущены ко Св. Причастию. Савонарола служил и своими руками преподавал и им Св. Причастие. При этом он произнес молитву: “Боже, исповедаю Тя быти совершенную и нераздельную Троицу: Три во единиче — Отца, Сына и Святаго Духа. Исповедаю Тя быти превечное Слово, шедшее с небес во чрево Приснодевы Марии и вознесенное на Крест, во еже излити Кровь Твою честную грехов ради наших. Молю Тя: Крове ради Сия прощенным быти грехом моим, и молю Тя прости сию братию мою. Прошу и о еже прости ми всякое прегрешение и вред яже сотворих граду сему и отпусти ми всякое заблуждение, имже в неведении аз согреших”. После того, как они причастились, их на короткое время оставили

наедине; и после беседы их друг с другом фра Иероним благословил своих спутников, склонившихся на колени перед ним, своим игуменом, в последний раз в жизни. Их время пришло. Когда они спустились с лестницы, они были встречены двумя монахами-доминиканцами, присланными генералом ордена для лишения их монашеского сана. “Сдавай мантию”, — грубо сказали они ему, и один из них с такой грубостью сорвал с него мантию, что Савонарола застонал, потому что его члены были изувечены пыткой. Видя себя лишенным монашеского одеяния, Савонарола заплакал и обратился с просьбой к этим двум монахам: “Ради тех страданий, которые я перенес, разрешите мне на мгновение поддержать мою мантию в руках”. Они молча протянули ее ему. Держа ее в руках и с любовью смотря на нее, он сказал: “О, святая одежда, как я желал тебя! Бог мне дал тебя, и до сих пор я сохранял ее непорочной (*immaculato*); и теперь, не я оставляю тебя, но тебя отобрали от меня”, — и, поцеловав свою ветхую мантию, он отдал ее. (См. Р. Ридольфи: *Vita di Girolamo Savonarola*, t.I, p.402) ... О, не плачь, отец Иероним: Богу будет угодно, что ни история, ни все человечество, ни даже твоя Церковь и твой монашеский орден, не признают лишения тебя ни монашеского, ни священнического сана. Ты войдешь в память народов, как “*Reverendo*” и как “*Beato*”. После этого их вывели на площадь Piazza delle Signoria. Когда три монаха появились, неожиданно “огромная тишина”, по выражению Ван Пассена, охватила толпу. Затем им предстояло лишение священнического сана, который они имели. Для этого, предварительно облаченные в полное священническое облачение, они были подведены к кафедре, где стоял епископ. Чин снятия с них сана, “неоправдимо злой”, по выражению одного историка, папский легат, епископ Ромаллино, поручил совершить, под страхом отлучения от Церкви в случае послушания, епископу Паганотти; именно ему было приказано совершить это тяжелое дело, потому что Паганотти не так давно еще был монахом в Сан Марко, и был одним из лучших учеников Савонаролы и весьма любил и уважал своего учителя. Теперь, по чину публичного лишения сана, он снимал с него одну за другой части священнического облачения, как бы наглядно для всех лишая его сана; после сего он куском стекла оскреб его ногти в знак того, что елей священнического помазания, благодать священства, данная ему при хиротонии для совершения Святых Таинств, теперь снимается с него. Затем цирюльник нарушил их

тонзуру, обрив головы Савонаролы и его двух монахов. Епископ продолжал читать положенные формулы. Читая, он не смел поднять голову от книги и взглянуть в ангельское лицо своего прежнего учителя. Он заикался, путался, повторялся, поправлялся, и видно было, что ему невыносимо тяжело на душе. В одном месте, где было положено ему сказать: Отлучаю тебя от Церкви воинствующей, (т.е. земной), он произнес: "Отлучаю тебя от Церкви воинствующей и от торжествующей"; немедленно Савонарола деликатно исправил его: "От Церкви *воинствующей*, не — от *торжествующей*, мой дорогой сыночек: потому что та Церковь — на небе... Ты не имеешь власти над ней". Епископ сразу же поправился и прочитал текст так, как ему сказал Савонарола. Но дальше он не имел силы читать и, охваченный сильным волнением, отстранил книгу, сжал голову руками и стал страшно плакать. С лишением сана, с них сняли их одеяния, оставив их в одних подрясниках. Затем они были подведены к трибуне, где стояли члены Апостолической Комиссии, и Ромаллино возвестил им: "Как раз сегодня утром я получил известие от Его Святейшества, папы Александра VI, что он дарует вам полное отпущение грехов с освобождением вас от всякого запрещения и отлучения. Его Святейшество возвращает вас в состояние безгрешности. Вы не подвергнетесь мучениям Чистилища. Принимаете ли вы это?" На это они утвердительно наклонили головы, и им было прочитано полное отпущение грехов. Затем они были подведены к трибуне, где стояла судебная комиссия Синьории, и им был прочитан смертный приговор гражданского суда. Затем они были отведены на возвышавшийся посреди площади эшафот с тремя виселицами и сложенным под ними костром, имеющим поглотить их тела по совершении над ними казни. Повествуется, что площадь была полна народа, состоящего в большинстве из лиц, враждебных Савонароле. Но на картине современника событий, анонимного художника, видно, что наоборот, за исключением должностных лиц, площадь была почти пуста. Но возможно, что художник желал выразить свое несоизволение казни Савонаролы тем, что изобразил Площадь Синьории пустой.

Первым был казнен фра Сильвестро. Нemoшь души, которая до сих пор была ему присуща, сменилась мужеством, и он доблестно принял смерть. Он почти взбежал по лестнице, и когда палач закрепил на его шею железный обруч (гароту), он крикнул Савонароле,

который был внизу: "Отец Иероним, посмотри, как витязь Христов умирает с радостью в сердце". Он хотел сказать еще что-то, но палач его уже сбросил. Он еще успел взмолиться к Богу, и умер. Затем, был черед умереть фра Доменико. Он стал громко петь благодарственный гимн: "Тебя Бога хвалим, Тебя Господа исповедуем". Сопровождавший его священник упрекнул его и велел ему петь тише, что он и сделал. Обратившись к людям, он сказал: "Я уверяю вас, что пророчества отца Иеронима сбудутся. Церковь очистится; Святой Дух ниспошлет Свой небесный огонь". Палач толкнул его, и через мгновение он умер, имея в своих устах незаконченный благодарственный гимн Богу. Вся жизнь его была выражением восторженного благодарения Богу; так он и умер с чувством радостной благодарности Богу, которую ничто не могло омрачить.

Теперь пришла очередь Савонароле принять смерть. Ему было отведено "почетное место": он должен был быть повешен посередине между двумя своими учениками, как "ересеначальник и архипреступник", как его определили в приговоре. Когда его вели, какие-то хулиганы, прорвавшись вперед, стали ножами колоть его босые ноги. Но Савонарола оставался совершенно бесстрастным. Некто из добрых людей, видя, что и тут фра Иерониму делают зло, хотел его ободрить, но Савонарола сказал ему: "Только Бог может утешить человека в последний его час". Тогда его спросили: как он переносит свое мучение? На это он ответил: "Христос до такой степени пострадал за меня". Когда его вели дальше, некая старушка, пробившись к тому месту, где он должен был пройти, со слезами протянула ему корочку свежего хлеба, говоря: "Скушай, блаженный отец Иероним". — На это он ласково улыбнулся и сказал ей: "Спасибо тебе, дорогая дочь моя. Но теперь я не нуждаюсь в пище. Ведь передо мной уже такой короткий путь. Через несколько минут я буду в небесных обителях на вечери с моим Господом и Спасителем". У самого эшафота палач толкнул его по направлению, где стояли кампаньячи, для того чтобы дать им возможность излить свое бешенство на него. Когда он взошел на эшафот, все его лицо было в крови и исплевано. Под собой он видел толпу, многие держали в руках факелы, чтобы зажечь костер, имеющий пожрать его мертвое тело, а лица их, по выражению современника, отражали еще более зловещий огонь. Позади них робко жались несколько сот людей, любивших и преданных Савонароле, и плакали. Ландучи с горечью замечает в своем дневнике: "Злые были сильнее добрых".

Савонарола попросил палача, чтобы он обвязал его подрысник веревкой, чтобы не открылось его тело при казни. Но тот отказал и связал Савонароле руки назад. Савонарола сделал невольную попытку освободить правую руку, чтобы благословить народ. Другие очевидцы его смерти прибавляют, что он был настолько в Боге, что, погруженный в безмолвную, глубокую молитву, уже перешел от земли на небо. Но когда он взошел на верх лестницы, где была виселица, он остановил долгий взгляд на собравшейся на площади толпе и на самом городе. Что было в этом взгляде? — Молитва ли об этом народе, который некогда, и можно сказать, еще так недавно, теснился к его кафедре, чтобы насладиться его вдохновенными словами? Упрек ли? Или же в последний раз он хотел взглянуть на этот город, которому отдал свою жизнь и который, по выражению одного писателя, доминиканского монаха, "он до такой степени возлюбил"? Что таил этот взгляд — Савонарола унес с собою в могилу. В это время из толпы раздался голос: "Пророк, теперь пришло время явить чудо!" Была ли это насмешка врага или же вопль души какого-нибудь бывшего последователя Савонаролы, до конца верившего в него? Опять же, и это осталось тайной.

XXIII

Казнь совершилась. Как замечает Horsburgh, "каждый из трех монахов встретил свою судьбу с удивительным спокойствием и с небесным светом, сиявшим в их глазах". В угоду, как это ему казалось, толпе, палач стал играть веревкой с телом умиравшего Савонаролы. Одобрения толпы он не получил, а Синьория строго выговорила ему за это. У всех, даже у врагов, на сердце была печаль; всем было невыразимо тяжело. Вдруг всем стало совершенно ясно, что совершилось убийство прекрасного и благородного человека, человека правды и добра, и вместе с ним были убиты двое добрых и невинных монахов. После казни их тела были брошены в костер. На мгновение дунул сильный ветер и отбросил пламя далеко в сторону от тела Савонаролы. "Чудо!" — воскликнула толпа. Но затем огонь вернулся и пожрал тела трех монахов. Но люди ясно увидели, что находившееся в костре тело Савонаролы подняло правую руку как бы для благословения, как будто

бы для того, "чтобы в последний раз благословить этот город, который он так возлюбил" (по выражению французского издателя некоторых творений Савонаролы). Некие почитательницы Савонаролы пришли переодетыми в простых женщин, неся кувшины, говоря, что желают собрать пепел от костра для стирки белья, "почитая", по выражению Антолини, "и самый пепел, как бы мощи мученика за веру и за свободу". Но солдаты, бывшие тут же, сразу разгадали их истинное намерение — собрать что можно из мощей Савонаролы, что огонь не всецело испепелил, — и отогнали их ударами мечей плащмя. Тогда власти распорядились немедленно выбросить весь пепел в реку. Сбылись слова Савонаролы, который предсказал, что наступает время, когда честных людей будут казнить, тела их сжигать и пепел выбрасывать в реку. До поздней ночи люди толпились на берегах Арно в надежде найти хотя бы частицу мощей Савонаролы. Флорентийское издание избранных творений Савонаролы (1952г.) поминает, на основании древних свидетельств, что один из почитателей Савонаролы верил, что в Арно, у Ponte Vecchio, ему удалось найти частичку сердца Савонаролы, от которой затем, по его же свидетельству, произошло много исцелений. Умер Савонарола в возрасте 45 лет и 8 месяцев, оставив после себя память человека, горевшего желанием построить Царство Божие на земле, и как мученик за правду и добро.

"Таков был конец сего высокоодаренного и морально безупречного, но фанатически настроенного человека", — говорит Пастор. Но, возразим, ужели достойно порицания быть фанатиком добра и доброго начала, т.е. человеком, глубоко верящим в добро, рыцарем доброго идеала, готовым положить свою душу за добро и за любовь к Богу и человеку? Справедливо, что ряд итальянских ученых возразили Пастору, и одному из них принадлежит книга под названием: "Савонарола Пастора, и Савонарола — в действительности". Автор статьи о Савонароле в *Enciclopedia Italiana* говорит: "Если беспристрастный историк и пожелает отрицать его как пророка, осудить как политического деятеля, свести на нет как мыслителя, однако, он принужден склониться с уважением перед ним, как перед человеком глубоко убежденным, который с совершенной чистотой сердца всего себя отдал идеалу, идеалу, который превосходит человеческие силы, и ради этого идеала перенес все невзгоды и в конце концов принес в жертву свою

жизнь". (Т. 30, стр. 975). Даже Лукас, который в своем обширном труде критически относится к Савонароле, пишет, что Савонарола не был настолько повинен, чтобы заслуживать казни. Возможно, что если бы он был отправлен в Рим, папа ограничился бы осуждением его на тюремное заключение. И все же, "несмотря на его ошибки и их последствия, Церковь и мир находятся в долгу у Савонаролы за его бесстрашную борьбу со злом". Гайзендорф назвал Савонаролу "витязем Христовым"; Брион определил Савонаролу как "героя Божьего"; а голландец Ван Элизе назвал его "звездой во мраке ночи". Дж. Олим замечает: "Савонарола был приведен на эшафот, и тело его было спалено и уничтожено, но память о его жизни и воздействие его слов отнюдь не канули в забвение". В заключение приведу слова Шлитцера: "Когда Савонарола, опозоренный и лишенный сана, закончил свою жизнь на виселице, казалось, что его дело безвозвратно погибло и его враги восторжествовали. Тем не менее, он умер победителем, и умер за самое благородное дело, за которое только человек может отдать свою жизнь; он умер за распространение Царства Божьего на земле. Будущее принадлежит ему, а он — Церкви".

XXIV

Через две недели после казни Савонаролы и его двух сподвижников, площадь Синьории снова стала местом увеселений, торжеств и зрелищ. Узнав о казни Савонаролы, иностранные дворы послали свои поздравления Синьории; поздравления пришли также из Милана и из Рима. Единственным исключением было послание французского короля Людовика XII, который настойчиво ходатайствовал о том, чтобы Синьория пощадила Савонаролу, и указывал веские причины для сего. Его письмо пришло слишком поздно, да и вряд ли было бы принято во внимание. Народное правительство, созданное авторитетом Савонаролы, а затем и уничтожившее его, не долго просуществовало. Медичи совершили переворот и пришли к власти, и во Флоренции снова установилась их диктатура. Через 5 лет после смерти Савонаролы скончался и папа Александр VI. После смерти Савонаролы он совершенно опустился, как будто бы, как говорит Виллари, пока жил Савонарола — и он старался быть более или менее на высоте; после же его смерти он как будто

совершенно махнул рукой на себя, и ему приписываются преступления и кощунственная продажа церковных должностей людям, не достойным их. Его почерневший труп с высунутым языком, что Э. Феррара приписывает естественным причинам, по народному мнению, свидетельствовал о том, что Александр VI был "плохим папой" (*cattivo papa*). Незадолго до смерти он много раз говорил о том, что глубоко сожалеет о Савонароле, упрекал своих приближенных и на них сваливал вину в его смерти, говоря, что был злонамеренно информирован о нем. Он выражал желание немедленно же канонизировать Савонаролу. Но смерть пресекла его планы.

Флоренцию, после смерти Савонаролы, объяла страшная ночь греха. Пороки и извращения, которым не только слово, но и самое присутствие Савонаролы не давало проявляться, теперь, после его казни, можно сказать, не вспыхнули, а взорвали всю общественную жизнь. С радостью заявил один из членов правительства своим коллегам: "Теперь мы можем свободно совершать содомский грех". Грабежи, убийства прежних последователей Савонаролы, страшный разврат, поголовное пьянство и буйства завладели всем городом. Я пощажу читателя и себя от описания происходивших мерзостей. Знаменитая монастырская библиотека и самый монастырь Сан Марко были разграблены, а сами монахи изгнаны из города. Даже монастырский колокол, "Пианьона" ("плакальщик"), подвергся гонению: ему было поставлено 9 пунктов обвинения в связи с тем, что в него звонили в набат в ту ночь, когда Савонарола был арестован. На телеге этот колокол был доставлен на площадь Синьории и публично бичеван палачом, а затем изгнан из пределов города. Бедный колокол тяжело стонал под ударами плети палача. Это унижение монастырского колокола, по словам Виллари, принесло доминиканцам больше скорби, чем какие-либо иные гонения. Монастырь был закрыт, и только в 1934г. монашеская община Сан Марко возобновила свое существование, но не в пределах их бывшего монастыря, который правительство превратило в музей. В этом музее хранится келья Савонаролы с его портретами и скромной монашеской утварью.

Первое время даже имя Савонаролы было запрещено произносить во Флоренции и письменные труды его уничтожались. Но уже в 1499г. был издан ряд его сочинений. В начале XV века ученик Савонаролы, монах Пачифико Бурламаччи, издал житие своего

учителя: *Vita del beato Jeronimo Savonarola*, изображая его святым. В Венеции ок. 1530г. была напечатана книга, содержащая пророчества Савонаролы. Около 1540г. в Лондоне в английском переводе было издано предсмертное "Размышление" Савонаролы. Верные его памяти люди тайно собирались вместе и читали его сочинения и молились ему, как святому. Была составлена и служба ему. В день его казни, на том месте площади Синьории, где его казнили, люди клали букеты цветов; Медичи старались противостать сему обычаю, но без успеха; и этот обычай, ежегодное приношение цветов на место казни Савонаролы, продолжался 200 лет спустя после его смерти. Теперь на этом месте имеется медная табличка. Когда в 1527г. папа Климент VII Медичи стал пленником и Рим был разграблен войсками императора Карла V, тогда же была сброшена и диктатура Медичи во Флоренции. Дальше я приведу слова очевидца событий, на которые ссылается Ридольфи во втором томе своего труда о Савонароле: "Трудно описать, с какой радостью мужчины и женщины, молодые и старые, благородные и простые, священники и миряне, предалися радости и как скоро ожило верование; нет, — лучше сказать — в тысячу раз возросло, что фра Джироламо (Иероним) был святой и пророк. Граждане обнимали друг друга, и у всех на устах было его имя. Сан Марко снова стал "сердцем" города, но только это сердце уже не билось. Савонаролы не было, и никто и никогда не смог его заменить".

Память о Савонароле продолжала жить. Папа Климент VIII объявил, что если Флоренция подпадет под его власть, он первым же делом канонизирует Савонаролу, "как самого светлого ее сына". Папа Павел VI объявил, что все сочинения Савонаролы содержат правильное учение Церкви и душеполезны. Папа Бенедикт XIV разрешил причислить его имя к "благословенным" своей святостью.

Многие католические святые почитали его и молились ему; об этом имеется целая книга, указанная в статье Х. Жоржа (в *Dictionnaire de Théologie Catholique*). Здесь я приведу только двух святых. Св. Екатерина из Ричи — великая праведница — имела у себя частицу мощей Савонаролы, уцелевшую в огне; она весьма почитала его, и он неоднократно являлся ей в сопровождении двух убиенных с ним монахов, помогал ей и исцелил ее от тяжелой болезни. Св. Филипп Нери почитал Савонаролу как святого и называл его

"Апостолом Флоренции" и имел у себя в келии его изображение с нимбом вокруг головы. Когда Флоренция, по пророчеству Савонаролы, стала столицей Италии, то в 1875г. 23-го мая в Ферраре был торжественно открыт памятник Савонароле. Открытию этого памятника посвящено несколько книг, как и ода Савонароле, посвященная анонимным поэтом графине Савонароле, далекой родственнице фра Иеронима. Флоренция, несмотря на то, что Савонарола был пришлецом из Феррары, считает его своим, одним из лучших своих сыновей, любит и гордится им. Мер города, проводя большие работы социальной помощи бедным, говорит, что в своих трудах он руководится идеями Савонаролы, и говорит, что "Савонарола вернулся к нам".

И мне кажется, что если бы сейчас Арно отдала рассеянный в ней пепел сожженного тела Савонаролы, и если бы этот пепел собрался вместе, и если бы Савонарола ожил, — с какой любовью, на своих руках, Флоренция понесла бы этого человека! С какой торжественностью он был бы встречен сонмами духовенства. И когда усталой поступью он поднялся бы на проповедническую кафедру столь любимого им кафедрального собора, — бледный, истощенный, с безжизненно висящей сломанной при попытке рукой и с перебитым при казни шейным позвонком, и, с любовью и упреком взирая на предстоящих, почти шепотом произнес бы: "О, Флоренция! О, народ мой, покайся! О, Италия, омой себя твоими слезами! О, весь мир, восплачь пред Богом о твоих грехах! Сыночек мой, другого средства для спасения от грядущих бед уже нет!" — то я думаю, что заплакала бы не только вся Флоренция, не только вся Италия, но и весь мир, грешный и несчастный в своей греховности и отступлении от Бога. Ах, Савонарола, помолись о всех нас! Помоги нам духовно, как ты помог нашему преподобному Максиму Греку, любившему и почитавшему тебя!

XXV

В заключение моего очерка о фра Иерониме Савонароле я считаю необходимым сказать и о литературе об этом великом человеке.

Труды Савонаролы частично были изданы и раньше, но полное собрание его творений только теперь осуществляется: в государст-

венном прекрасном издании уже вышли 17 томов из намеченных 30. Переписка Савонаролы с папой Александром VI была издана в Academia d'Ogona: *Alessandro VI e Savonarola, Brevi e lettere*. Torino 1952. Переписка между Советом Десяти (Синьорией) и Ватиканом по делу Савонаролы была издана отдельным изданием P. Marchese. Два крупных сочинения Савонаролы — "О простоте христианской жизни" и "О торжестве Креста Господня" — существуют и в латинском оригинале, и в более пространной итальянской версии.

Первое жизнеописание Савонаролы принадлежит его ученику и горячему последователю, монаху Pacifico Burlamacci (1405-1519): "Vita del beato Jeronimo Savonarola". Дальнейшую библиографию можно охарактеризовать словами *Dizionario Ecclesiastico*: "Личность Савонаролы стала предметом спора. Одни его делали еретиком, предшественником Лютера, а другие — святым; одни — фанатиком, а другие — героем. Но как достоверное нам известно, что ни в учении веры, ни в отношении морали Савонарола не споткнулся и прожил безупречной жизнью". (Турин 1958г., стр. 730-1). Литература о Савонароле исключительно богата: она насчитывает сотни книг. В 1952г., во Флоренции, во II-м томе "Prediche e scritti di Girolamo Savonarola", Марио Феррара дал перечень известной ему литературы о Савонароле, составивший 206 стр. В 1958г. "Bibliografia Savonaroliana" была пополнена L.S. Olschki. Нам случилось пользоваться прекрасными трудами о Савонароле, вышедшими из печати и после 1958г. Литература о Савонароле преимущественно на 9/10 положительна в отношении его; можно сказать, что на две трети эта литература принадлежит итальянским ученым; последнюю треть составляют труды на английском, немецком, французском и голландском языке. Здесь я ограничусь указанием на труды, которые легче доступны читателю. Труды итальянских ученых: Виллари — "La storia di Girolamo Savonarola e de suoi tempi", 2 t. Firenze 1910. Это первоклассный труд почитателя Савонаролы. Такого же высокого мнения о Савонароле держится и историк Флоренции Гичардини — "Storia Fiorentina". Марио Феррара издал в 1952г. некоторые сочинения Савонаролы и присовокупил краткое житие его. Наиболее крупный труд о Савонароле, отражающий классический труд Виллари и разделяющий его преклонение перед Савонаролой, принадлежит P. Ридольфи: "Vita di Girolamo Savonarola", 2 t., Roma 1952.

См. также Дж. Энрико: "La Morte di Savonarola" (1952), в которой собраны пророчества Савонаролы о его смерти. Автор представляет мученическую смерть Савонаролы как жертву за Христову истину.

См. также более ранние труды: Паренти "Savonarola", Мискиателли "Savonarola" (1925), популярное краткое житие Савонаролы; Антолини "Vita di Savonarola" (1870); Г. Лоттини: "Fu veramente scomunicato il Savonarola?". Автор утверждает, что в действительности Савонарола не был отлучен от Церкви, папская булла содержала угрозу, а не прямое отлучение от Церкви.

Из итальянских ученых один лишь Орест Феррара враждебен к Савонароле, признавая его человеком незначительным, сумасшедшим и параноиком, с которым Флоренция поступила совершенно по заслугам ("The Borgian pope, Alexander VI", London 1942).

В упомянутом выше издании в Турине переписки между папой Александром VI и Савонаролой (в 1950г.) комментарии к переписке написаны в положительном духе по отношению к Савонароле.

Из трудов на английском языке: Г. Лукас "Savonarola" (1899). Автор критически относится, но в конце своего труда с глубоким уважением склоняется перед ним, как перед человеком, отдавшим свою жизнь за добрый идеал. Критически относится к Савонароле и Пастор в очерке об отношениях между папой Александром VI и Савонаролой, г.6 "История пап". Этот очерк встретил горячую отповедь со стороны итальянских ученых (см. книгу "Савонарола в описании Пастора, и Савонарола — в действительности").

Рэдэру (Roeder) принадлежит большой труд о Савонароле: "Savonarola, the matter of consciens" (1930), и о нем же глава в его книге: "The man of the Renaissance", которая недавно вышла из печати. В обоих трудах автор полон благоволения к Савонароле. Первая книга — более ценна, чем вторая, для изучения жизни и деятельности Савонаролы.

M. de la Bedoyère: "The meddlesome friar and the wayward pope" (1958) — автор держится нейтральной линии в своем суждении об отношениях между папой Александром VI и Савонаролой. "Савонарола, вне всякого сомнения, был гениальным человеком, в то время как папа Александр VI был человеком, который имел данные для того, чтобы стать великим. Оба, однако, были ущерблены, если даже и не погублены, недостатками в своих характерах: первый — некоей самоотравленностью, всегда угрожающей рефор-

матору; второй — своей чувственностью и потворством своим страстям, искушением — обычным для всех людей, но, к счастью, редко бывающим отличием пап”. Однако в общем его следует причислить к историкам, благоволящим к Савонароле. Прекрасный труд P. van Raassen — “A crown of fire” (1960) дает много материала и рисует величие и святость Савонаролы.

См. также труд Whittaker “The life and times of Girolamo Savonarola” (1843), в котором автор изображает Савонаролу предтечей Реформации и личностью более высокого порядка, чем был Лютер. Значителен также и труд Horsburgh “Girolamo Savonarola” (1901). Издавая проповедь Савонаролы “О реформах в Церкви”: “The catholic Reformation: Savonarola to Ignatius Loyola” (1969), Дж. Олим в предисловии к этой проповеди говорит с большим уважением о Савонароле.

Из немецких трудов рекомендую следующие: Шнитцер — “Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance” — труд, полный уважения к Савонароле. См. также его труд “Savonarola und die Feuerprobe”; в этом труде автор подвергает серьезной критике источники пшаньон, анти-пшаньон и нейтральных, и приходит к заключению, что “испытание огнем” было спровоцировано коалицией между Синьорией и францисканцами с целью вызвать падение Савонаролы.

См. также труд Сементовски-Курило: “Savonarola: Revolutionär, Ketzer oder Prophet?” (1950). На этот вопрос автор отвечает, что Савонарола не был ни революционером, ни еретиком, а — большим человеком, “евангелистом языческого ренессансного общества и мучеником за истину”. До него Г. Глератц, в труде “Ketzer oder Heiligen?” поставил подобный же вопрос: кто такой Савонарола — еретик или же святой, и отчетливо показал, что он — святой.

См. также труд Рудельбуха: “Hieronymus Savonarola und seine Zeit”. Из других трудов мы укажем на труды Херауда, Штткингера, Зидингера и Шустера: все эти труды озаглавлены “Savonarola”.

Голландскому ученому Ван Элизе принадлежат два тома труда о Савонароле и его деятельности (1852-3 гг.). Ван Пасена мы уже привели выше, среди трудов на английском языке.

Из трудов на французском языке: Житие Савонаролы с изданием некоторых его сочинений, служащих для назидания монашествующим — см. *Bibliothèque des Pères Dominicains, 1879*. Савонарола

представлен святым. В *Dictionnaire de Théologie Catholique*, т. 14, ч. 1, критическая статья о Савонароле, принадлежащая перу Н. Gorge.

См. также следующие труды: Ляфенетр (Lafenestre) — “Saint François d’Assise et Savonarole” (1911). Автор считает их вдохновителями итальянского искусства. Жезендорф (Geisendorf) — “Savonarole, chevalier du Christ” (1943). Брион: “Le héraut de Dieu” (1948). Кардинал Журнэ: “Dernière méditation de Savonarole” (1961). Cartier — “Esthétique de Savonarole” в “Annales Archéologiques”, т. III/5.

Русская литература о Савонароле: Шеллер-Михайлов, “Царство двух монахов” из “Истории народных движений”, в 17-м томе собрания сочинений; небольшой очерк о Савонароле, рисующий его в благоприятном свете. В очерке имеются и некоторые неточности в отношении истории жизни Савонаролы.

Осокин — краткая заметка о Савонароле в Большом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона.

В романе “Воскресшие боги” Мережковский, описывая эпоху Ренессанса, изображает Савонаролу как личность мрачную, враждебную всякой красоте и радости жизни; Савонарола, по удивительному заключению Мережковского, — “антихрист”. На это следует возразить, что, наоборот, ряд знатоков искусства признают Савонаролу вдохновителем искусства и ряда гениев Ренессанса, как напр. Микельанджело и Боттичелли; влияние Савонаролы на поэтов простиралось так далеко, что его признают во многом вдохновителем немецкой поэзии (ведь и сам Савонарола был поэтом). Об этом см. в приведенной нами *Bibliografia Savonaroliana* у М. Феррара и Л. С. Олшки.

Савонарола вошел в историю искусства, и сам явился предметом многочисленных поэм, од, стихотворений, трагедий и романов на итальянском, немецком, французском, словенском и сербско-хорватском языке (см. Ристич “Савонарола и негови приятели”. Нови Сад, 1962).

Существует литература о Савонароле как о политическом деятеле, как о политическом философе, как о создателе системы государственного попечения о бедных (“социальной помощи”), как об эстете, оказавшем влияние на искусство как своего, так и других народов. Эту литературу, как специальную, я оставляю в стороне.

Многие протестанты, начиная от Лютера, назвавшего Савонаролу "первомучеником Реформации", считают его "своим". Католические ученые возражают на это, указывая на его верность принципам римской Церкви, и подчеркивают, что в догматах веры и в учении о христианской нравственности он ничем не отошел от учения Церкви.

Нам представляется, что Савонарола близок нам, православным, и своим учением, и своей жизнью. Его учение о Вселенском Соборе — совершенно отвечает учению православной Церкви. Его сочинение догматическо-апологетического характера "О торжестве Креста Господня" совершенно приемлемо и для православных. Что же касается его сочинения о духовной жизни: "О простоте христианской жизни" (*De simplicitate vitae christianae*), то полагаем, что оно заслуживает того, чтобы быть переведенным на русский язык, несколько приурочено к православному духу и затем включено в состав нашей духовной литературы. Так было и в отношении известного духовного сочинения "Невидимая брань", которое в своей основе является произведением итальянского монаха-аскета, а затем передано в православном духе Преподобным Никодимом Святогорцем и в окончательной редакции издано приснопамятным епископом Феофаном Затворником.

Литература и жизнь

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ

ВИЗАНТИЯ

1

Не по тулову вазы бежит голенастый
ободряемый гончими мим.
Просто волны смывают с уже безучастной
Византии оливковый грим.
Ты — которую Отче наш к сердцу приблизил,
на глазах от души покарал.
И блазнит язычками коралловой слизи
у подножия скал
поджимающий крылья могильник эриний,
по-над толщей морской
пронимавших хвою константиновых пиний
и елениных кедров тоской.

*) Стихи Ю. Кублановского в "Вестнике РХД" №№ 128, 129, 130, 135, 138, 141, 144, 147.

Часто в утро безлюдное,
а случилось, во Имя Твое
рати латные, орды лоскутные
осаждали и брали ее.

Но в палермских апсидах грубеющих,
флорентийской пожухшей слюде
да и в окской излучке синеющей
— Византия нигде и везде!

Лишь до времени младшая сводная
ей сестра, расщепившая впрок
поминанья просфору холодную,
опечатала тайной роток.

3

Кто из нас, прираставших от ужаса к парте,
заарканит кружком,
без заминки найдя на разглаженной карте,
иль пришпилит флажком
— эту корочку суши? Раскисшего снега
наглотававшийся, как молока,
отставая, бежал за дружиной Олега
сын его же полка.

Не согреют уже багряницы льняные
наших батюшек, маленький князь,
будет шапкой махать на столпы соляные
и таким же столпом становясь.

1985

Мальчиком суриковским за ссыльным
я бы бежал возком,
сам бы казался себе двужильным
с батюшкиным образком
на ремешке сыромятном потном.
Поименитей нас
кляли поклоны в поту холодном
да и с трезоркой делить голодным
рады съестной запас.

Ночи до места ведут тропами,
ежели по пути
с посеребренными кочанами
поля-перекати,
над снеговыми верхами елей
слившимися в любви.
Как попускает телец Аврелий:
"Терпишь — тогда живи".

И принесет на хвосте сорока
или хомяк в зобу
жданную весть о повторе срока
радостному рабу.
Мы — стратотерпцы одной артели
в море, тайге, степи.
Как понуждает телец Аврелий:
"Если живешь — терпи".

Вот уже третий лежит в руинах
Рим.

Нерестится в его глубинах
христородавец-зверь.
Плюш обветшалых салопов тяжек.
Нам ли утробно просить поблажек,
родненькие, теперь?

октябрь 85

ПТИЦА

Неулетаемо крыльями прядает
птица в пространстве сыром,
за мороженом взмывает и падает
над прорыженным холмом
ржавыми рошам.

Если б не тернии
под напряженьем границ,
я бы бежал до родимой губернии
светлых от снега темниц
— той, что в повстанческом честном усилении
первая изнемогла
и в колеснице у красного Илии
спицей десятой была!

Впрок запасенное и полотняное
в берестяных сундуках
тлеет ее бесприданниц приданое
на заводских берегах.
И повсеместно речные жемчужины,
высыпав на образа,
тоже в коптящие свечи вутюжены,
выжаты девам в глаза.

... К лону бы ухом прижался, а мокрую
щеку сушил на ветру,
Христолюбивое, стало быть, строгое
воинство ждал поутру
и не дождался б.

Лишь крыльями прядая,
птица в оконце седом,
за мороженом взмывая и падая,
напоминала б о том,
что ведь и наша душа не привязана
лыком навек к топчану,
что и ее перейти предуказано
мизеру — в величину.

ноябрь 85

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В укусе пламя жемчужное
— солнце варяжское вьюжное
в пору затмения.

Площадь с трусящей волчицею.
И над безлюдной столицей
райское пение.

Дома! Взбегу-ка по лестнице
к милой (и славно, что в плесени
ручка дверная),
забарабаню костяшками,
как там у ней за рубашкою
крестик, гадая.

В лампы с фарфоровым парусом
и потускневшим стекларусом
круге зеленом
дай, словно маленький, силу испробую,
сжав в затупившихся щипчиках с пробойю
сахар пиленый.

Память — река с ледяными заторами,
если уехал — тони под которыми
впредь до подъема
в знобкое утро Второго пришествия
с преданным привкусом счастья и бедствия,
стало быть — дома.

Стекла с крупницами.
Кладбище с птицами
за снегопадом
с ветками липкими,
тропами скрипкими.
Родина рядом.

3.1.86

ПАМЯТИ Е.С. ГРАМАТИНСКОЙ

Память расколется
шпату подобно
и приоткроется
в сколе подробно:
ранний оброчный
иней на прядках
при полномочных
темных лампадках.

Поднял Креститель
трепетно длань.
Ежась, Спаситель
встал в Иордань.
Густо на ели
двух берегов
вдруг полетели
хлопья снегов.

Маслом на своде
этот мираж.
Шепот в народе:
"Господи... дашь..."
Пламени холки
в стане свечном.
Словно иголки
в нерве личном.

Где теперь люди?
Где им кресты?
Горлом в остуде
с дальней версты
в стихшую заметь
ей подпою
Вечную Память
небытию.

30.11.85

***

Н. Б.

С серым томом Генри Джеймса
убежим с тобой
на далекий прииск леса,
прежде золотой.

Отпуская из кубышки
жалких духов в путь,
палый лист в туманной книжке
навсегда забудь.

Несмотря на станционный
на клочке резон
"Кончен навигационный,
господа, сезон",

на воде сидящий постник,
то есть на угле,
вплавь зашлепает колесник
по озерной мгле.

Только ткнется лебедь дремный
головой в крыло,
знать, за пазухой темной
у него тепло.

— Божий раб, слуга престола!
— аттестуюсь я
у бревенчатого мола
инобытия.

Ола! Ола... Эдак эхо
с оловом во рту

пожелает нам успеха,
рухнув на лету.

И прильнув к оконцу с воли,
благо между рам
погребен стаканчик соли,
что увидим там?

октябрь 85

А. СОЛЖЕНИЦЫН

КРАСНОЕ КОЛЕСО

Из Узла III
«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»
(27 февраля)

152

Ни дяде Антону, ни кому из прежних жертвенных революционеров не досталась, и примечаться не могла такая доля: ночным перебудораженным и уже безвластным Петербургом нестись по улицам в каком-то сказочном аппарате, по мостовым со скоростью птицы, с двух сторон на крыльях — стрелки, нацеленные винтовками вперед, за спиной еще десяток солдат, — нестись на взятие правительственной твердыни — в трехстах саженях от Сенатской площади! Саша уже до такой степени был заранее полон счастьем, до такой высшей вершины вот уже взметнулась его жизнь — что была как бы и увенчана, лучшего уже случиться не могло никогда, и теперь он без сожаления мог с нею хоть и расстаться.

Вот — наступила своя война! Прежде он берег голову — только для своего часа.

Впереди ехал опытный Сосновский на броневике, он выбирал и маршрут. Пронеслись мимо Летнего сада — и сашино сердце застучало еще от этой символики: здесь Антон Ленартович стрелял в Дубасова, здесь был схвачен, да тут же прозвучали и первые выстрелы русской революции — каракозовские, — и вот отсюда несся Александр Ленартович на решающий последний штурм царизма!

Даже слезную щемоту почувствовал в глазах. Как это бес- смертно! Хотя бы он погиб сейчас — но этот подвиг впишется и будет вспоминаться: как Александр Ленартович брал оплот последнего царского правительства!

Так и повел Сосновский по изогнутой набережной Мойки, так перескочили и Невский и Гороховую, не задерживаясь, — и вдруг, что-то заметив впереди, броневик круто остановил, а сашин шофер не сразу мог затормозить — и едва не налетел и не расшибся об зад его.

Высунулась рука Сосновского, показывающая круговыми движениями назад. Набережная Мойки, суженная снежными кучами, не давала простора двум автомобилям разъехаться, и сашин шофер, матерно ругаясь, стал давать задний ход — до Гороховой и на саму Гороховую. Следом за ними вплотную своим грозным задом наступал и броневик.

Саша думал вылезти и узнать у Сосновского, что именно случилось, но мешали солдаты на крыльях, — да броневик, не задерживаясь и не объясняясь, повернул и рванул по Гороховой, а потом по Морской налево.

На середине квартала Морской сашин автомобиль догнал броневик. Теперь тот двигался осторожно, с выключенными передними фонарями. Сашин тоже выключил. Впрочем, на Морской было довольно уличных фонарей, они оба оставались достаточно видны дворцу, как и им был виден дворец, весь сияющий многими окнами двух этажей, редкое не светило. Там сидели сейчас все министры? Всех министров можно захватить сразу?

Далеко за дворцом, в стороне Мариинского театра, пламенело в небе сильное пожарное зарево.

А перед дворцом — стояли две пушки. Вот тебе раз!.. Правда — стволами пока на Исаакиевский.

А против них и броневик ничто?

Тут раздалась пулеметная очередь. Сперва Саша так понял, что начал стрелять броневик, но нет, при повторе очереди стало ясно, что бьют сюда, и пули где-то близко тут щелкают. (Нисколько не боялся Саша! Он вдруг обнаружил в себе то военное хладнокровие, которым восхищался, бывало, у настоящих офицеров: во время боя только соображения боя!).

Саша ждал решения Сосновского. Оно было совсем неожиданным: броневик зажег передние фонари, открыл пулеметный огонь — и так со светом и со стрельбой, совершил крутой поворот краем площади направо назад, мимо "Астории", к улице Гоголя.

И исчез.

Саша удержал шофера от движения. Он ничего не понимал. Он не понял, в кого Сосновский стрелял. И не понял, куда тот поехал — совсем уже прочь от дворца. Они ни о чем не догадались сговориться заранее. Саша ждал теперь конца маневра, он предполагал, что Сосновский обогнет памятник Николаю I, уйдет с линии пушек и выедет с той стороны против дворца, брать его в клещи.

Но Сосновский не ехал. Не ехал. Не появлялся.

Совершенно непонятно.

Как и непонятно, кто же открывал огонь по ним вначале. Больше не стреляли. Саша высунулся, обернулся, спросил своих в кузове, не ранен ли кто. Нет, никто.

А дворец светился, не гасил огней от стрельбы. Перед парадным входом, да, хорошо были видны две пушки — но без прислуги, вот что, сообразил Саша. Совсем без прислуги! Так они ни стрелять, ни повернуться не могут. У главных дверей стояло двое часовых и еще с ними кто-то там рядом. И все!

А площадь, сколько видел ее Саша, от дворца до памятника и дальше в сквер за памятник и у той стороны Морской — площадь была и не пуста и не полна: по ней не было обычного движения пешеходов, да мудрено бы к полночи, но какие-то кучки людей, не под фонарями, а подальше от них, собрались там и сям, в устьях улиц, у стен, у подворотен, у парадных, и как будто наблюдали, присматривались, ждали чего-то, несмотря на мороз. И все вместе — это много было.

Готовились ли они к атаке? На дворец? Чего ждали?

И Саша определил несомненный план: надо его грузовику ехать прямо на дворец! прямо на главный вход! Это — не больше минуты. Под прямой обстрел? Если поедет внезапно — не сразу откроют огонь и не успеют выбежать к пушкам. Можно еще и на ходу открыть ружейный бесприцельный огонь. А тут повалят на поддержку все эти кучки из устьев. Да уж ничего нет опаснее, как он сейчас стоит. Конечно, без броневика меньше шансов на успех, но... Туда, ко входу, через полтора саженей, может быть доедут они не все и сам он не доедет — но это единственное правильное. А подвезжать якобы с мирными намерениями — опаснее, подвезать вплотную не дадут, изрешетят.

Но не успел Саша снова высунуться назад и объяснить своим солдатам задачу — как во всем дворце одновременно погас внезапно

свет! Весь сразу! Весь сразу дворец из оживленного светового превратился в темный и затаившийся!

Для чего? Перед собственным нападением, прыжком? — но дворец не мог прыгнуть, а гарнизону довольно бессмысленно было бы наступать. Тогда для обороны? Чтоб лучше видеть и лучше стрелять? Так тем скорей на него кинуться! А может быть просто от перепуга, не выдержали у кого-то нервы? Или хотят разбежаться из всех задних дверей в темноте? — ах, нет сил оцепить задние все выходы!

Небо было морозное, звездное.

Саша высунулся назад, но что ж тут объяснять! И воодушевлять не требуется, все добровольцы. Он просто крикнул:

— Стреляй на ходу по окнам, кто куда! — И шоферу, за руку на руле: — Поехали! Без фонарей.

Автомобиль не был заглушен, и сразу поехали, по прямой пересекая площадь. Свету сильно убавилось, но все-таки при площадных фонарях шофер различил и объехал снеговой гребень, в котором бы застряли.

Над головами их оглушительно били свои винтовки и вспыхивали выстрелы.

Они быстро катили прямо к главному входу. Сейчас решалось: успеют там выскочить к пушкам?

Боковым зрением Саша успел заметить, что несколько кучек бежали тоже ко дворцу, наперерез и на соединение с ним. Так! И в одной из кучек появился над головами факел. (Успел подумать: как красиво!)

Саша всем телом сорвался бы с сидения и полетел бы вперед, обгоняя автомобиль, чтобы не быть изрешеченным!

Но автомобиль гнал хорошо, на фоне зарева темный дворец надвигался на них быстро! Стреляли по ним, не стреляли? — этого нельзя было понять из-за своих, — но вот уже оставались шаги до пушечных жерл — а из них не вспыхивал губительный огонь!

И уже проезжая мимо них, прямо к ступенькам и аркам парадного входа, Саша скомандовал:

— Включай фонари!

И осветили в углублении арок заметавшуюся охрану, несколько человек, никто из них и не пытался отстреливаться, уже поднимали руки вверх вместе с винтовками.

Надеясь, что свои верхние держат тех на прицеле, но не выстрелят же в своих, — Саша столкнул стрелка с воскрылья, соскочил и с пистолетом в руке взбежал по ступенькам.

Теперь только и было света, что освещали фонари остановившегося их автомобиля. Охрана по-прежнему держала оружие и руки к сдаче, офицера среди них не было.

— Двери раскрыть! — закричал им Саша надорванно-громким голосом, боясь ли, что не послушаются.

И один унтер потянул — растворил — и держал открытой перед ними широкую высокую тяжелую входную дверь. А там дальше — темнота, ловушка, только на первые шаги давали свет автомобильные фонари.

Сашины солдаты соскакивали из кузова. Уже без его команды они обезоружили этих нескольких. Но дальше, внутрь, опасались.

Саша без колебания решил идти первый, придумывал команду, как оставить свою тут охрану снаружи. Но начали подбегать те кучки штатских людей, все мужчины, и молодые, то ли рабочие, не рабочие, рассматривать было некогда. И первого же с факелом Саша взял с собой и повел внутрь.

И остальные повалили за ними, вперемешку солдаты и не солдаты.

В вестибюле с красномраморными колоннами он остановился. Со смоляным факелом! Налево поднималась парадная мраморная лестница. Наверно, все главные кабинеты и правительство помещались там наверху. Но был проход и по первому этажу, помимо лестницы.

И всякое незнакомое большое здание, если вот так в него ворваться, разрывает и затягивает — глаза разбегаются по лестницам, переходам, коридорам, в каждом направлении чудится самое-то главное помещение! Куда бежать сперва? Где искать? Кого захватывать? Где министры? Они еще наверно не ушли, они где-то прячутся! Как успеть захватить? Или важнее брать бумаги на их столах? Да, бумаги захватывать — это важней! А где их столы?

— Где швейцар? — услышал Саша свой громкий злой голос.

И сразу перед ним вышел в свет факела толстый испуганный пожилой швейцар в ливрее, а сзади в большом зеркале его спина.

— Где комендант дворца? — кричал Саша. — Где управляющий? Кто выключил свет? Расстреляю! Немедленно включить!

И не слушая оправданий, объяснений:

— А ну-ка вы двое, со штыками — сопровождайте его и арестуйте коменданта, пока не появится свет. Скажите, что иначе я его расстреляю!

И двое повели швейцара куда-то в темноту.

Нет, и сам Саша оставался в темноте, при свете автомобиля, а главный свет факела уже без него избрал путь наверх по красному ковру — и с ним оживленная кучка сбродных добровольцев.

— Пошли! — скомандовал Саша и тоже пошел наверх, за факелом — а кто-то пошел за ним, а кто-то не пошел. И тут он сообразил, что своих солдат, с которыми приехал, он не знал ни по батальонам, ни по фамилиям, ни по лицам, что он набрал их в темном сквере перед Таврическим — и так же в темноте вот сейчас потерял. И теперь о каждом идущем мог равно думать, что это из его команды или из охраны дворца, или вообще откуда-то со стороны.

Но рядом оказался невысокий симпатичный черныш студент с припухлыми губами — и Саша сообразил, что вот это сейчас — самый нужный ему человек.

— Пойдемте смотреть и захватывать главные бумаги! — скомандовал ему Саша — и тот выразил полный восторг. — Стой, факел! — окликал он переднего.

Но внизу лестницы возник второй факел и тоже качался сюда.

Саша сообразил, что ничего не скомандовал шоферу, и тот вполне может уехать, оставив их тут.

Но это было уже и безразлично. Без всякого понукания какие-то темные добровольцы взбегали и взбегали по лестнице и радостно вопили. Если б они подчинялись, можно было бы сейчас оцепить дворец и захватить всех министров. Но они не подчинялись, и внимания не обращали на Сашу и его команды, а еще опережали его и разбегались куда-то. Куда? кто такие? — непонятно, лестница дальше раздваивалась.

И тут — зажегся яркий свет, сразу опять во всем здании, освещая белые лестницы, а выше — розовый зал.

И Саша увидел, что его площадные добровольцы уже возвращаются с какими-то старинными стульями, со скатертями под мышкой. А кто-то стал на подоконник высокого окна и с силою рвет книзу дорогой занавес.

Трещала материя, сорвался и повис тяжелый гардинный шток, едва не убив грабителя.

Гудели голоса по дворцу.

Но еще с этим бороться — не было у Саши никого. Он оглянулся — никого, кроме этого студента.

Два каких-то солдата шли.

— Вы — мой? — спросил Саша. — Тогда станьте вот здесь часовыми. И если появится противник — стреляйте и предупреждайте меня. А мы будем дальше.

А дальше он видел круглый зал с белозолотыми колоннами в два яруса. Ринулись туда.

ПОЭТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Посвящается Петру Старчику

"Так говорить должно только к Богу. Ведь это же молитва! Людям не молятся... И — раз навсегда — все мои такие стихи, все вообще такие стихи обращены к Богу... — Поверх голов — к Богу. По крайней мере — к ангелам... Так: все мои стихи к Богу если не обращены, то возвращены".

Марина Цветаева

Чтобы пояснить свою позицию, с которой я буду рассматривать творчество Марины Цветаевой, я вынужден повторить общие места.

Во всяком искусстве присутствует музыка. Музыка — это ритм и гармония: форм, красок, образов, звуков. Литература — искусство, сплавляющее логос (слово) и музыку. Поэтому она воздействует не столько передачей смысла слова, сколько чередованием (ритмом) образов. Поэзия еще более музыка, чем прозаическая художественная литература. Поэтическое слово завораживает не столько самим словом, сколько музыкой слов. Но специфика поэтической музыкальности в том, что чередуются, вибрируют, струятся не чистые звуки (как в музыке), а слова, имеющие смысл и несущие образы. Очевидно, музыка поэзии способна вызвать тот уникальный душевный настрой, при котором слово начинает слышаться в первообразной своей сути. В этих чутких состояниях утончается зрение и слух, и мы ощущаем новое рождение слова. Опадают рационализированные и социализированные сцены, сковывающие язык, и нам начинает светиться сама истина вещей. Очевидно, поэтическая гармония и ритм вводят нас в те экстатические состояния, когда в слове мы способны услышать не привычную обыденность, а глубинный логос.

Поэтическая речь, не отменяя коммуникативную функцию языка, встраивает слово в неожиданный авторский контекст, и муза поэзии вскрывает музыкальность слова, слово начинает нам

петь-вещать. Поэзия к горизонтальному измерению языка (сетка рациональных смыслов и значений — коммуникация) добавляет вертикальное, когда слово начинает отображать и соединять и вечные логосные смыслы, и индивидуальные неповторимые авторские образы. Поэтическая речь есть раскрытие и углубление словарного значения слова, но и прибавление к нему нового смысла. Этот "сверхсмысл", в свою очередь, оказывается неисповедимым единством вечной логосности и индивидуального мироощущения автора, музыки сфер и тональности вот этой конкретной души и ее судьбы. В поэтическом слове сокрыт-открывается, звучит как и смысл вещей, так и смысл судьбы автора.

Восприятие художественного произведения возможно на различных уровнях. Большинство не идет в этом далее объектных отношений. В первом приближении произведение проступает через акт узнавания: внешний взор отмечает только то, что уже знакомо и известно. И здесь академические изыскания о смысле изображаемого по сути не отличаются от реакции "простого человека".

Следующий уровень — познавательный. Он требует волевого и интеллектуального напряжения. И по затраченным усилиям этот уровень восприятия творческого продукта рефлексирован как восприятие истинное и полное. В такого рода встрече с произведением действительно расширяются горизонты, но, в основном, познавательные, что не является спецификой искусства: творческий продукт воспринимается как предмет познания новых фактов, новых отношений предметов.

Но поэтическое произведение безусловно глубже познавательного акта. Оно неисчерпаемо, поскольку есть дыхание личностной судьбы, несет в себе ее дух. И из него, как из личной жизни, можно вбирать бесконечно. Возможно экзистенциальное переживание произведения искусства, проникновение в духовную его глубину, далее в акт творчества, и далее, в интимные сферы самого творца. Это происходит только в акте личностной встречи, со-переживания, любви, когда произведение выступает не как объект познания, а как живой сообщающий субъект. Это как с живым человеком: встретился, принял сердцем и ощущаешь его душевный пульс. И не надо специально узнавать, напрягаться, изучать — целостно ощущается вся его полнота. Это уже экстаз сродни творческому. Собственно и есть хождение по творческим тропам.

Мне хочется поделиться теми переживаниями и смыслами, которые вызвал во мне цикл "Ученик" Марины Цветаевой. Конечно, всякий разговор о поэзии и есть говорение, а не сама поэзия, хотя любой углубленный разговор сродни поэтическому творчеству выявлением и новизны и исконности слова. Не нужно спорить, чего больше в том, что я буду раскрывать — моих фантазий или фантазий Марины Цветаевой. Произошла встреча поэта и читателя, и острые читательские переживания всегда неповторимы. Другой любящий взор откроет иные грани, и они также будут подарены поэтом, но не без встречного творческого усилия читателя.

Чем, большей частью, является разговор о поэзии? Или рассуждениями о формах поэтического образа, о средствах поэтической выразительности (поэтика), или о семантике и синтаксисе произведения (лингвистика), о его знаковости (семиотика) или общительности (прагматика). Можно видеть в произведении знаки запредельных сил и стихий (мистика) или зашифрованные магические заклинания.

Но ведь во всяком творческом произведении воплощается духовная судьба творца, его цельный опыт. В восприятии искусства этот опыт неисповедимыми путями вливается в ткань нашей души. Возможно логосное, т.е. разумное выражение этого опыта. И это не менее правомочно, чем все другие грани рассмотрения поэтического произведения. При таком подходе открывается, что так называемые кочующие литературные образы и темы являются не только литературными. Они слагаются скорее не чисто литературной традицией, а традиционностью духовной, которая является стержнем культуры. Существует как бы копилка человеческого опыта, его духовные первообразы. Из нее прежде всего черпаются вековые темы, сюжеты, образы, которые творец использует как материал и язык для собственного сказывания.

Для всякого религиозного человека ясно, что адекватнейшим и наиболее глубинным хранилищем общечеловеческого духовного (т.е. религиозного) опыта является "Книга книг" — Библия. И, встречая в поэтическом произведении библейскую символику, образность, сюжеты, терминологию, истиннее было бы относиться к ним как к выражению прежде всего целостного духовного напряжения и творчества, а не только литературной или чисто культурной традиции. Поэтому я буду стараться не искать литературных

ассоциаций, а попытаюсь понять, что непосредственно высказано. Как всякого истинного творца, Цветаеву мучили, прежде всего, бытийные проблемы, а не только проблемы рифмы, формы, стиля: дать "новую сущность", по Цветаевой, и есть дать "новую форму". "Стихи — созвучие смыслов".

Прежде чем перейти к циклу "Ученик", вслушаемся в стихотворение "Роландов рог", которое здесь важно тем, что по времени написания и, как окажется, по смыслу тоже предваряет стихи "Ученика".

РОЛАНДОВ РОГ

Как нежный шут о злом своем уродстве,
Я повествую о своем сиротстве...

За князем — род, за серафимом — сонм,
За каждым — тысячи таких, как он,

Чтоб, пошатнувшись, — на живую стену
Упал и знал — что тысячи на смену!

Солдат — полком, бес — легионом горд,
За вором — сброд, а за шутом — все горб.

Так, наконец, усталая держаться
Сознаьем: перст и назначьем: драться,

Под свист глупца и мещанина смех —
Одна из всех — за всех — противу всех!

Стою и шлю, закаменев от взлету,
Сей громкий зов в небесные пустоты.

И сей пожар в груди тому залог,
Что некий Карл тебя услышит, Рог!

Март 1921

отношения и проекции. В коротком цикле с неподражаемой цветаевской емкостью вмещены глубиннейшие вопросы, охватывающие всю ширь бытия. Это объясняет мою многословность при цветаевской краткости.

1

Быть мальчиком твоим светлоголовым, —
О, через все века! —
За пыльным пурпуром твоим брести в суровом
Плаще ученика.

Улавливать сквозь всю людскую гушу
Твой вздох животворящ —
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем — плащ.

Победоноснее царя Давида
Чернь раздвигать плечом.
От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

Быть между спящими учениками
Тем, кто во сне — не спит.
При первом чернью занесенном камне
Уже не плащ — а щит!

(О, этот стих не самовольно прерван!
Нож чересчур остер!)
... И — дерзновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костер.

15 апреля 1921

Основной мотив первой строфы: быть учеником Его ("твоим"). Необходимо помнить, что образ Его двоятся и поэтому на все нужно смотреть в двух планах. В первом — ученик — творец земной, поэт; Учитель — творец Небесный, Новый Адам, Иисус Христос.

Во втором — ученик — Ева, вечная женственность, женское начало, учитель — Адам Ветхий как мужское начало. Т.е. мы видим поэтически выраженное переживание своей творческой предназначенности, как поэта и как женщины. (Про Цветаеву говорили, что она поэт, а не поэтесса, но в то же время какую женщиной она была!). "Быть мальчиком" — т.е. девственным, непорочным, инфантильно открытым и изначально невозделанным полем. Быть учеником, выделяющимся своей светлостью, разумным и в то же время изначально незамутненным знанием и потому открытым истинному Знанию ("светлоголовым"). Быть им навсегда ("через все века"). Вперед ведущий Учитель — это Царь (на что указывают царские пурпурные одеяния), но не на небесном троне, а идущий по земным тропам ("пыльным пурпуром"). Здесь плащ — ученическое одеяние, обозначение принадлежности к аскетическому ("в суровом") ордену, призванному и из последних сил идти ("брести") за Учителем.

Все это относится к Воплотившемуся Богу (в Новом Завете одно из имен Иисуса Христа — Учитель) и к Адаму, как мужскому началу. В первом случае речь идет о творческой ориентации поэта. В другом — о различии в мужской и женской предназначенности. (Будем помнить, что линия разделения на мужское и женское проходит не между, а через человеческие существа).

Адам-мужчина — деятельное, активное начало. По Книге Бытия Ева-женщина сотворена как помощница Адама. Первенство мужского ("и он будет господствовать над тобою" — Быт. 3, 16) — это прежде всего первенство ответственности. Адам-мужчина решает, действует, исполняет и несет ответственность за итог. Ева-женщина — начало пассивное (по отношению к активности в выборе), это сама жизненная потенция со всеми ее соками (Ева — жизнь), объемлющая в своем лоне всю совокупность потенций, сил, стихий, от наивысших духовных, до низжайших глубин хаотических. Женское — источник нежности, любви, но и укрытости и защиты от мирового холода. Как здесь не вспомнить такое проникновенное стихотворение, как "Магдалина":

О путях твоих пытаться не буду,
Милая! — ведь все сбылось,
Я был бос, а ты меня обула
Ливнями волос —
И — слез.

Не спрошу тебя какой ценою
Эти куплены масла.
Я был наг, а ты меня волною
Тела — как стеною
Обнесла.

Наготу твою перстами трону,
Тише вод и ниже трав,
Я был прям, а ты меня наклону
Нежности наставила, припав.

В волосах своих мне яму вырой,
Спеленай меня без льна.
— Мироносица! К чему мне миро?
Ты меня омыла
Как волна.

Мужчина-деятель может стать творцом только получив из рук Евы-женщины материал и импульс (вдохновение) творчества. В ином случае он не творец, а разрушитель. Одно начало пусто без другого. Потому они стремятся к соединению и внутри человека (душевный андрогинизм), и между людьми (андрогинизм половой). Личность — это андрогинная целостность. Творчество и любовь — это поиск и утверждение этой целостности.

Вернувшись к цветаевскому циклу, мы увидим и женственную жажду обрести истинного Адама-учителя, как поучающего, решающего и отвечающего. И стремление исполнить женственность как отдавание и одарение своими сокровищами, которые не только свои, а сокровища небесные (Дары Духа Святого).

Во второй строфе далее раскрываются предикаты ученичества. Быть учеником чутким ("улавливать"), слышащим голос Учителя

через толщу мирских стихий ("сквозь всю людскую гущу"). Это жизненно необходимо и творцу-поэту и женщине. Да это и не только голос, а то, что дает жизненные силы, саму жизнь ("вдох животворящ" — дуновение жизни: "и дунул в лице его дыхание жизни"). То, что в походе среди праха земного ("гуща") не дает раствориться в нем, а наделяет силой выкристаллизовать свою индивидуальность и себя как свою неотмирность. (Все это первично от Нового Адама, Иисуса Христа, и отражено — от Адама-мужчины). Душа — не от мира сего, а сотворена Богом, и Им поддерживаемая ("душой, дыханием твоим живущей" — "и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою" — Быт., 2, 7).

В этой строфе в образе развевающегося (раз под "дуновеньем") плаща кристаллизован и источник жизнеутверждающего действия —

вдох животворящ...
дыханием...
дуновением...

— и направленность его: "плащ" — покрывало Божественного содействия над ареной мировой судьбы. Сравним со строфой из стихотворения "Бог":

Ибо бег Он — и движется.
Ибо, звездная книжица
Вся: от Аз и до Ижицы
След плаща Его лишь.

В третьей строфе цикла уже появляются элементы активности ученического служения. Идти сквозь земные терния независимо от голоса толпы ("чернь раздвигать плечом") к обретению Истины, Добра, Красоты. Быть прикрытием правды Божией на земле ("служить тебе плащом"). И в то же время прикрывающий плащ — символ женской заботы, материнской охранительности "от всех обид, от всей земной обиды" о мужчине-суженом.

В следующей строфе творческое ученичество дерзновенно претендует на наибольшее приближение к сердцу Господню и, следовательно, наибольшее участие в Его сокровенных порывах. Вспомним, что произошло в Гефсиманском саду, ибо это евангельское событие является контекстом поэтического утверждения. Христос в минуту тяжелейшей душевной скорби и тоски оставляет

рядом с Собой ближайших Своих учеников и просит их бодрствовать. Ученики не выдерживают тяжести нахлынувшей мирской дремы. Творец-поэт тоже оказывается "тем, кто во сне" ("ибо у них глаза отяжелели" — т.е. и поэт подвержен обволакивающей и усыпляющей дух житейской дремотности — обыденного человеческого состояния). Но поэт — это тот, "кто во сне — не спит", и он является единственным, чей дух в эту решающую минуту бодр. Тем самым он как бы присутствует при интимнейшем событии: общении Иисуса Христа с Отцом Небесным. И вместе с Ним приглашен к молению о чаше. Поэт сопереживает Богу о невероятном творческом бремени Его и скорбит смертельно, и молит вместе с Господом: "Отче мой! Да минует меня чаша сия". Но, ощущая тяжесть своего креста, не отказывается от него, а повторяет слово Учителя: "Впрочем не моя воля, но Твоя да будет" (Лук. 22, 42). Таким образом, верный ученик-поэт принимает бремя сотворца Божьего и становится уже рыцарем Господним, воюющим Его дело и защищающим ("уже не плащ — а щит!") в минуту ополчения на Него сил мирового зла ("черни").

Но сам Господь распят миром, распинается им и поэт ("о, этот стих не самовольно прерван! Нож чересчур остер!"). И в эту самую скорбную минуту вдруг будто начинают громко, мажорно звучать ангельские трубы:

... И — дерзновенно улыбнувшись — первым
Взойти на твой костер.

Ибо только "через Крест — воскресение" и "смертию смерть поправ". Поэт убежденно принимает и смертные последствия крестоношения, становится "мучеником ради Христа", ибо вера ученика в Учителя всепоглощающа — "Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ".

В целом, в первом стихотворении господствует не нахождение в состоянии, а еще предчувствие его, хотя и очень дифференцированное предощущение. На это указывает неизменная на протяжении стиха неопределенная форма глагола: "быть ... брести... улавливать... раздвигать... служить... взойти..." В повторяемом "быть" утверждается предощущение своего должного (надо быть, должен быть) и своего желаемого (хочу быть).

Есть некий час...
Тютчев

Есть некий час — как сброшенная клажа:
Когда в себе гордыню укротим.
Час ученичества — он в жизни каждой
Торжественно-неотвратим.

Высокий час, когда сложив оружие
К ногам указанного нам — перстом,
Мы пурпур воина на мех верблужий
Сменяем на песке морском.

О этот час, на подвиг нас — как голос,
Вздымающий из своеволья дней!
О этот час, когда, как спелый колос,
Мы клонимся от тяжести своей.

И колос взрос, и час веселый пробил,
И жерновов возжаждало зерно.
Закон! Закон! Еще в земной утробе
Мной вожделенное ярмо.

Час ученичества! Но зрим и ведом
Другой нам свет, — еще заря зажглась.
Благословен ему грядущий следом
Ты — одиночества верховный час!

15 апреля 1921

Второе стихотворение по смыслу делится на две части. Точка разделения — середина 4-ой строфы ("Закон! Закон!"). В первой части ("час ученичества") — описание времени и качественного состояния ученичества. Истинное ученичество требует отказа от обыденной житейской ноши ("сброшенная клажа"), от многого привычного, но питающего только нашу самость, и потому — "в себе гордыню укротим". Через период ученичества неотвратимо

должна пройти каждая человеческая душа ("в жизни каждой"). Это необычное состояние ("Торжественно ... Высокий ...") и требует особого приуготовления. Отказ от обыденности должен быть дополнен отказом от житейской суеты, ее борений ("сложив оружие"), отказом от славы мирских побед ("пурпур война"). Час ученичества требует смиренности, аскетичности ("мех верблюжий"), отшельничества ("на песке"). Это подвиг самоконцентрации, вырывания своего я из произвола дурной временности ("из своей воля дней") и обращение к горнему ("вздымающий"). В духовной кристаллизации "торжественность" и "высокость" этого часа. Час ученичества — час внутреннего мира и спокойствия ("сложив оружие", час духовного подвига и прозрения — есть начало служения истинно высокому, пробуждает способность духовного рождения, зрения ("спелый колос") и творчества. Это есть час плодоносящий ("клонимся от тяжести своей") и итоговый ("жерновов возжадало зерно").

Но именно здесь, на высотах восхождения ("высокий") обнаруживается, что это не итог, а (как действительное ученичество) приуготовление, предтеча ("мех верблюжий" — одежда Иоанна Предтечи) чего-то другого, еще более высокого ("еще заря..."). Здесь ретроспективно путь ученичества осознается как послушание авторитету, законопослушание ("Закон! Закон!"). Новое состояние уже нарождается ("в земной утробе") и будет не отменой старого, а его раскрытием и исполнением. Оно предощущается ("зрим и ведом") как необходимое и желанное ("вождевленное") бремя ("ярмо"). Высоты ученичества — это зарницы ("заря") "другого света". И вслед за состоянием ученичества грядет состояние свободы ("одиночества верховный час" — это состояние полной необусловленности, стояния один на один с собой, т.е. принятие свободы).

Итак, стихотворение в целом выражает прохождение ученичества и обретение свободы, как его истинного итога. Здесь уже свобода осознается как свободно принимаемое бремя ("вождевленное ярмо"). И как высшее состояние ("Благословен"). В стихотворении выражена жажда творца-поэта в Учителе как Боге свободном и дарящем свободу. И личностное обращение к часу свободы ("Ты") раскрывает, что в нем происходит встреча личности человеческой и Личности Божественной, поэта-творца и ИИСУСА ХРИСТА.

Солнце Вечера — Добрее
Солнца в полдень.
Изуверствует — не греет —
Солнце в полдень.

Отрешеннее и кротче
Солнце к ночи.
Умудреннее, — не хочет
Бить нам в очи.

Простотой своей тревожа —
Королевской,
Солнце Вечера — дороже
Песнопевцу!

Распинаемое тьмой
Ежевечерне,
Солнце Вечера — не кланяется
Черни ...

Низвергаемый с престола,
Вспомни — Феба!
Низвергаемый — не долу
Смотрит в небо!

О, не медли на соседней
Колокольне!
Быть хочу твоей последней
Колокольней.

16 апреля 1921

В 3-м стихотворении противопоставляются два образа: "Солнце Вечера" и "солнце в полдень".

Полуденное солнце — это образ того самого срединного царства, мира сего. "Солнце в полдень" — это образ Князя мира сего, поглощения земным устройством и достижением цели непременно на земле, того в Ветхом, что противостоит Новому. Это испепеляющий, но не согревающий взор грозного властителя и жестокого судии ("изуверствует — не греет"). Не взращивающий и ведущий авторитет Закона ("Закон! Закон!"), а гнетущее и ослепляющее ("бьет в очи") законничество.

Ветхое — на полпути, и потому, отвергая пышность (в противоположность "простому") царства земного поэт ("песнопевец") стремится к другому образу ("Солнце Вечера дороже..."). "СОЛНЦЕ Вечера" — это образ Самого Новозаветного Бога (не случайно "Вечер" — с большой буквы). Притягательный образ поэтически рисуется палитрой новозаветного предания: "Солнце Вечера" — "Свет Вечерний"; "кротче" — "кротость голубиная". Это — в противоположность старозаветному — не непосредственный смещитель и определитель мировых судеб ("отрешеннее"), а Сама Мудрость, дарующая нам свободу:

Умудренное, — не хочет
Бить нам в очи.

Не ослепительный и ослепляющий авторитет, а семья, будящее ("тревожа") душу свободного творца. Не как господин явился Он, а как Освободитель от рабства мира.

"Солнце Вечера" пробуждает эсхатологическое устремление к концу, как завершению мировых судеб, концу вещей. Когда земное ("дневное") скроется, откроется новое царство, царство небесное. И потому "Солнце Вечера" — не от мира сего, и всегда ("ежевечерне") распинается мировым злом ("распинаемое тьмой" — "теперь ваше время и власть тьмы" — Лук. 22, 53). Но не уступает распинающим силам ("не кланяется черни"), и песнопевца призывает принять крестные муки сотворчества Богу ("вспомни Феба"). Земные царства переходящи, и бесконечно рушатся их престолы. В зыбком царстве мирской обыденности есть только один прочный "камень", и потому творец-песнопевец

Низвергаемый — не долу
Смотрит — в небо!

В противопоставлении Ветхого и Нового, царства земного и эсхатологической устремленности, авторитета и закона с одной стороны, и любви и свободы — с другой, поэт выбирает и творчески утверждает последнее —

Быть хочу твоей последней
Колокольной.

И нет гордыни в том, что в наш век поэт ощущает себя последним "столпом" ("колокольной") утверждения Истины.

4

Пало прениже волн
Бремя дневное.
Тихо взошли на холм
Вечные — двое.

Тесно — плечо с плечом —
Встали в молчанье.
Два под одним плащом —
Ходят дыханья.

Завтрашних спящих войн
Вождь — и вчерашних,
Молча стоят двойной
Черною башней.

Змия мудрей стоят,
Голубя кротче.
— Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, Отче!

Через все небо — дым
Воинств господних.
Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревностью взор разъят,
Молит и рошчет...
— Отче, возьми в закат,
В ночь свою, Отче!

Празднуй ночи вход,
Дышат пустыни.
Тяжко — как спелый плод —
Падает: "Сыне!"...

Смогло в своем хлеву
Стадо людское,
На золотом холму
Двое в покое...

19 апреля 1921

"Есть некий час", когда опадают волны мирской ("полуденной") суетности ("бремя дневное") и обнажается суть вещей: как есть и как все было. "Вечные двое" — это предвечные Адам и Ева. Во всем, что происходит в мире, присутствует и логосность и софийность (в божественном аспекте), и мужественность и женственность (в человеческом аспекте). "Вечные двое" — это сотворенные Богом духовные первообразы, уже совершившие определенный выбор, но еще не принявшие плоть. Описывается предстояние ("взошли на холм") перед Началом. Мир еще не начался ("тихо взошли"), не началось творение ("встали в молчаньи"), все происходит еще до времени ("вечные"). Поэтическая рефлексия концентрируется на этом праобразном состоянии, выявляя в нем сложность отношений и потенциалов.

Грядущие битвы за преображение ("завтрашних спящих войн") осознаются как совместное служение ("тесно — плечом к плечу"). Это не чисто божественное дело, но и не только человеческое, а богочеловеческое, и потому "два — под одним плащом" (плащ Бога, — ср. "его плащ" из триптиха "Бог"), т.е. с двумя и Третий. Это Сам Творец, породивший их духовный облик ("вождь вчерашних войн"). Но творение не окончено, и в "завтрашних войнах" призван участвовать и человек: Адам-мужчина и Ева-женщина. Под водительством Бога ("Вождь вчерашних"...), но свободно приняв

и свободно осуществив. Поэтому низвержение в хаос, принятие плоти не есть итог обмана, прельщения или ложного выбора ("змея мудрей"), а результат свободного принятия бремени сотворца Божьего.

Двое готовы ("голубя кротче") на принятие воплощения. Но как невероятно трудно совершить этот шаг, обрушивающий в скорбь и страдания, в муки рождения, шаг, ретроспективно проклятый оглушенным мировым мучением человеком. Уже занесена нога над линией, отделяющей райский мир первообразов от мeonических хаотических бездн. Но предстоящее невероятное бремя срывает с уст мольбу:

Отче, возьми в назад,
В жизнь свою, Отче!

— т.е. в уют, теплоту и укрытость околбожественного состояния. Как человеку не дрогнуть, если Сам Господь молил: "да минует Меня чаша сия".

Но Бог не оставит, ободрит, утешит и вооружит. Не одинок человек в мировой битве за преображение, все божественное с ним: ангелы, архангелы, престолы, серафимы...

Через все небо — дым
Воинств Господних...

Двое уже готовы совершить, уже внутренне в будущей битве:

Борется плащ, двойным
Вздохом приподнят.

Ревниво опережая "воинства Господни" ("ревностью взор разъят"), решающий шаг предваряет молитва:

— Отче, возьми в закат,
В ночь свою, Отче!

— т.е. не назад ("в назад"), а вперед, в Начало, которое для Конца ("закат... ночь..." — "Солнце Вечера"). Это повторение вслед за Господом: "не моя воля, но Твоя да будет" (Лук. 22, 42).

Выбор совершен, свободно выполнена Божья Воля, Божественное Предустановление. Человек, как любимый блудный сын, удаляется от Божьего сердца в холод и мрак хаоса ("пустыни"). Но это удаление есть первый собственно человеческий шаг на пути сотворчества Богу, на пути к Самому Богу. Первый шаг положил Начало мировому дню, но совершен он во имя Конца, как венца

творения, и потому так встречают начало-конец ("ночь") стихии меонические, жаждущие сущего:

Празднуй ночи вход,
Дышат пустыни.

Вослед уходящим падает Божие благословение: "Сыне!" В нем все: и то, что они — чада Божьи, любимые и незабвенные даже в самых дальних странствиях; и то, что Сын Божий с ними и грядет.

Последняя строфа вновь возвращает в состояние доначальности, обнаженности сути. Все опадает, успокаивается: смолкает, и тогда проявляется, что пред миром на высоте творения ("На золотом холму"):

Двое — в покое.

Эта точка — альфа и омега, в которой присутствует и начало, и конец. Точка изливания апофатизма и проникновения в апофатику, в Божественную "бездну". В тайну и мрак Божественного лона, где Бог еще в отношении к Себе, а не к миру. В "безмолвную пустыню" божественного ничто. И там приоткрывается совечность человеческого и божественного. "Двое" присутствуют уже в предтворении, в лоне "божественного молчания":

Тихо взошли на холм...
Встали в молчаньи...
Молча стоят двойной...
Смолкло в своем хлеву...
Двое — в покое...

5

Был час чудотворен и полн,
Как древние были.
Я помню — бок о бок — на холм,
Я помню — всходили...

Ручьев ниспадающих речь
Сплеталась предивно
С плащом, ниспадающим с плеч
Волной неизбежной.

Все выше, все выше — высот
Последнее злато.

Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

21 апреля 1921

Бывают состояния, когда пронзительно начинает ощущаться заисторическое, предисторическое. В эти мгновения ("Был час...") душевный взор пронзает толщу истории и начинают светиться первообразы. Поэтому-то первобытные письмена ("древние были") и вызывают содрогание, что вещают не о том, что было в древности, а о том, что есть всегда, что было и до того, как все стало быть. Это состояния, когда в историческое чудесным образом ("час чудотворен") изливается ("полн") метаисторическое...

Если в предыдущей строфе — взгляд на Начало с состояния до него и в нем, то здесь как бы воспоминание о нем ("Был... Я помню...") Это опять мгновение ("час"), когда отступает и обнажается Логос. И в нем вспоминается первый день, день творения. Творение мира — это творчество совместное ("бок о бок") и с Адамом-мужчиной и с Новым Адамом, это творчество богочеловеческое.

Творческие импульсы изливаются с трансцендентных высот ("золотом холму... на холм"). На них совместно взошли и Бог и человек. Бог творил, именуя: "И сказал Бог: да будет..." (Быт. 1). И человек продолжил творение, наименовывая: "как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей" (Быт. 2, 19). Божественное именование-творение ("ручьев ниспадающих речь") сливается и продолжается ("сплетались предивно") в человеческом творчестве:

Сплетались предивно
С плащом, ниспадающим с плеч.

Это тот самый плащ, который объединяет Адама и Еву — "два под одним плащом". Поэтическое наименование сродни Божественному творению, есть его продолжение и с ним неразделимо:

Сплетались предивно

Волной неизбежной.

Наконец, в последней строфе постоянно появляющийся образ холма —

Тихо взошли на холм
Вечные двое.

На золотом холму
Двое в покое...

Я помню — бок о бок — на холм.
Я помню — всходили...

— получает свое разрешение. Холм — Голгофа — высшая точка мироздания. Распятие — венец всему ("последнее") — самое высокое иерархическое положение:

Все выше, все выше — высот
Последнее злато.

Ибо "нисшедший, Он же есть и восшедший, превыше всех небес, дабы наполнить все" (Еф. 4, 10). Истинная ценность всего проявляется только в свете этой высшей ценности ("золотом... последнее злато"). В запредельной тишине ("тихо... в покое") Голгофы решаются судьбы всего сущего. В ней — начало и конец всего:

Сновидческий голос: Восход
Навстречу Закату.

Провидческий ("сновидческий") голос поэта утверждает: Распятый Бог, Христос — Альфа ("Восход") и Омега ("Закат") бытия. Это уже упоение, не только скорбное, но и радостное принятие бремени крестоношения.

Все великолепье
Труб — лишь только лепет
Трав — перед тобой.

Все великолепье
Бурь — лишь только щебет
Птиц — перед тобой.

Все великолепье
Крыл — лишь только трепет
Век — перед тобой.

23 апреля 1921

Если в предыдущем стихотворении творение мира понималось как сотворчество Бога и человека, то здесь человек ощущает свою тварность и с трепетом взирает на величие Божие. На призыв Давида: "Хвалите Господа все народы, прославляйте Его все племена" (Пс. 116, 1-2), — устами Марины Цветаевой откликнулось и племя поэтов. Это вдохновенное хваление Господу — Псалом Марины. Более всего он близок Псалму Давида о сотворении мира (Пс. 103):

"Ты дивно велик, Ты облечен славою и величием; Ты одеваешься светом, как ризою, простираешь небеса, как шатер; устрояешь над водами горние чертоги Твои, делаешь облака Твоею колесницею, шествуешь на крыльях ветра. Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими — огонь пылающий... Ты положил предел, которого не перейдут..."

Так и должно быть по композиции цикла: после поэтического описания дня творения следует песнохваление Творцу: все зовущие и прославляющие грубые звуки, сама музыка сфер — "лишь только лепет трав — перед тобой", сонм всех сил, все мировые борения и битвы — "лишь только щебет птиц — перед тобой"; самые запредельные полеты, высоты воздушности и духовности — "лишь только трепет век — перед тобой".

Но многообразность поэтического слова и здесь. В лирическом плане это может быть прочтено не как Псалом, а как признание в любовном восторге, трепете и упоении.

По холмам — круглым и смуглым,
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.

По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим.

25 апреля 1921

Последнее судьбоносное стихотворение цикла можно было бы озаглавить: "По терниям". Драма миротворения началась, и как ощущает свое назначение в ней творец, поэт, женщина?

Четыре строки каждой строфы дают четыре раскрывающихся в повторении образа. Первая описывает поле и горизонты жизненного пути ("По холмам... По пескам... По волнам..."). Поскольку жизнь — это прохождение "срединного царства", то — непрерывно под "лучом" Князя мира сего ("Солнце в полдень"). Третья строка — это местопребывание "я" самого поэта. И в 4-й: плащ — раздваивающийся образ учителя.

Человек-творец — не от мира сего, и посланник Божий ("мы в этом мире странники и пришельцы"). Поэт остро чувствует отчужденность, непроницаемость и неприступность мира ("холмом — круглым и смуглым"), свою оголенность перед поглощаемостью хаосом ("пескам — жадным и ржавым"), и активную враждебность мировых стихий ("волнам — лютым и вздутым").

Человек находится под непрерывным давлением ("под") мирских сил и в каждое мгновение пронизываем ("лучом") ими. Это и объективированные исторические силы, и безличные космические стихии. Силы Князя мира сего ополчаются на поэта-творца более ("Под лучом — сильным"), чем на простого смертного. Они стремятся заглушить творческое горение, лишить творческого видения ("пыльным"), испепелить в душе все истинно живое и духовное ("жгущим"). Это силы паразитирующие и вампирические ("пьющим"). Это и мертвящий авторитет исторических норм и традиций, отвергающий и бичующий творческую новизну ("гневным и древним").

В сложнейшей экзистенциальной ситуации, в которой оказывается поэт, выбор его является истинно христианским. Человек обязан быть творчески активным, совершить выбор, действие, шаг ("сапожком"). Шаг этот антиномичен: и тверд и решителен (поступь в сапожке), и, одновременно, осторожен (поступь "сапожка", но не сапога), проникнут любовью, состраданием, чуткостью ("робким и кротким"). Собственно сила христианского действия в любви и милосердии, и только ими можно противостоять мировым стихиям ("сильным..., жадным..., лгущим и пьющим, лютым и вздутым..., гневным"). В этом образе ("робким и кротким") — и чуткое вслушивание, внимание голосу Истины. На протяжении всего жизненного пути поэт стремится неизменно следовать ("следом и следом") за Учителем (трижды "за плащом"), — ибо "все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть" (Иоанн 1, 3). Слово Учителя освещает путь в царстве мирского мрака, собственно и есть сам этот "свет в ночи" (сочетания "пыльным пурпуром", "рдяным и рваным" объединяют нечто светоносное (пурпуром, рдяным) и затмевающее (пыльным) свет, взрывающее его ("рваным"). Об Учителе поэтическим шифром говорится то, что о Нем сказано в Евангелии: "В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла Его" (Иоанн 1, 4-5). Все описанные жизненные странствия поэта пройдены за Учителем, т.е. по тропам, проторенным Им: "и Слово стало плотью, и обитало с нами" (Иоанн 1, 14).

Но диалог поэта с Творцом не является отстраненной передачей и принятием смыслов. Он настолько экзистенциально переплетен, что становится диамонологическим. Именно это раскрывает проходящий через весь цикл образ плаща. Это, одновременно, символ единства с Учителем ("под одним плащом"), и выражение ученического отношения к Творцу. Символ боговдохновенности жизни и всяческого действия:

Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем — плащ.

И интимного единения, совместного ограждения от чуждого, и защитительной активности:

От всех обид, от всей земной обиды
Служить тебе плащом.

При первом чернью занесенном камне

Уже не плащ — а щит!

Образ предвечной неразрывности мужского и женского:

Два — под одним плащом —

Ходят дыханья.

И в то же время, здесь плащ — десница Самого Бога, охраняющая и единящая "два дыханья". И, наконец, непрерывное раскрытие образа скрепляется троекратным его утверждением в последнем стихотворении. Это экзистенциальная точка единства, неразрывности, монадичности богочеловеческого сотворчества.

Творческое общение происходит не по закону: высказал-указал (Учитель) — услышал-воплотил (ученик); а по экзистенциальной диалектике: воззвал — сотворил. Голос Учителя зачастую звучит как внутренний голос творческой совести поэта. И здесь встает проблема: верно ли услышан призыв Бога, не вмешаны ли иные голоса? Это проблема риска свободы, невероятное бремя ответственности быть свободным творцом. Здесь же проблема поиска материи и обретения сил к воплощению, — это бремя творческого воплощения. Итог мучительного творческого акта всякий раз сверяется с образом вдохновения, и всегда творца гложет сомнение: "не то, опять не то!" ("лгушим и лгушим"). Такова экзистенциальная диалектика творчества.

Так раскрывается смысл стихотворения в одном аспекте, когда "плащ" принадлежит Новозаветному Адаму. Но здесь же вмещена и другая линия: ученик-поэт-женщина — "за плащом" учителя-Адама-мужчины. Женщина предназначена пройти по жизненным терниям через все стихии и времена за своим Адамом:

— Ты и путь и цель,

Ты и след и дом. *

"Я есть Истина, Путь и Жизнь", — лик Небесного Адама открывается женщине через своего Адама земного. Более того, в восприятии Евы Адаму-мужчине делегированы полномочия Самого Бога. И прорыв к горнему возможен только вслед за ним ("За плащом"):

*) Здесь и далее — стихотворение "Берегись", написанное 8.8.1921 г.

В горний лагерь лбом

Ты и мост и взрыв.

Обладея невероятной творческой мощью, Цветаева, тем не менее, не претендовала на водительство в тандеме, а наоборот, резко утверждала активное первенство мужского, и даже необходимость чистоты и независимости его образа:

Но тесна вдвоем

Даже радость утр.

.....
(Ибо странник — Дух
И идет один),

.....
Никаких земель
Не открыть вдвоем.

.....
— Берегись слуги,

.....
Берегись жены,

.....
— Берегись! Не строй
На родство высот.

.....
(Ибо крепче — той
В нашем сердце — тот).

За таким Адамом Ева должна следовать ("следом и следом") неотступно и послушно ("робким и кротким"), полностью полагаясь на его, не вызывающий сомнений, выбор. Даже и в том случае, если он оказывается "лгушим и лгушим". В этом "правда во лжи", т.е. истина женской преданности "несмотря на".

Но эссенциальный облик цветаевского Адама не нашел жизненного воплощения. Не оказалось мужчины, творческая и духовная мощь которого могла бы водить безбрежное море цветаевской души. Ее Адам должен был быть таким же гордым и независимым:

— Берегись могил:
Голодной блудниц!
Мертвый был и сгнил:
Берегись гробниц!

От вчерашних правд
В доме — смрад и хлам.
Даже самый прах
Подари ветрам!

Этот призыв-предостережение обращен как бы в будущее, к Эфрону. Но ее учитель не выдержал жизненной ноши и путь его оказался "лгушим и лгушим". Муж ее оказался Адамом, "проглядевшим Еву", и вверг ее в роковой, трагически окончившийся виток судьбы. Марина Цветаева явилась истинной Евой и прошла путь за своим Адамом, даже несмотря на то, что он был ложным, и несмотря на то, что ей, как поэту, было свойственно пророческое предощущение своей судьбы.

Я вынес в заглавие "богословие", хотя в том, что я описывал, и не только оно. Сделал это, ибо верю, что "Дух дышит, где хочет". Сходит он и в поэзии. И не метафорически, а реально, не только как дух поэтического вдохновения, но и Дух Господень, вдохновляющий пророков, апостолов, отцов и учителей. Не раз было в истории, когда откровение нисходило в форме поэтического творчества (не поэзия ли "Песнь Песней", "Притчи", "Псалмы"?). Но, думаю, особая провиденциальность нашего времени в том, что культура (и поэтическая в том числе), совершив светский виток, все более возвращается к религиозным истокам (конечно, и на другом полюсе растет раковая опухоль секулярной). Имеющий уши — да услышит и отделит.

Москва, 1981

Н. М.

ЕЛАБУЖСКИЕ ДНИ *

Посвящается памяти С. М. Зерновой

Ах, Марина, давно уже время,
Да и труд не такой уж ахти,
Твой заброшенный прах в реквиеме
Из Елабуги перенести.

Б. Пастернак

Сразу, как сходишь с поезда, — глушь, грязь, побитые мутные стекла вокзала, вонь бензина и гудящие, ревущие в клубах этого бензина грузовики. Сразу за пяточком асфальта у здания станции все тонет в черной, в ухабах, разжиженной земле: шли дожди. Когда здесь сухо, то, состязаясь с синеватыми клубами грузовикового бензина, пыль. Пыль все покрывающая, все поглощающая, назойливая, неотступная.

Станция Сюгинская. Поезд стоит три минуты, и то не всякий. Магистраль Владивосток-Москва. Рельсы строчат через головы этих не вылезших из своей приниженности и близости станций.

Нужно от Сюгинской девяносто километров добираться до Елабуги — города с двадцатью четырьмя тысячами жителей. Слово какое-то прогнувшееся — буга-дуга. Да и несуразное, составленное, как полотно сюрреалистов, из вполне нормальных кусков, а в целом — совсем дикое.

Елабужский — а в адресе пишут "Елабугенский", озадаченные этим старым, но мало известным татарским, по-купечески размашистым названием.

Девяносто километров пути... Мерзость этой станции, словно раздавленной поездами, отступает, все обретает нормальные объемы, успокаивается, робко вылезают к дороге какие-то кустики. Незагаженные просторы с их тоскою и неизъяснимым лиризмом окружают тебя. Гудит некое подобие будки со стеклами — автобус

*) Трагическая кончина М. Цветаевой в Елабуге и паломничество к предполагаемой ее могиле вызвали ряд откликов и очерков: В. Швейцер в *Неизданных письмах* (УМСА-PRESS, 1970), О. Иртышева ("Русская Мысль" № 2721, 16.1.1969), Л. Чуковская ("Время и мы" № 66, 1982). Насколько нам известно, предлагаемый очерк никогда не печатался.

ПАЗ, посылаемый на самые тягостные, самые "русские" пути. Он мужественно преодолевает препятствия разного рода — выбоины в полумощенной дороге, брошенные или свалившиеся с предыдущей страдальницы-машины бревна и кирпичи. Все более ничейная, одинокая земля обволакивает едущего.

Вдруг — ели: Не очень большие, рождественские. Никому не нужные, случайные, как, впрочем, сиротствует и все вокруг них. Какие-то овраги. За ними просторы — но без радости "первоприроды". Когда-то обжитые, обласканные человеческим вниманием, а теперь словно выгнанные из теплого дома на морозную улицу. Ненужность, безразличие ко всему характерны. Зачем-то до пояса срубленная береза, очень ищущая — куда ей броситься своими ветвями, чтобы хоть калеккой, но жить, жить...

Деревни изредка. Бóндюг — большое село с церковью — как ни странно действующей. Но пустынно здесь. Дома кривые — кровь из этих жил-улиц почти вся вытекла. Дотлевают огонек жизни, уходящей к трассе, к поездам...

Чем дальше путь, тем более смирившимся становится соединение окружающих полей, перелесков, оврагов, сероватого неба и разговоров русских и татарских в переваливающемся автобусе.

Сонливая скованность. Не отдых и не мир, а оцепенение. Почти как процесс какого-то отмирания. Все спокойно, но кажется, спохватиться — и все забыл, навсегда. Уходит жизнь из деревень. Чувствуешь свое подобие им.

Дорога длится часа четыре. Уже темно. Тревожно — снова из двадцатого века: пламенеющие то тут, то там вышки. Горит нефть, обнаруженная в Татарии. И этот сиротливый, примолкший край можно разворошить, но не бодрость, а враждебное естеству безобразие заводов обнаруживают окрестности.

Чувствуется, что дорога скоро чем-то кончится, что подойдет она впритык снова к чему-то конечному — на одном конце Сюгинская, а на другом оказывается Елабуга. А за Елабугой — раскрепощенный Камой и Тоймой простор: уже не жмутся стыдливо перелески к дороге либо оврагу, а просто смелая, цельная даль с сочными травами, и охрана им — реки, отделяющие эти заречные дали от города.

В эту Елабугу Марина Цветаева приехала в середине августа сорок первого. Ехала не тем путем: плыла на пароходике.

В пути познакомилась и даже во многом доверилась детской писательнице Саконской. Сын Марины Георгий, в семье именуемый Мур, шестнадцатилетний мальчик, сблизился со своим ровесником Сашей Соколовским, сыном Саконской.

Мур красив: высок ростом, синеглаз и русоволос — по описаниям елабужан.

Прошло лишь два года, как Марина с Муром приехала в Россию. Дочь Ариадна вернулась с отцом до этого. Через несколько месяцев после соединения всех в Москве был арестован Сергей Эфрон. Еще через полгода Марине сказали, что передач ему носить не надо: он расстрелян.

Почти одновременно с арестом мужа была сослана в Сибирь Ариадна (Аля). Ее муж, критик Самуил Гуревич, также был взят и уже не вернулся. Ко времени возвращения Марины в Россию ее сестра Анастасия тоже оказалась в Сибири, в ссылке.

Марина в Москве не могла устроиться — ей не оказалось там места. 31 августа 1940 года она пишет: "Моя жизнь очень плохая. Моя нежизнь... Я не могу вытравить из себя чувства Права... Мы Москву задарили. А она меня вышвыривает — извергает. С переменой мест я постепенно утрачиваю чувство реальности: меня — все меньше и меньше, на каждой изгороди оставляю по клоку пуха... Остается только мое основное *нет*... Я не могу, не кривя душой, отождествлять себя с любым колхозником или одесситом — на которого *тоже* не нашлось места в Москве".

Тяжело было и то, что единственный бывший с ней, при ней, вокруг нее, обожаемый ею Мур не понимал происходящего. Этот мальчик, рожденный в Праге, воспитанный в Медоне под Парижем, ничего не понимал на родине отцов своих.

Не понимал, что Марина не может работать так, как стало тут привычным, — для выгоды писать о выгодном.

Была в Елабуге ей предложена вполне осязаемая и даже весьма привлекательная по тому времени работа — судомойкой в столовой.

И безрадостность России, только что постриженной на особый, универсальный сталинский манер, бездомность и насильственная отрешенность Марины от людей ее круга и масштаба, ее сиротство, столь чуждое ее широте и силе, — не входили в сознание сына.

Марина не могла писать: амплитуда от "судомойских" перспектив до поэзии ее уничтожала. На особом прокрустовом ложе все ее существо вытягивалось в бесконечную длину расстояния между этими двумя конечными точками — ее призвания и отведенного ей на Родине места — почти камеры.

Среди других приехавших в Елабугу Марина с Муром ходила по деревянным домикам в поисках жилья. В одном из них, у приветливых простых людей, Цветаева решила поселиться. Ее привлекло прежде всего то обстоятельство, что из окна в комнатке (где ей суждено было провести последние часы своей жизни) был виден зеленый луг, слева — мутноватый ручей, а за лугом дорога — центральная улица, некогда Казанская, а теперь, по стандарту и даже с некоторой претензией на связь с самими истоками "сицилизма" (по местному татарскому произношению) — улица Карла Маркса.

За центральной улицей — старые деревянные амбары. Огромные, добротные, глухие, как стражи ушедшей купеческой сытой, покойной — не без прелести — елабужской жизни. А главное — за ними и над всем этим — церковь Покрова Божьей Матери. Высокая некогда белая колокольня в несколько ярусов. Она — прямо перед окном Марины, и крест ее — не срезанный, как то бывало где-нибудь поближе к столицам, — в прямой разворот над всем и словно осеняя сам домишко, где Марина.

Если стать у самого Покрова, то откроется необычайное — стоит он в полном ладу с улицей, но параллельной главной. Им эта улица и кончается, об него разбивается и идет потом вбок. Но вдаль не смеет. Он на страже города, у границы его, за которой спуск среди крапив и трав. Спуск, и даль, и Тойма, уже разлившаяся для встречи с Камой. Все в совершенной пустоте, безлюдье, заброшенности.

Массивные, старого кирпича столбы церковной ограды — штукатурка обвалилась и виден кирпич — охраняют покой этой заколоченной церкви. А за ними "вечный покой" простора — немеряного, ненужного, до речных отмелей и самой воды далекого. Ветры разбиваются об эти столбы, растекаются малыми струйками за ограду из чугунных кованых прутьев, частично уцелевших, и расшибается вовсе об эту колокольню и рядом самое церковь.

Эта колокольня с крестом над всем в потерявшем все свои семь церквей одичавшем городке была единственным Марине

родным — столь же облушленным, как и все ее существо, почти как лошади сна Раскольников.

Но ни крест, ни Покров не укрыли Марину от ее пронзительной судьбы. Давно, еще во Франции, Марине мнилось высвобождение себя соборными высями и воздушными далями. В "Поэме воздуха" она пишет:

Сняты врата
Воздуха. Оседлости
Порвана черта.

Сплошное аэро —
Сам. Зачем прибор?

По расщелинам
Сим — ни вол, ни плуг.
Землеотречение.

Дыра бездонная легкого,
пораженного
Вечностью.

В ощущении разорванных пределов "Поэмы воздуха" Цветаевой уже слышится то НЕТ, которое за год до смерти она скажет в своем письме. Это уже предречение уныло разрушающегося храма Покрова, замирающего бытия и быта, замученной и кругом определенной Марины, вырывающейся из оков подобно языку пламени:

Пространством всосанный,
Шпиль роняет Храм —
Дням. Не в день, а исподволь
Бог сквозь дичь и глушь
Чувств. Из лука — выстрелом —
Ввысь!

***

Жилье было найдено. 21 августа в домовой книге рукою Мура они оба оказались записаны — прописались.

Поселились в маленькой комнатке, за перегородкой не до потолка, где говорить приходилось "не по-нашему", так как жизнь, по существу, началась вполне "обобщенная" — с хозяевами.

Поездка в Чистополь на пароходе к Н. Асееву — может, поможет ей и сыну? Даст работу, даст надежду, возможно, жилье в Чистополе, куда ехали в эвакуацию многие московские писатели и где должен был быть Б. Пастернак.

Возвращение в полной безнадежности — на исходе лета, в последние его дни, на исходе ресурсов материальных ("еще было у них килограмма два манки да рису столько же", — этот припев хозяйки дома сопровождал Марину), на исходе ресурсов жизненных.

31 августа. День, когда год назад Марина писала о своей "нежизни", давая пролог этому году, промьканному по чужим углам, и, наконец, отчаянию окоченелой Елабуги.

Ужас бесменный владел ею.

В этот день Марина с утра осталась дома. Хозяин уехал рыбачить. Хозяйка и Мур ушли на работы — равнять площадку для аэродрома, который и ныне по хорошей погоде принимает казанский местный самолетик-малютку.

Хозяйка вернулась. Повесившуюся Марину — в сенях, на кованом четырехгранном гвозде, вбитом в балку, увидела первой.

Тело отвезли в морг при больнице. 3 сентября, в присутствии милиционера, Саконской и нескольких любопытных, ее похоронили в одной из тех могил, которые рядами принимали дань.

Сторожиха, спустя двадцать лет, широким жестом: "Вот тут осень сорок первого, там — сорок второй, а дальше — конец войны".

Мур уехал на другой день к Асееву в Чистополь, увозя карандашом набросанные строки матери, в которых она молила его, Асеева, помочь Муру.

Потом Мур был в Ташкенте у Толстых, потом снова в Москве, у сестры отца, а потом — восемнадцати лет — добровольно ушел на фронт и погиб.

"Умерла Марина", — писал он в Сибирь сестре в сентябре.

***

Прошла четверть столетия. Такой же сирой, еще более бесмысленной смотрится покинутая, вымороченная церковь Покрова. По соседству, в десяти минутах ходьбы, пединститут — в прошлом женское епархиальное училище, отстроенное на славу вдовой купца первой гильдии Стахеева.

Весной 1962 года, в мае, когда еще реки не вошли в берега, когда простор их буйных разливов и зеленеющие, уже просохшие берега за ними словно вливали новую жизнь во все только что отрезанное от мира, скованное, — в это вселяющее надежду, почти радостное время исчез студент-математик. В самоубийство не верили: не страшной елабужской зимой, а тогда, когда тронулись воды, появилась связь с железной дорогой, это казалось невозможным. Студента искали.

Через двенадцать дней, когда все было залито солнцем, мальчишки полезли на колокольню церкви Покрова за голубиными яйцами. Солнечный луч прорезал мрак — кровля прохудилась от времени и можно было заглянуть внутрь. Один из мальчиков, который пролез к самому верху, увидел свесившуюся ногу, в которую уперся этот луч.

Собрались старшие. Мертвый студент сидел, обняв подножие креста — ту его часть, которая еще должна быть скрыта кровлей, самое основание. Сидел он на балке, в которую упирался крест.

Так, еще раз, к покрову Покрова прибег человек, вплотную приник ко кресту, ушел.

Эта смерть взбудоражила всех: принял ли он морфий перед этим или заснул и почему-то не проснулся — осталось невыясненным. Ректорша института бесновалась: "Мало того, что комсомолец, советский студент покончил с собой, так еще на кресте! Какая слава пойдет об институте!"

Годы похитили последнее, что писала Марина: папка стихов за несколько дней до самоубийства была ею отдана Саконской. Та хранила их. В Москве после войны как особую ценность эти стихи отдали известному критику. Он был арестован в конце сороковых годов. Остался жив, вышел. Но с ним взяли его бумаги и папку Марины. Бумаги вернулись, а папки не было. Поэтическое завещание ее не существует.

На вопрос о самой Марине елабужане отвечают: "Повесилась? — Как же, москвичка одна, эвакуированная. Где похоронена? — Нет, не знаем".

Могила Марины утеряна. Кладбище — на холме, вдали от города, близ одной из дорог, спасающей от Елабуги. Кругом — чуть неровная пустошь, где полынь, ближе к дороге — пыльный подорожник,

полуожженная солнцем травка, иссохшие *кошачьи лапки* — дикие иммортели.

Кладбище видно отовсюду — там деревья. Аккуратный лесной колок, словно краешка на блюде обнаженного простора. Там, где приблизительное место ее могилы — особенно светлая зелень, заметная издали — молодые осинки стайкою.

И много земляники — вдоль полуосыпавшейся стены изнутри, что метрах в десяти от осинок, и по ту сторону, на покато́м склоне к Елабуге.

Я тоже *была*, прохожий!

Прохожий, остановись!

Сорви себе стебель дикий

И ягоду ему вслед, —

Кладбищенской земляники

Крупнее и слаще нет.

Но прохожих почти нет. Приходящих разве — с пароходов, с пристани, что километрах в четырех-пяти от кладбища, раз-другой в год.

Ее сестрою летом шестидесятого года поставлен крест под осинами:

*В этой стороне кладбища
похоронена*

Марина Ивановна Цветаева

Род. 26 сент. ст. ст. 1892 в Москве

† 31 августа нов. ст. 1941

в Елабуге

Кладбище — как отступившее от города обобщение его вымороченного существа — оно на холме и господствует над Елабугой.

По соседству с Мариной — еще одно, пленных немцев, венгров, японцев, за нею вослед в ту же землю положенных. В городе был долго крупный лагерь для них. В мире ее беженских скитаний с кем-нибудь она, быть может, столкнулась, прошла мимо. А теперь — навечно — рядом, в очень дальней, очень татарской земле, земле забвения.

В тишине этого кладбища слышен лишь один звук: чуть гудят столбы, идущие вдоль дороги, рядом с камнями ограды.

Марина, в жизни и в поэзии насыщенная стихиями, ими определяемая, была принята землею и сокрыта ею — сокрыта и утаена, обернулась осинками, земляничинами, травами, а дальше — просторами, дорогами, сводом неба, бесконечностью земли и мира, в котором растворена навечно.

1965 год.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

[16.8.1941]

Уважаемый тов. Имамудинов!

Вам пишет писательница-переводчица Марина Цветаева. Я эвакуировалась с эшелонам Литфонда в гор. Елабугу на Каме. У меня к Вам есть письмо от и.о. директора Гослитиздата Чагина, в котором он просит принять деятельное участие в моем устройстве и использовать меня в качестве переводчика. Я не надеюсь на устройство в Елабуге, потому что кроме моей литературной профессии у меня нет никакой. У меня за той же подписью есть письмо от Гослитиздата в Татиздат с той же просьбой.

На днях я приеду в Казань и передам Вам вышеуказанное письмо.

Очень и очень прошу Вас и через Вас Союз писателей сделать все возможное для моего устройства и работы в Казани. Со мной едет мой 16-ти летний сын. Надеюсь, что смогу быть очень полезной, как поэтическая переводчица.

Марина Цветаева

Примечание

Опубликовано впервые в "Комсомольце Татарии" 20 марта 1966, №34 (3148).

Автор публикации, журналист Рафаэль Мустафин, обнаружил это письмо, написанное на открытке, в архиве Союза писателей в Казани. Он разыскал адресата письма — бывшего председателя Союза писателей Татарии — Тухфата Имамудинова. Тот подтвердил, что получил от Цветаевой два письма, на которые ответить не успел. "Первое письмо, опущенное, очевидно, с дороги, было еще сдержанное, а второе написано в более отчаянных тонах".

Мустафин полагает, что обнаруженное письмо — первое из отправленных Имамудинову. Брошено оно было в Казани, судя

по штемпелю — 18.08.41. Цветаева письмо не датировала. Поперек письма, размашистым почерком написано: "К делу".

Об адресате письма известно следующее: "выдвиженец" 30-х годов, не писатель, человек малообразованный, не оставивший никакого следа в литературе. Был выдвинут редактором одной из газет, затем работал редактором литературного журнала "Совет эдэбияты". В 1941 занимал должность ответственного секретаря СП ТАССР. Снят за разложение и исключен из партии. После этого работал сторожем на писательском огороде и так и не поднялся.

СИМВОЛИКА ЧИСЕЛ В РОМАНЕ ЗАМЯТИНА "МЫ"

Как всякий творец, Евгений Замятин (1884-1937) соткан из противоречий. Родом из тамбовщины, с ее крепким и непокорным духом, из глухой Лебедяни, воспетой Тургеневым и Толстым, он рос "среди полей", "конских ярмарок" и густого религиозного быта (Задонск). А по образованию Замятин политехник, инженер-конструктор, кораблестроитель, человек новых политических взглядов (член РСДРП в 1905-07г.), новых, научных категорий мысли.

Поэт и почвенник борются в писателе с инженером и рационалистом-западником. Революционное прошлое, социальные мечтания молодости позволили Замятину, как и его учителю — Достоевскому — тоже инженеру, провидеть в социалистическом эксперименте величайшую опасность для человека.

В романе "Мы", написанном в 1920 и так с тех пор и не существующим для советской литературы, Замятин разоблачает предельную рационализацию жизни, превращающую человека в бездушный механизм. В Едином Государстве, под началом обожевленного Благодетеля, живут "номера в унифах": им прогивопоставлены мохнатые, волосатые двуногие, чудом сохранившиеся за стеной-чертой города — та же глубинная Лебедянь, которой нет места в городской, выхолощенной цивилизации (но которую, из-за ее застоя, Замятин переносил с трудом).

Антиутопический роман "Мы" построен, по примеру новозаветной книги Откровения, как своеобразный апокалипсис, как страшный суд. 900-летнее спокойствие Единого Государства нарушено взрывом-бунтом, напоминающим светопреставление. Бунтовщики погибают, и Единое Государство, нашедшее способ хирургически вырезать у своих граждан "фантазию", достигает предельной дегуманизации.

Как и в тайнописи Откровения, цифры занимают в романе первостепенное место. Главный герой, инженер, строитель ракеты Интеграл, которая должна распространить идеологию Единого Государства на все планеты, мыслит, как и подобает математику,

цифрами. "Мое привычное к цифрам перо не в силах, — признается он, — создать музыку ассонансов и слов". Он же условный автор записей, составляющих роман.

Цифры испещряют книгу, входя в ее построение. Общее число записей 40 (число, означающее завершение цикла); каждая запись делится на три части, фактически по одной на день, так как в первой записи говорится, что через 120 дней должна закончиться постройка Интеграла. Люди и предметы, как правило, обозначены цифрами: так, жители Единого Государства зовутся не по имени и фамилии, а определяются, как в армии, а позже в лагерях, номером — буквой, за которой следует от двух до четырех цифр.

И, разумеется, цифры не случайные: они имеют почти всегда символическое значение. Стоит взглянуть в разные цифровые обозначения, чтобы заметить, что ключевой шифр романа — число 13: оно встречается, явно или скрыто, чаще других и несет особую смысловую нагрузку.

Число 13, с древнейших времен, означает динамическое неблагополучие, нарушение плеромы, оно эксцентрический элемент, отделенный от общего порядка и от естественных ритмов вселенной. Оно восстает против общих законов во имя личности, нарушает распорядок макрокосма и его покой, взрывает установившиеся в мире отношения. Тем самым, оно несет в себе и семя смерти, так как восстание единицы, как правило, обречено. В Откровении не случайно зверь-государство появляется в 13-ой главе: ему противостоит плерома-Церковь, продолжение 12 колен Израилевых, оснащенная 12 воротами и т. д... У Замятина наоборот: число 13 вступает в борьбу с устоявшимся богом-государством, им обозначены все те элементы, которые так или иначе восстают против плеромы математического счастья.

В открытую числом 13 наделен негрогубый поэт (Пушкин), одновременно казенный пиит и тайный заговорщик: его номер — R-13. Латинское R — графически опрокинутое русское Я. R-13 олицетворяет ввернутое наизнанку сознание писателя, пишущего против своего нутра. Но цифра 13 указывает на его тайную причастность к тем избранным и обреченным, которые отказываются от принудительного счастья. На торжественной литургии-казни непокорного собрата по перу, R-13, в присутствии Благодетеля, слагает казенный гимн о неслыханном преступлении, о кощунственных стихах против Благодетеля. Так R-13, даже при

исполнении своих обязанностей, протискивает толику правды под видом обличения. Впоследствии он одним из первых гибнет в неравном бою с Единым Государством.

Автор записей, строитель Интеграла, обозначен номером Д-503. Буква его русская, она выражает его двойную, двоящуюся сущность (к тому же он, до известной степени, и двойник автора). По местоположению в алфавите русское *Д* соответствует цифре 5. Если прибавить ее к остальным, то мы получим в сумме $5+5+3 =$ те же 13, но на этот раз в завуалированной форме, так как строитель до конца колеблется между счастьем, обеспеченным всеобщим уравнением, и риском свободной, чувственной, животной жизни. За ним по пятам следует таинственный S-4711, двояковыгнутый, как обозначающая его латинская буква *S*, двойной агент, служащий официально в Бюро хранителей, но на самом деле работающий на заговорщиков: цифры его номера в сумме составляют, как и у Д, число 13 ($4+7+1+1$), оно скрыто по необходимости.

Возглавляет заговорщиков искусительница — Ева, I-330, у которой число 13 обозначено полуоткрыто соединением латинского *I* (выражающего ее иррациональную сущность и прямизну ее характера) с первой 3 номера. I-330 пленила и поэта R, и шпиона S, и доктора из медицинского бюро, и, наконец, строителя Интеграла. Она как бы собирательный образ вечной женственности, вносящей жизнь и хаос в омертвелое тело упорядоченного государства. При первой встрече с инженером-строителем (заговорщикам нужно обладать Интегралом), она назначает ему свидание в аудиториуме 112 ($1+12$), точнее, через своих приверженцев, таинственно раздобывает ему наряд в этот аудиториум. Впоследствии она проникает и в аудиториум, открыто носящий номер 13 (Запись 19). Там должна состояться очередная официальная лекция о рационализации детоводства. Но вместо "металлического голоса" в аппарате прозвучал голос "мягкий, мохнатый, моховой". И в тот же вечер, под воздействием этого голоса, вопреки строжайшим запретам, строитель соглашается на просьбу O-90, безумно мечтающей о материнстве, зачать ей ребенка.

С I-330 у инженера-строителя развивается настоящий, не казенный роман, но он же окажется одной из причин общей гибели. I торопится (на любовные утехи по талонам государство отпускает только час) и просит дать скорее ей чулки: "Чулки — брошены у меня на столе на раскрытой (193-й) странице моих записей.

Второпях я задел за рукопись, страницы рассыпались и никак не сложить их по порядку..." В дальнейшем ходе романа поклонница строителя, верноподданная Ю, воспользуется этим беспорядком, прочтет крамольные страницы и донесет о намерении овладеть Интегралом. 193 — опять-таки скрытое 13-ое число ($1+9+3 = 13$).

Число 13 входит и в построение романа: им отсчитывается ход действия. В 13-й Записи Д-503 впервые нарушает дисциплину государства и, целиком подчиняясь воле I-330, не идет на работу. Причем эта победа субверсивного начала протекает под знаком все той же цифры 13.

"Ровно в 11ч. 45: я тогда нарочно взглянул на часы — чтобы ухватиться за цифры — чтобы спасти хоть цифры". Но цифры, превращаясь в таинственные иррациональные числа, не спасают, а наоборот подводят. В этот самый момент раздается звонок искусительницы, которая назначает ему свидание за углом "через две минуты, т.е. в 11.47 ($1+1+4+7 = 13$). В 12 часов, т.е. через тринадцать минут, строитель должен быть на работе, но впервые в жизни он изменит трудовой дисциплине Единого Государства и на работу не пойдет.

В 26 Записи (через 13 глав) личная субверсия переходит в общественную: заговорщики выступают почти в открытую. Накануне, на переизбрании Благодетеля, они осмелились впервые за сотни лет нарушить привычное единомыслие. На следующий день на всех стенах, под ногами в "подземке" (не привившееся название метро) и даже на самом Интеграле разбросаны или расклеены мятежные воззвания группы "Мефи" (все та же гетевская пресловутая сила).

В 39 Записи (еще через 13 глав) субверсия, не удавшаяся в политическом плане (попытка угона Интеграла сорвалась), принимает философский характер. Сосед Д-503, обеспокоенный развалом Единого Государства, приходит к убеждению, что вселенная сферична, а значит и конечна: тем самым, все просто, все вычислимо и, несмотря на мятеж, философия Единого Государства непобедима. Но тот же Д, в последнем отчаянном усилии, возражает: "Вы должны — вы должны мне ответить: а там, где кончается ваша конечная вселенная? Что там — дальше?" Так, в виде безответного вопроса, философская победа остается за единицами.

Но на этом вопрошании роман обрывается. Всю группу, и Д-503, и его соседа, уводят на операцию фантазии. С этого момента числа теряют значение. Число 13 лишается своего смысла нарушителя покоя: операция проводится в том же 112 аудиториуме, с которого началась субверсия. На следующий день барометр подпрыгнул до 760 ($7+6 = 13$), но теперь это число означает смерть. Оперированный Д-503 выдает свою искусительницу I-330, которая даже при попытке в газовой камере отказывается давать показания.

Другие цифры, разбросанные в романе, имеют второстепенное значение. Женщина, мечтающая о материнстве, обозначена номером 0-90, который графически соответствует ее круглости: круглое лицо, круглый ум. Кроме желаня ребенка в ней нет индивидуальных черт. Мечтающая о любви, но неспособная к ней, верноподданная Ю — просто юпифа, мундир без лица, и автор предпочитает не указывать ее номера, как слишком для нее обидного (не 00 ли?).

Когда Д-503 понимает, что угон Интеграла разоблачен, он предпочитает остановить двигатель и разбить космический корабль о землю. Время его решения 14.40. Общая сумма цифр дает или 9 или шестикратный множитель 9 — 54, число, воспринимаемое как полная завершенность, конец (вспомним 54 главы "Энеид" Платина).

Очевидна связь девятой "Записи" с 13 главой Откровения. В романе публичная, торжественная казнь непокорного происходит на площади К'уба, где расположены "66 мощных концентрических кругов". В 13-ой главе Откровения раскрывается число зверя-государства — 666: "Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое. Число его 666". (По счетному значению букв, составляющих в еврейском алфавите слова Цезарь-Нерон, а в греческом — Цезарь-Бог).

Символика цифр входит в систему символического письма, которого Замятин придерживался сознательно: символичны у него и краски и графические определения. Сам Замятин любил определять свой стиль, да и вообще все направление прозы 20-х годов, как символический реализм, как некий синтез между бытовиками конца XIX в. и находками символической школы начала XX-го. В этой несколько упрощенной схеме есть своя доля правды. Проза

20-х годов, будь то Булгакова, Пильняка, Бабеля или Набокова, вобрала в себя приемы, выработанные поэтическим возрождением предшествующего двадцатилетия.

Роман "Мы" в творчестве Замятина выходит за пределы этой схемы. Реализма, в узком и плоском смысле этого слова, в нем мало: это социальная фантастика на философской почве, выраженная при помощи символов. Символика чисел в нем обладает особой закономерностью: цифрами-числами Замятин попирает власть цифр и рационально-математического мышления.

I
ДВЕ ТЕНИ
БЛОК И ГУМИЛЕВ

Я не знаю, был ли Блок большевиком. Повторяю — не знаю. Хотя сам он лично говорил мне о своем сочувствии им. Правда, это было в самом начале 18-го года, в царских комнатах Театрального училища, на репертуарном заседании.

После этого произошло столько ужасов...

Он, как и многие другие, вначале поверил, что в "буре и грозе" родится нечто великое, но потом он разуверился в "их" идеологии, в "их" правоте, приняв лишь "их" неизбежность и, хочу думать, возненавидел "их". А это ему было вдвойне тяжело.

За эту свою веру, за свои эти заблуждения он заплатил самым драгоценным — жизнью. Но дело не в этом. В душе моей еще до сей минуты так велико обаяние покойного, замученного Александра Александровича, как поэта, как удивительный целый образ какого-то старого романтического юноши, в духе Гофмана, что наша последняя встреча не застилает туманом наших ранних, знаменательных для меня, встреч с любимым поэтом моей юности.

Петербургская весна 1904 года.

Приближаются белые ночи. Они еще не наступили. Еще сереет сумрак вместе с туманом. Вокруг еще нет застывших мертвых очертаний домов с слепыми окнами, когда все так явственно, так обнаженно и так таинственно.

Еще смутная петербургская явь облекается на полчаса ночным туманом. Он разрывается взлетевшим из-за моря солнцем, чирикают проснувшиеся птицы, начинается северное утро — нежное, перламутровое, легкое.

*) Юрий Львович Ракитин (Ионин), 1880-1952 — актер, участник мейерхольдовской группы "Товарищество новой драмы", затем — актер МХТ и ассистент К. С. Станиславского, в 1910-е годы — режиссер Александринского театра, в 1920-1930 — режиссер Народного театра в Белграде. Очерк о Блоке и Гумилеве был напечатан в Белградской газете "Новое время", № 796 за 1923 г.

В такое утро я возвращался от Блоков из казарм гренадерского полка, где они жили тогда, там где-то за Биржевым мостом, на одном из бесчисленных рукавов Невы.

Я шел на острова к веселой ожидавшей меня компании театральной молодежи.

Шел нескончаемым парком. Сквозила весенняя зелень клейких листков, пели соловьи. Дачи, виллы, дворцы стояли тихие, еще спящие, с опущенными шторами, ставнями и жалюзи; в стеклянные шары среди цветников било утреннее солнце. Иногда по аллее промчит рысак с веселой закутившейся парой, мягко шлепая по песку копытами, протарахтит ведро огородника, и опять тишина. Где-то совсем близко в купе берез начинает кукушка, ей отвечает другая, опять тишина и нежные переливы горлицы.

Вот горбатый мостик. Здесь большая дорога. Шумит автомобиль от Фелисьена. Навстречу бегут с подснежниками, по мнению гражданских поэтов — голодные и холодные дети, но на этот раз веселые и улыбающиеся. В мире нет ничего прекраснее наших петербургских островов, да еще когда идешь полный восторгов от любимого поэта, идешь туда, где застанешь ее — властительницу твоих 23 лет.

Издали слышится пение и смех — это, повидимому, цель моего путешествия.

Здесь меня ждут. Веселье идет вовсю. Высокая, красивая девушка незаметно отводит меня в сторону.

— Ну что, был?

— Да, — отвечаю я таинственно. — Было удивительно. Читали стихи, много говорили. Я все, все тебе расскажу по порядку.

— Пойдем отсюда.

Мы вышли потихоньку в сад, сели на скамейку, и я начал говорить ей, любимой мной девушке, о любимом мною поэте, о первой встрече с ним.

— Он меня ждал. Таким именно я и представлял его себе. В бархатной мягкой куртке с большим белым воротником. Молодой Гете. Говорили о театре. Он играл в "Горе от ума" Чацкого. Обожает театр, и жена его также.

Он переводит сейчас что-то для старинного театра, который в проекте у кружка лиц.

Вообще, наверно из любезности ко мне, разговор вертится все время около театра.

Здесь был еще совсем молодой начинающий поэт, ярко еврейской внешности, хотя обрабатывающий исключительно русские темы (теперешний большевистский менестрель — комиссар С. Городецкий).

В его споре с Блоком о Грильпарцере я был на стороне Городецкого, находившего Грильпарцера скучным и отжившим.

Блок увлекается немецкой романтикой.

Поражается, что я не собираюсь играть Фердинанда из "Коварства и любви".

Вообще он весь под обаянием старой классики. "Прекрасная Дама" так недавно еще написана им.

После чаю мы переходим в гостиную, немного холодную, скромно обставленную красным деревом, с большим старинным роялем.

Александр Александрович садится на широкий подоконник, Городецкий и я — около него в креслах.

Молочный рассвет туманом спускается на Неву, полную баржей. Верелочные снасти декоративно перешлепаются, точно из вагнеровского "Моряка скитальца".

На высоких мачтах еще горят огоньки.

Фигура сидящего поэта все больше сереет, все больше выделяется на высоком старинном окне.

Силуэт закинутой головы чернеет на белом фоне ниши. Наконец, очерчивается профиль. Блок читает свои стихи:

Потемнели, поблекли залы,

Почернела решетка окна.

У дверей шептались вассалы:

Королева, королева больна.

Его голос — немного носовой и вместе с тем грудной. Он читает немного нараспев, заунывно. Но сколько обаяния, сколько проникновения. Мне, изучившему все тонкости декламации и художественного чтения, показалось вдруг, что мое искусство не стоит ни гроша перед этим каким-то проникновенно-заунывным скандированием стихов.

Создавалось настроение.

Может быть и вся эта петербургская весенняя ночь и обаяние поэта создавали все это. Не знаю.

Потом начал Городецкий:

Я лежу в гробу и слышу

Ветер стонет надо мной.

Я плечом приподнял крышу

Стонет гроб мой парчевой.

Это была подделка, талантливая подделка. Но того проникновенного напева, падающего в душу, не было здесь.

Уже совсем рассвело.

На Неве потухли огни.

Заскрипели тяжелые баржи, захлюпала вода.

Поблизости в казармах заиграла труба.

Я встал и стал прощаться.

Вот и все.

Но мне было так хорошо, так переполнена была душа моя этой ночью...

Я стоял перед любимой девушкой в это ясное петербургское утро на сияющих весною островах и рассказывал ей о любимом поэте...

За мою долгую петербургскую жизнь мне приходилось очень редко встречаться с Александром Александровичем.

Тем не менее, я следил внимательно за его творчеством.

Бывая изредка у него, я имел возможность наблюдать в жизни этапы его поэтического вдохновения, этих "Незнакомок", "Снежных масок", "Клеопатр". В жизни все они были житейски банальны, неинтересны, даже тривиальны. В этом выборе еще больше выяснялась романтическая склонность поэта видеть во всякой Альдонсе и Дульцинею, обожествляя свой идеал в удивительных поэтических созвучиях.

В последнем этапе своего творчества, поднявшись до гениальных "Скифов", он пал в кошмарных своею циничностью "Двенадцати" и загадочно ушел, угас, испепеленный внутренним огнем таинственного самосгорания, а может быть и возмездия. Блок высоко поднялся над миром и царством мечты подобно своему учителю — В. Соловьеву.

На страшной высоте вспыхнули крылья романтика и горячим прахом низверглась душа поэта на мертвую землю.

Другая тень, потревоженная мною сегодня — это расстрелянный "ими" мой друг Николай Степанович Гумилев.

Если образ Блока весь туманный, нежный, точно затянутый маревом, точно с картины французского художника Карьера, то портрет Гумилева должен был бы писать или знаменитый Давид, а еще лучше какой-нибудь наш крепостной Боровиковский на фоне боевых доспехов и непременно в мундире. Блок и Гумилев созданы Петербургом. Первый его метелями, его туманом, второй — его стройной четкостью. Николай Степанович встает в памяти моей не в последнее наше свидание, когда он читал пред небольшим кружком у одной актрисы свою пьесу "Дитя Аллаха", а на небольших интимных обедах у Альберга, на Невском, по понедельникам.

Только что началась война. Поэт стал лихим корнетом, потом ротмистром, с Георгием на изящном френче, мечтающим непременно о Салоникском фронте. Всю жизнь его влекло на Восток.

Тихое Царское, где он обыкновенно жил под созвездием сначала — своего директора гимназии и учителя, поэта Анненского и своей жены А. Ахматовой — его тяготило повседневностью.

Он мечтами уносился то в Африку, на экзотическое озеро Чад, то к белоснежным стенам священной Мекки. Хотя по всей внешности и в складе поэта не было ничего экстравагантного и экзотически-богемского.

Корректный, немного чопорный, скептик — петербуржец, склонный к снобизму, с лермонтовской роковой мечтой пламенного поэта.

Гумилев возникает передо мной, когда мой брат, поэт Кузмин и я после обеда "играем в стихи", переписываясь на бумажках.

Когда мы в один из понедельников посылаем запоздавшему другу на мотив его стихов: "Далеко, далеко на озере Чад"... телеграмму в Царское:

Далеко, далеко на озере Чад
К тебе, Гумилеша, три друга кричат,
Чтоб с ними понюхал ты кухонный чад...

Но скоро вместо телеграммы явился сам Николай Степанович, озабоченный, прямо из штаба, где хлопотал о Салоникском фронте.

За рюмкой любимого Бромбино говорили о только что вышедшей книжке стихов А. Ахматовой, жены поэта, "Белая стая". Мечтали, как наша гвардия будет вступать в Петербург после победоносной войны.

Душа воина, беспокойная жажда подвигов, всего яркого, экзотического, легко сочеталась в Гумилеве с его чопорной корректностью в манерах, обхождениях и в речах.

Говоря о Государе, он всегда прибавлял: Император.

Все это у него выходило природно и естественно. Как поэт, создатель и глава позабытой теперь школы акмеистов, Николай Степанович был рационален, как сухой математик, предъявляя к своим молодым ученикам-поэтам самые суровые требования.

По мнению Гумилева, русская поэзия начала XX века была сплошной имитацией, прекрасно отчеканенным небытием.

Ей поэт противопоставлял его собственную школу акмеистов, где главной задачей была конструктивность и осознанная ясность момента и бытия в поэзии — борьба с дешевым философствованием и тленным лиризмом.

Любил он подтрунивать и ругнуть Москву с ее поэтическим символизмом; тогда он хитро, виновато улыбался и как-то косил глазом.

*

Две далекие тени начала и конца моего петербургского бытия. Я люблю вас, каждую по-своему, по-особенному. И в эти солнечные, осенние дни, на чужбине, когда вы покоитесь там среди милого сердцу северного болота в мокрой, рыхлой земле, может быть уже укрытой снегом, помногу думаю о вас, о замученных и распятых. Увижу ли когда милые могилы ваши?!..

II О МАКСИМИЛИАНЕ ВОЛОШИНЕ

Его стихи, написанные, между прочим, мастерски; его критические статьи, полные оригинальных мыслей и особой глубины; его картины, где главным образом он изображал какие-то особые пласты земли на бесконечных равнинах; и наконец, он сам, всюду какой-то чужой, какой-то неуклюже торопливый — все это не внушало доверия к нему.

Наша дружба, которая обновлялась аккуратно каждое лето в течение долгого периода, никогда не раскрывала мне ни одной интимной черты у этого более чем оригинального человека.

Приезжая ежегодно в Крым, в Феодосию, к моим друзьям, родственникам и близким Волошина, гостя у него в Коктебеле, встречаясь с ним часто в Москве, и наконец, в годы революции и гражданской войны в Одессе — он был все такой же, каким я увидел его в начале 900-х годов. Тогда мне сразу показалось — ах, как я давно, давно знаю его. Но это только показалось.

Будучи с ним приятелем, гостя у него, казалось, узнавая его ближе, я не приближался к нему, и не только я, но и те, кто знали его еще с гимназической скамьи и жили с ним в одном городе, были его ближайшими друзьями.

Нельзя сказать, что он был скрытен и загадочен — как Блок, чопорен — как Гумилев. Нет. Он был скрытен, но весь состоял из какого-то другого, чуждого окружающим, материала. Он, так трогательно и глубоко воспевший свою родину, так постигающий ее, так скорбящий о ней, и такой русак по своей сущности, был абсолютно не русским. Любил звуковые сочетания в поэзии, нагромождал которые он мешал часто остроте своих удивительных мыслей. Его упрекали за это любители простоты и ясности.

Внешность поэта тоже была в полном разладе с его сущностью. Короткие ноги, толстое туловище, огромная шевелюра с прической à la мужик. Русская борода, которую иногда летом он сбрасывал, пугая этим окружающих. Приветливый, изысканно, подчеркнуто любезный, как-то по-старомодному, он становился важным, декламируя свои стихи, или говоря о искусстве. Отличительной чертой, тоже далеко не русской, было то, что он никогда никого не осуждал. После своей напумевшей ссоры с Валерием Брюсовым, где мэтр жестоко напал на него, обвиняя во лжи, касающейся

брюсовской биографии, написанной Волошиным, после истории с дуэлью Гумилева — Волошин, вернувшись в Феодосию, никогда ни одним словом не осуждал своих временных врагов.

Маленький Коктебель, где ежегодно жил у Волошина бурный, шумливый, веселый Алексей Толстой, заполнял собою не только волошинскую дачу, но и все окружающие поля, степи их... А по соседству: Григорий Спиридонович Петров¹ с огромной семьей — типичный русский интеллигент. Оба они были так чужды и так далеки Волошину, а тем не менее, он прекрасно уживался с ними. Напротив, Волошин трогательно дружил с ними.

Когда Макс на велосипеде в коротких штанах и с альпийским мешком за плечами появлялся на феодосийских улицах, все улыбались, все посмеивались на него, он словно этого не замечал, добродушно кивая знакомым и друзьям.

Вечерами на волошинской даче за ужином гремел смех Толстого и его веселые рассказы, читал оловянным голосом свои стихи Осип Мандельштам, Волошин рассказывал любовные идиллии XVIII века, а потом все выходило к темному морю и на звезды, и рассказывали страшные истории.

Волошин незаметно переходил на антропософов, на Штейнера. Он стоял перед нами на фоне черной водной равнины и звезд, и казался в своем греческом хитоне (это был его обычный костюм у себя дома), с ремешком на голове, словно античный грек — он казался каким-то библейским пророком, проповедующим на древних берегах Геллеспонта.

Вскоре появлялась его мать, небольшая старая женщина, носящая мужские шаровары и рубашку. Коротко стриженная, в то время она казалась нам тоже из какого-то маскарада.

Помню еще одну крымскую ночь. Мы возвращаемся на извозчике в Коктебель из Феодосии. Слева море, рядом с нами, на велосипеде, Макс декламирует свои стихи.

Однажды матушка Макса, забыв ее имя и отчество, с сыном выступали в камере феодосийского мирового судьи, Петра Николаевича Лампси. Судья был и сам поэт и феодосиец. Волошина мама явилась на суд в штанах и поддевке, а сын ее, не решившись облечься в хитон, торжественно пришел на суд, летом, в страшный июльский зной, в черном бархатном жилете. Волошины выступали

в качестве свидетелей по поводу убийства соседской кошки. Мама Макса называла судью во время заседания все время Петей, так как знала его еще гимназистом, а Макс прочел лекцию о священных кошках в Древнем Египте и перешел на то, что Бодлер очень любил кошек. Послушать это дело собралось огромное множество феоdosийцев. Причем судья Петя, сам любитель кошек, строго покарал убийц.

Коктебель и Волошин были неразрывны. Всякие экскурсии из Феодосии и Старого Крыма привлекали туристов, чтобы посмотреть Волошина в его хитоне с ремешком на волосах и мать его в штанах. Около их дачи толпилась публика, заглядывая в калитку, чему завидовал грустный поэт Мандельштам.

Волошин свою мать, выглядевшую, как немецкий профессор, одетый в сапоги, русскую рубашку и плисовые шаровары, зовет нежно, почтительно — мама, а сам больше похож на маму, даже при его усах и бороде, весь огромный, толстый, рыжий, с нежным голосом.

Волошин был один из духовидцев. Его близорукие глаза, его, казалось бы, детская наивность и доверчивость, ставили его часто в смешное положение, как, например, дуэль с Гумилевым по поводу осмеяния несуществующей поэтессы,² но его духовные очи видели многое впереди и его предчувствия часто не обманывали его. Недаром он еще в 1904-м году пишет по поводу грядущего /.../

ПРИМЕЧАНИЯ

Отрывок о М. Волошине публикуется впервые. Перепечатано из записного блокнота, форматом 95 x 163 мм, помеченного "Юрий Ракитин, лето и осень 1932 года", заполнявшегося в Белграде, Югославия. Рукопись — первая редакция, писана карандашом, с многими зачеркиваниями и правками. Вероятно писался после полученного извещения о кончине поэта. Рукопись, видимо, прервана, не завершена.

¹ Григорий Спиридонович Петров (псевд. — В. Курбский), 1867-1925 — священник, лишенный с 1907 г. сана, депутат II Государственной Думы, кадет, по определению В.И. Ленина — "христиан-

ский демократ, весьма популярный демагог", сотрудник газеты "Русское слово", знакомый Л.Н. Толстого, им одно время очень увлекался Горький. После революции — эмигрант, проживавший в Югославии. Издавал на сербском языке десятки дешевых брошюр на религиозные и моральные темы, разъезжал по всей стране, читая сотни лекций, проповедей.

Предполагал ли Ю. Л. Ракитин, что будет похоронен на том же Успенском кладбище в г. Нови-Сад, Югославия, на котором и Г.С. Петров, привезенный мертвым из Парижа в Югославию ...

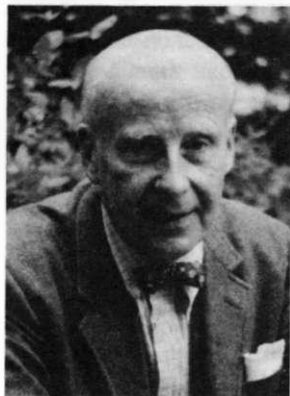
² Речь идет о литературной мистификации.

ПАМЯТИ Р. ПЛЕТНЕВА И Ю. ИВАСКА

В ноябре 1985 г. и феврале 1986 г. скончались два могикана русской религиозной культуры в эмиграции, Р. Плетнев и Ю. Иваск. Оба были в молодости сотрудниками бердяевского "Пути". (Если не ошибаюсь, из поименованных на титульном листе сотрудников журнала в живых теперь осталось лишь двое: Валентина Зандер и архиеп. Иоанн Шаховской).

Плетнев и Иваск были разного склада. Плетнев, автор двуязычной "Истории русской литературы", составленной из лекций канадским студентам, и одной из первых книг о Солженицыне, оставался в рамках классического литературоведения, приправленного религиозными оценками.

Ю. Иваск, как любил его называть о. Александр Шмеман, был "последним русским декадентом". В первую очередь Иваск считал себя поэтом: его стихи отличаются своеобразным ритмом, просо-

дически упорядоченным косноязычием. Тонкий критик, он, наоборот, мало заботился о построении своих очерков, об отделке формы, стараясь сохранить в изложении импрессионистическую непосредственность. Единственный обширный свой труд Иваск посвятил Константину Леонтьеву (вышел он, к сожалению, очень ограниченным тиражом и быстро разошелся). Для него он совершил поездку на Афон (где, как известно, Леонтьев обратился к Богу), хотя явно отдавал предпочтение эстету над полити-

ческим мыслителем и религиозным радикалом. Эстетом Иваск оставался всю жизнь, пытаясь сочетать эстетизм с религиозным мировоззрением. В последние годы жизни он с радостью узнал, что стихи его ценятся и перепечатываются (самиздатом) в России. Это побудило его три года назад совершить туристическую поездку в Москву и Петербург. О ней он оставил небольшой дневник в 20

страниц. После смерти о. Александра Шмемана Ю. П. Иваск прислал мне копию письма, кот. о. Александр ему написал по прочтении этого дневника, с пометкой (из скромности) "не для печати". Письмо написано было 12 сентября 1983, за три месяца до смерти о. Александра. С присущей ему пронизательностью и щедростью, о. А. Шмеман старается определить основное в своеобразном стиле Ю. Иваска. Приводим его здесь целиком:

Дорогой, любимый Юрий Павлович,

Так ничего и не вышло из встречи, которую мы "проектировали". Я просидел все лето в Labelle с частыми посещениями докторов. Сейчас чувствую себя хорошо, но Боже мой — сколько это съедает времени.

Я прочел Ваш петербургский дневник с восхищением. Я часто старался понять, в чем секрет Вашего, только Вам присущего стиля. Я вряд ли разгадал этот секрет. Но очень кратко все же поделюсь с Вами моим "открытием". Ваш стиль, прежде всего, *отрывочный*. Почти каждая фраза есть законченная мысль. Почти нет придаточных предложений. Отдельная фраза нужна не следующей за ней фразе, а только для целого, но и внутри целого каждая фраза остается свободной и не *связанной* с этим целым. Это Ваш личный стиль *рококо*. В нем фраза не ищет места, где бы ей заснуть в некоей вечной торжественности и окончательности.

Вы не историк искусства, хотящий уложить его в неподвижный саркофаг. Оно — Ваш дом, Ваша жизнь. Все это я пишу сейчас очень неуклюже и приблизительно, но, авось, Вы почувствуете причину моего восхищения. Хороший пример — эта замечательная фраза: "обмирал от красоты Смольного монастыря и от натруженной пятки Рембрандта,* и от многого другого. Но Св. Ксения Петербургская весь Петербург перевешивает..." Три строчки, но сколько сказано "самого важного". Не вижу сейчас никого, кто

*) Картина Рембрандта в Эрмитаже: "Возвращение Блудного сына".

мог бы так сказать, с такой убедительностью. Все опять живет и только не "эстетически", не искусствоведчески, а "эпифанически".

Милый Юрий Павлович! Спасибо Вам. Я с такой силой почувствовал Вас как некоего рыцаря, не боявшегося прослыть за юродивого, дающего нам не методологии, не критерии, а саму жизнь в ее Божественной полноте... И опять пережил тот день, когда встретились мы с Вами в поезде около Мюнхена и наши беседы в Берхтесгадене. И я так рад, что после Вашего горя* послал Вам Господь это видение Петербурга, эту возможность показать, явить нам что-то, что никто сейчас в целом мире не явил бы так, как Вы.

Очень мечтаю о встрече.

Христос с Вами.

о. А. Шмеман

Судьбы России

Игумен ИОАСАФ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ИЕРОМОНАХА ЯРАНСКОГО ПРОРОЧИЦКОГО МОНАСТЫРЯ ОТЦА МАТФЕЯ (1858-1927)

В глухом углу русской провинции престарелый аскет и церковный писатель, наш современник, запечатлел (и молитвенно воспел в тропаре) образ еще одного православного праведника. В "жизнеописании" личность описываемого старца неслучайно изображена вне времени, вне примет эпохальной катастрофы, с малым числом бытовых подробностей. Причиной тому не столько то, что агиограф пользовался трафаретами благочестивых биографий XIX века, сколько сознательное стремление засвидетельствовать о неиссякаемости подвижничества в Церкви.

Автор, игумен Иоасаф (в миру Иван Васильевич Сычев), родился в 1889 г. Был иеродиаконом Яранского Пророчицкого мужского монастыря. Духовный сын иеромонаха Матфея. Творец акафистов и канонов.

Много лет провел в лагерях (не меньше 10 лет), освобожден в 1944 г. и посвящен в сан иеромонаха. Местом своего служения выбрал с. Беляево Кикнурского района Кировской области, связанное с жизнью о. Матфея, где до конца своих дней был настоятелем Никольской церкви. Вел высокодуховную, строгую иноческую жизнь. Умер 17 октября 1961 г.

"Жизнеописание" составлено, по-видимому, в 1960 г. ("из разных сведений", как значится в имеющемся у нас списке).

П.

Иеромонах о. Матфей родился около 1858 г.¹ от благочестивых родителей Космы и Надежды Швецевых, живших в г. Вятке (ныне г. Киров).

Мирское имя его было Митрофан. Отец его занимался сапожным мастерством. Кроме него, у родителей было еще четверо детей: три мальчика и дочь. Митрофан был младший из братьев. Отец его

*) Смерть жены.

скоро умер, оставив на попечение матери осиротевших детей. Мать после смерти отца испытывала большую нужду, и, чтобы прокормить своих сирот, она занималась красоварением, пекла ярушники (хлебы из ячменной муки) и носила их на рынок для продажи и тем содержала своих детей. В помощь себе она брала с собой Митрофана, который, вероятно, проявлял способности к торговле.² Вследствие этого, а может быть, и по крайней нужде, ей посоветовали отдать его кому-либо в приказчики, и она отдала его малолетним к купцу Столбову в Вятке, у которого он прожил 18 лет. Об этой жизни у Столбова впоследствии старец часто вспоминал, говоря: "Восемнадцать лет прожить в услужении!" Этим он хотел сказать: вот чем вырабатывается *терпение, которое всего нужнее в жизни человека*. Образования старец не получил, читать и писать он научился сам.

Купец Столбов очень любил своего юного приказчика за его верность, за кроткий и тихий нрав, так что впоследствии он сделал Митрофана старшим доверенным лицом в торговле и по магазину и дал ему возможность выстроить собственный магазин.

В то время, когда он жил у купца Столбова, около с. Филейки жил и подвизался благодатный старец о. Стефан; вокруг него стали собираться ищущие спасения ученики, которыми он руководил ко спасению.³ Слава о старце Стефане разносилась далеко за пределы Филейки; особенно с жадностью духовно читались его сочинения, и все больше увеличивалось число его почитателей и учеников, для которых он ископал у тогдашнего архиепископа Вятского Аполлоса устроить скит. Старанием старца Стефана была устроена небольшая церковь и маленькие домики для братии.

В это время, или, быть может, раньше, юноша Митрофан познакомился со старцем Стефаном, который своей обаятельной личностью увлек сердце юноши и зажег его пламенной любовью к Богу. С тех пор сердце Митрофана стремилось порвать все связи с миром и поступить в число братии о. Стефана.⁴

Но обстоятельства не позволяли ему этого. Жива ли была его мать в это время, неизвестно, но только достоверно, что на его иждивении находилась его сестра Елизавета, которую нельзя было оставить не обеспеченной, да и старец Стефан, крепко любивший кроткого Митрофана, испытывал его любовь к Богу, выжидая, чтобы у него совершенно созрело намерение посвятить себя Богу.

Но он, находясь и среди мира, был одним из первых учеников старца, которого он любил и у которого он питался духовно его мудрыми советами ко спасению. И вот ему, находящемуся еще среди мира и среди непрестанной толпы, как покупателей, так и товарищей-приказчиков, старец советовал приучаться к умносердечной Иисусовой молитве. В магазине, где он торговал, во всех углах и видных местах были повешены им листочки с молитвой Иисусовой, чтобы, куда ни взглянуть, везде иметь напоминание о ней.

Нередко Митрофан посещал старца Стефана в его пустынном скиту, находившемся от Вятки лишь в 6 км. Но когда после смерти архиепископа Аполлоса, благоволившего к нему, новый епископ, увидевший в действиях о. Стефана будто бы что-то несообразное, послал о. Стефана в Трифонов Успенский монастырь в Вятке, тогда Митрофан сделался его постоянным посетителем. Он чуть не ежедневно ходил к старцу, жившему в особом домике, выстроенном одним благодетелем, и духовно созерцал, преуспевая в добродетелях. Отлучившись куда-либо, старец Стефан быстро спешил домой, говоря: "Меня, наверное, Митрошенька уже ждет". И часто, бывало, Митрофан сидит уже у дверей его келии и ждет старца. А иногда, не дождавшись, повесит ко скобе дверей рыбку сухую (воблу) и уйдет со скорбью. Старец Стефан, придя домой, уже знает, что был Митрошенька.

В это время уже Митрофан был не похож на светских молодых людей: он не любил развлечений, свойственных юношам, был молчалив, не смеялся, не шутил, был сосредоточен в себе и не имел дружбы с товарищами, хотя и был со всеми мирен и незлобив. И не знавшие его духовного устройства считали его как бы ненормальным.

Однажды, а может быть и не однажды, случилось ему долго пробыть у старца Стефана, его долго ждали к ужину и, не дождавшись, съели весь ужин. Хозяйка хотела оставить ему мяса, но приказчики засмеялись и сказали: давай мы съедим его порцию, а ему вместо мяса поставим свеклу, он все равно не поймет ничего, свекла это или мясо, когда будет есть. И действительно, когда пришел Митрофан и подали ему вместо мяса свеклу, то он никакого не показал вида, что ест свеклу, а ел ее, как мясо, а товарищи, стоя вдали, смеялись над ним.

Приближалось время исполнения долгожданного намерения — поступления Митрофана в монастырь. Целых четыре года томился старец Стефан вдали от своего пустынного скита и братии в Трифоновом монастыре.⁵ Не менее скучала и братия по своему любимому наставнику и руководителю ко спасению; они часто посещали старца и терпеливо ждали его возвращения. Для Митрофана это время было самое счастливое в жизни, он больше и чаще всех посещал старца и больше всех напитывался его духом и глубже других воспринимал его наставления, внедрял их в свою жизнь: он уже и в то время был настоящим иноком.

В число братии скита поступил племянник о. Стефана П.И. Куртеев, бывший торговец с. Анджима. Он начал хлопотать об учреждении монастыря на месте скита о. Стефана, и его хлопоты увенчались успехом: вскоре вышел указ об открытии монастыря. Это было в апреле 1890г.

Старец о. Стефан был возвращен в свой любимый скит: радости братии не было границ. Теперь Митрофан решил окончательно порвать все связи с миром и поступить в число братии о. Стефана. Он продал свой магазин (т.к. он имел уже свою собственную торговлю), ликвидировал свое небольшое хозяйство, а деньги положил в банк на обеспечение своей сестры Елизаветы Космовны, которую он впоследствии также устроил сперва в Слободской женский монастырь, а затем в женскую общину близ г. Кукарки (ныне г. Советск, Кировской обл.), где она и жила почти до своей смерти. Но пришлось ли пожить ему при жизни о. Стефана в монастыре, неизвестно, т.к. о. Стефан в том же году, в котором был открыт монастырь, скончался, 15 августа. Глубоко скорбела братия о своем почившем наставнике, но более других поразила скорбь сердце Митрофана.

О. Стефан оставил после себя большое наследство — свои сочинения, 2 больших тома, которые были настольною книгою для братии и мирян.⁶ В этих сочинениях до сего дня живет дух старца, они написаны просто, назидательно и доступно для каждого. О. Матфей до самой смерти имел их у себя. Свое отношение к ним он выражал так: "Ведь это говорит тот, в ком жил Дух Святой". Эти сочинения были большим утешением для братии о. Стефана.

Поступив в монастырь, Митрофан, как обычно, проходил разные послушания и вскоре по поступлении был пострижен в

монашество с именем Матфея, а затем рукоположен во иеродиакона и в очень скором времени во иеромонаха. Сколько времени это длилось, неизвестно, но долгого искуса старец не проходил, хотя и пришел только что из мира. Ибо без сомнения все его знали как близкого ученика о. Стефана. Всего на Филейке о. Матфей прожил около 10 лет.

В 1899г. близ г. Яранска в имении Анны Дмитриевны Беляевой был открыт мужской, в честь св. Анны Пророчицы, монастырь; строителем и настоятелем был назначен келейник архиепископа Алексия, управлявшего в то время Вятской епархией, иеромонах Нил, впоследствии игумен, известный своей богоугодной жизнью, оставивший по себе добрую память среди насельников монастыря и мирян. В помощь ему, в числе других священнослужителей, для отправления церковных служб из монастыря с. Филейки был послан и иеромонах о. Матфей. Нелегко было о. Матфею расставаться с Филейским монастырем, где все было овеяно памятью о старце о. Стефане. Везде были видны следы его трудов: первоначальная церковь, пещера, выкопанная собственными его руками, и его свежая могила, привлекавшая сердца не только его учеников, но и всех живших в обители в то время.

В первые годы жизни в Пророчицком монастыре старец о. Матфей ежегодно в летнее время ездил в Вятку на могилу о. Стефана, здесь он черпал силы к прохождению трудного пути иноческого. Обрадованный и утешенный, как бы лично повидавший старца, возвращался он всегда радостный и живой.

Немало выпало трудов на долю о. Матфея в новом строящемся Пророчицком монастыре, где братии было еще немного: иеромонахов всего было двое, да третий настоятель. Служба была ежедневная уставная, о. Матфею приходилось почти ежедневно отправлять все церковные богослужения и требы; второй иеромонах о. Нил был больной, как и сам настоятель игумен Нил. Кроме того, он занимал еще и другие должности, был казначеем, духовником братии и мирян и, живя в настоятельском корпусе, исполнял келейнические обязанности у настоятеля: топил печи, кипятил самовар, заметал полы. Когда скончался игумен Нил, а это было 2 ноября 1902г., о. Матфею фактически пришлось до назначения нового настоятеля управлять братиею, хотя и был временно назначен иеромонах Пахомий Кедров (впоследствии епископ Чернигов-

ский).⁷ Но последний не всегда был в монастыре. Новый настоятель, назначенный из экономов Трифонова монастыря, игумен Геннадий,⁸ весьма уважал старца о. Матфея, без его совета ничего не предпринимал важного, касающегося монастыря, и при нем о. Матфей долго оставался казначеем и духовником братии. И жил всегда старец рядом с ним (рядом с келейной комнатой).

С виду о. Матфей казался суровым, неприветливым, молчаливым, ходил всегда опустив голову, не обращая ни на что и ни на кого внимания. Просящих его благословения благословлял как бы неохотно и никого не спрашивал, откуда, кто он и зачем пришел. Не любил он шуток, пустых разговоров, в которые никогда не вмешивался, ни о чем не любопытствовал, как будто ничто его не касалось. Он не любил роскоши, носил самую простую одежду, а у себя в келье даже заплатанную.

Не любил старец торжественных богослужений, уклонялся от соборного богослужения, поздних литургий, а служил большею частью ранние, и то обычно без дьякона. Пение любил простое, негромкое, а освещение храма полутемное. Он был очень бережлив, почему многие считали его скупым. При себе он ничего не имел, кроме самого необходимого. Келия его была почти пустая: кровать, стол, две табуретки, в переднем углу крест-распятие и немного малых образов с лампадою и аналой с евангелием, вот и все.⁹

На общую трапезу старец ходил очень редко, т.к. он страдал катаром желудка и всегда соблюдал диету, причем ел вообще очень мало. Один грамм лишнего, говаривал старец, причиняет мне боль. Потому в пище у него была строгая мера. Посетителей старец принимал неохотно и всегда отсылал их к настоятелю, говоря: идите к батюшке, — и лишь неотступным давал советы, которые были замечательны, назидательны и верны.

В нем стал проявляться дар прозорливости, который старец боялся обнаружить, чтобы не подпасть недугу духовной гордости и тщеславия, и всячески старался скрывать его, но все же он не мог его скрыть, когда того требовала крайняя нужда и польза ближнего. При этом он говорил иногда иносказательно, притчами, как будто о ком-то другом или обращаясь к кому-то другому. Но слушающий понимал, к кому обращена эта речь, и всегда со слезами уходил от старца, ободренный и утешенный. Старец радовался, что его советы приносят пользу. Ну, что ж, говорил он, раз люди

видят и получают пользу от моих советов, пусть идут, зачем же меня гнать.¹⁰

Но тем не менее он тяготился посетителями, число которых из года в год все увеличивалось. Посетители отвлекали его от умного делания, от молитвы Иисусовой. Он искал живого богообщения, которое приобретает внутренним деланием при полном внешнем безмолвии, как об этом говорят многие святые отцы. Старец испросил у настоятеля, архимандрита Геннадия, благословения поселиться на пасеке лесной монастырской дачи, отстоящей от монастыря на расстоянии в 35 км. Здесь он стал свободно предаваться духовным подвигам. В праздники он ходил или ездил в соседние села к богослужению и изредка в монастырь. На даче он жил в особой избушке (на пасеке) один. Братии же было 5 или 6 человек, живших в отдельном небольшом корпусе. Здесь никто не нарушал его покоя. Когда же был упразднен монастырь и лесная дача перешла к государству, то старцу пришлось искать место для жительства. И вот некоторые его почитатели из соседней деревни построили ему на своей земле, около опушки леса, небольшую избушку, в одном километре от монастырской дачи, куда он и перешел на житье.¹¹ Прожив здесь 9 лет, он здесь и окончил свой земной подвиг.

Сколько старец ни старался избегать людей и мирской славы, но люди, жаждавшие его наставлений, в последние годы его жизни шли к нему толпами, и он с ними беседовал целыми часами и тем подорвал и без того слабое свое здоровье. Кроме болезни желудка, у него была еще болезнь ног, так что он едва мог передвигаться. В начале 1927 г. старец сильно заболел и 16 мая (ст. стиля) тихо отошел ко Господу. Весть о кончине старца быстро разнеслась по окрестности, собралось много народа. Чтобы в последний раз поклониться старцу, гроб с его останками, с пением и служением панихид, народ нес до монастыря (церковь монастырская тогда еще не была закрыта) на руках.¹² В среду отдания Пасхи совершено было отпевание. После отпевания гроб был снова поднят, с крестом и хоругвями обнесен вокруг храма и затем несен был на руках до г. Яранска. Когда процессия подошла к городу, большой колокол Троицкой церкви возвестил о приближении гроба, и навстречу ему вышло все тогдашнее духовенство. В соборе была отслужена над гробом панихида, и снова все духовенство с крест-

ным ходом проводило его в кладбищенскую церковь, где также была отслужена панихида и протоиереем Ивановым было сказано прочувствованное слово, и старец был погребен на месте теперешнего его упокоения.¹³

Не любил старец славы человеческой при жизни и после смерти желал быть в неизвестности. Он говорил одной своей близкой духовной дочери: "Скажи И.В.,¹⁴ чтобы он на моем памятнике написал: "Здесь погребен Матфей-кочегар".

ТРОПАРЬ (глас 8)

От юности твоя путь спасения прилежно взыскавший, Христа и заповеди Его зело возлюбивый, отнюдуже наставник добр был еси ищущим спасения, благодать исцелений от Бога приял еси, Преподобне; но молися Христу Богу, отче Матфее, спастися душам нашим.

Надгробная речь на могиле старца о. Матфея, произнесенная протоиереем Ивановым.

Догорел и погас, точно светильник, ушел от нас наш отец, и мы — сироты, одиноки и жалки. Кругом мрак, последняя звезда дошла до своего заката и закатилась. Черные тучи нависли над нашими головами. Зловеще бурлит море житейское вокруг нас, что с нами будет? Ты был кормчий, ты вел корабль нашей души в отчизну небесную. Зачем же оставил ты нас и кому поручил? Кто теперь нам скажет слово утешения, кто ободрит в скорби, разрешит недоумения и вопросы? Ты был для нас светильник горящий и светил, а мы радовались; при свете твоём хорошо нам было с тобою, но горе будет без тебя! Твоя жизнь вся была поглощена любовью к ближним, которых ты возлюбил до положения живота. Ты целыми днями, отягощенный болезнью и немощами, беседовал с приходящими к тебе, не имея отдыха. Все шли к тебе, как к родному отцу. Никого ты не гнал, каждому давал нужный ответ. И как легко становилось на сердце после беседы с тобой, точно камень свалится с наболевшего сердца. Немногочисленны были твои слова,

но так были метки, так сильны, что задевали за сердца, которые, как воск, таяли от твоей любви, с которой сказаны были человеку. Часто один взгляд твоих прозорливых очей переворачивал все внутри человека и заставлял его трепетать и плакать такими горькими слезами, после которых приходила надежда и тот внутренний покой, без которого нет счастья человеку на земле. Ты наставлял не одним только словом, но и примером своей жизни. Несмотря на то, что ты достиг высокого совершенства, ты был смирен, всегда оплакивал себя; часто можно было слышать от тебя слова, полные глубокого смирения: "За что это меня, окаянного, милует Господь?" Ты обладал и даром внутренней непрестанной молитвы Иисусовой. С давних лет то делание ты таил под покровом глубокого смирения. Редкие люди знали об этом. Эта молитва, как ручеек, журчала в твоём сердце и тогда, когда ты предавался краткому отдыху. Это знал я по секрету из слов, лично сказанных тобою мне, последнему из твоих духовных детей. Все знали, что ты обладал даром прозрения, но как осторожно ты пользовался сим даром совершенства, скрывая его не только от других, но даже от самого себя, боясь внутренней гордости. Ты учил нас не только матери добродетелей — смирению, но и многим другим добродетелям — христианской любви, терпению, молитве и воздержанию. Страдая с давних лет жестокими болезнями, ты переносил их с таким изумительным терпением, что не только слово ропота никогда не выходило из твоих уст, но ты даже благодарил Бога за свои болезни. Несмотря на свои болезни, ты не оставлял людей без слова утешения и всех принимал, со всеми толковал обо всем до самых ничтожных мелочей. Часто в изнеможении чуть не без чувств уносили тебя в постель, и это служение твое на пользу ближним продолжал ты до последних лет своей жизни, на том и кончил свою жизнь. Ушел от нас, оставил бесчисленное множество твоих детей и посетителей, из которых многие пришли сегодня отдать тебе последний долг взаимной любви, как своему дорогому отцу и наставнику. Взгляни в последний раз на нас, твоих детей, собравшихся сегодня уже около твоего гроба, и благослови в последний раз, всех прости нас, отче наш, ты идешь в другую, лучшую страну для получения награды и вечного веселия, нас оставляешь одинокими. Но мы глубоко верим, что не оставишь ты нас и после твоей смерти, уйдешь от нас телом, но душою будешь с нами. Когда-то ты говорил своим детям: "После моей смерти ходите ко мне на могилу

да и говорите, что у вас на душе. Если я буду иметь дерзновение пред Господом, то не оставлю вас без утешения". Пусть эти слова сходны со словами великого старца Серафима, но они вылились, как твои собственные, из твоего любящего сердца, ибо любовь не может закрыть гробовая крышка и темная могила, ибо верно сказано, что вера и надежда останутся здесь на земле, а любовь пойдет с нами на небо. Итак, братия и сестры, как нам тяжело провожать нашего дорогого батюшку, с которым мы прощаемся навсегда. Но пусть эта скорбь растворится надеждою и пусть эти горькие слезы будут слезами радости, ибо он, хотя и отходит от нас телом, но не оставит нас своею любовью и своим духом. Если он любил нас здесь на земле, то погаснет ли эта любовь на небе? Нет, она еще больше разгорится и расширится, еще больше он нас возлюбит и непременно будет молиться о нас пред престолом Божиим. Аминь.

Отозвал Господь в мир безоблачный свет Божественный Православия, что светил во тьме и каждому указывал путь спасения. Аминь.

Комментарии к "Жизнеописанию иеромонаха Матфея".

1. По другим сведениям, Митрофан Швецев родился в 1854 г.
2. Согласно сохранившемуся устному преданию, мать его при мечала, что когда Митрофан выходил с ней на рынок, ярушники тут же раскупались, когда же его не было — торговля не шла.
3. Схиеромонах Стефан (в миру Симеон Петрович Куртеев) родился 17.7. (ст.ст.) 1830 г. в крестьянской семье в д. Молчановской Щербининской волости Вятской губернии. Семья его бедствовала, так как отец пил. Мать, глубоко верующая женщина, воспитала достойных детей, она молилась, чтобы ее младший сын, Семен, посвятил свою жизнь Богу. Мальчику удалось поступить в гимназию; учился хорошо, особенно любил математику. По окончании гимназического курса отправился в Петербург, где, по желанию своего старшего брата и благодетеля, стал готовиться к поступлению в Медико-хирургическую академию. Однако в это время Семену попадает книга Святогорца об Афоне — и он бежит из столицы с тем, чтобы предаться пустынной жизни. После

многолетних странствий (побывал во многих монастырях, совершил паломничество на Афон и в Иерусалим), он вернулся на родину и поселился вблизи своей деревни. "Над ручьем, в горе, он выкопал пещерку и устроил в ней сруб, два аршина с четвертью в длину, ширину и высоту, без дверей, с одним окном, в которое он едва пролазил, и другим, около трех с половиною вершков, под самым потолком. Пищею его были опресноки и картофель, которые готовил себе сам", пишет его биограф.

В этой же деревне подвижник устраивает замечательную школу для крестьянских детей. Пишет духовные книги, расхвалившиеся огромными тиражами в народе. Так, в непрестанных подвигах, трудах (не обошлось и без гонений), проходят годы его жизни. Вот описание внешнего облика о. Стефана: "мужик — в простом азыме, с небольшою бородой, худой на вид, высокий". Он самоотверженно любил своих братьев, православный народ, и много потрудился для его нравственного устроения.

На месте подвигов старца возник монашеский скит, а после — Александро-Невский мужской монастырь. Умер старец 15.8 (ст.ст.) 1890 г. Отец Стефан воплотил в своей жизни традиции русской святости. Образ его в духовных глубинах родственен Преподобному Серафиму Саровскому, а его проповеди и книги для народа близки внутренне писаниям о. Иоанна Кронштадтского.

4. Жительница деревни Н., Л.С.К. (1906 г. рождения) шестнадцати лет ходила к о. Матфею. Запомнила его слова: "Как прочитал книги отца Стефана, все мирское оставил".

5. Успенский Трифоновский мужской монастырь основан Преподобным Трифоном Вятским в конце XVI века. Насильственно закрыт властями году в 1930-м. С того времени монастырские строения находятся в запустении и разрушаются; в них одновременно расположены жилые квартиры, склады, административные учреждения. В замечательном Успенском соборе (XVII в.), где под спудом почуют мощи св. Трифона, находится областной архив. Неоднократно православная община г. Кирова обращалась к городским властям с просьбой предоставить им Успенский собор, который они обязуются отремонтировать на свои средства: мольбы их остались без ответа. Верующие ютятся в небольшой Серафимовской церкви.

6. Нам известно издание 1890 г. типографии Макшеева в Вятке: "Полное собрание сочинений иеромонаха Стефана" в 2-х томах.

7. О. Пахомий (Кедров) — будущий архиепископ Черниговский и мученик (арестован, по нашим сведениям, в 1925 г.), родом из Вятской земли.

8. Игумен Геннадий мученически погиб за Христа. При закрытии монастыря (1918 г. ?) безбожники истязали мужественного настоятеля, привязали его к хвосту лошади и погнали ее.

9. Вот внешний облик старца со слов знавшего его иеромонаха П.: "Невысокого роста, с виду суровый, молчаливый, никого ни о чем не расспрашивал, проходил мимо встречных, опустив голову, длинные волосы свешивались вниз, скрывая лицо. Уклонялся от торжественных богослужений, любил служить раннюю литургию и часто кадил".

10. Приведем еще некоторые свидетельства о старце: по рассказу Е.И.К. (1909 г.р.), ее мать, крестьянка Антонида, часто бывала у отца Матфея. Когда умер ее муж, собралась к старцу. Все не могла успокоиться, плакала и потому думала: вот, приеду к батюшке и заревусь до смерти. Она еще не подъехала к дому, как о. Матфей вышел навстречу и ласково приветствовал ее: "Будь тише воды теперь, ниже травы, — сказал он сразу, — и все вытерпишь". И слезы Антониды куда-то делись, на душе стало тихо.

Крестьянка М. (родилась около 1910 г.) уродилась слепой. Отец возил ее ко многим докторам в тщетной надежде, что они вернут дочери зрение. Привел дочь и к батюшке, которого глубоко чтил, чтоб испросить совета, как жить ей в слепоте. Старец сказал: "Копи ума".

У родного дяди (по матери) священника Н. был болен младший сын, о котором родители очень беспокоились. Повезли его к о. Матфею, и тот сказал: "Что ты на горку смотришь, а вон гора-то". Немного прошло времени, как сын выздоровел, но у самого отца семейства открылась сильная чахотка и он вскоре умер.

Крестьянская девушка Н. и ее подруга пришли к старцу за советом, как дальше жить? Н. он сказал: "Ты замуж иди", а ее подруге посоветовал обратное. Подруга все-таки вышла замуж, но всю жизнь (до сих пор) вспоминает совет старца: вскоре по замужестве тяжело и надолго заболел ее свекор, потом муж, а свекруха болела 22 года. А Н. вышла замуж очень удачно, за глубоко верующего и трудолюбивого человека.

Епископ Яранский Нектарий (Трезвинский), великий святитель и мученик, часто после ранней литургии пешком ходил из кафедрального городского собора за 35 км. в д. Ершово, к старцу.

Иеромонах Матфей

Батюшка задолго до прихода владыки говорил прислужнице Наташе: "Ставь самовар, к нам гость идет".

Приходящих к нему старец часто называл по именам, еще не зная их.

11. Избушку выстроили трое братьев, возможно, что это Кедровы, один из которых, будущий владыка Пахомий, уже упоминался в тексте (см. примечание ⁷).

Есть не проверенные сведения, что в начале двадцатых годов, во времена изъятия церковных ценностей, о. Матфей подвергался гонениям.

12. Тысячи людей собрались проводить усопшего подвижника в последний путь. Одна деревня провожала почившего, неся гроб на полотне, другая деревня встречала: так до самого Яранска.

13. Старец погребен за кладбищенскою церковью (которой, собственно, уже не существует: разрушена безбожниками до основания), несколько вглубь кладбища. Памятник над могилой буквально стерт с лица земли уже в шестидесятые годы (ночью, бульдозером), однако место упокоения легко узнается по приметам да по тому, что здесь копают землю на память, стоят восковые свечи, почти всегда есть паломники. 16 мая собирается народ, поют молитвы, проводят на кладбище всю ночь. С шестидесятых годов власти стали разгонять паломников, но в конце семидесятых препятствовать перестали, выставляют лишь наряды милиции.

14. "И.В." — автор "Жизнеописания", в миру Иван Васильевич Сьчев.

15. В нашем распоряжении имеется несколько свидетельств посмертной помощи старца тем, кто прибегал к нему в молитвах.

ОТЧЕТ О СОСТОЯНИИ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ ЗА 1919/20 и 1920/21 ГОДЫ

1. Места академических занятий.

Ввиду создавшихся непреодолимых затруднений для продолжения занятий в Сергиевском Посаде, Совет Академии на 106-м году существования Академии, с благословения и утверждения высшей церковной власти, перенес академические занятия в Москву с осени 1919 г. Для организации учебных занятий в Москве и решения текущих академических дел Совет избрал Исполнительную Комиссию, в которую, под председательством о. ректора, вошли в качестве членов: проректор архим. (ныне епископ) Иларион, орд. проф. И.В. Попов и экстраординарные профессора: прот. В.Н. Страхов, В.П. Виноградов и архим. (ныне епископ) Варфоломей. Перед началом занятий в 1919-20 уч. году был отслужен 27 сент./10 окт. в Князе-Владимирской церкви Епархиального дома молебен, который совершил Его Святейшество Святейший патриарх Тихон. Занятия до ноября проходили в помещении Усачевской биржевой артели (Мясницкая, д. №8). 1 октября 1919 года был отпразднован годичный академический акт в присутствии Его Святейшества Святейшего Патриарха Тихона, членов Священного Синода и Высшего Церковного Совета и представителей столичного духовенства. С ноября 1919 года академические лекции происходили в новом помещении названной артели — в Спасо-Глинищевском пер., д. 4. Вследствие закрытия Усачевской биржевой артели, Академия с весны 1920 года перенесла свои занятия в Епархиальный дом, где они проходили до августа 1920 г. В 1920/21 уч. году

*) Славяно-греко-латинская Академия была основана 25 декабря 1685 г. учеными монахами братьями Лихудами. В 1814 г. преобразована в Московскую Духовную Академию. О том, что Академия, после ее насильственного закрытия в 1918 г., старалась в течение нескольких лет продолжать деятельность, было до сих пор неизвестно. Печатаемый отчет был представлен патриарху Тихону, кот. наложил на него резолюцию: "Одобрю".

академические занятия происходили с октября по 15 мая с перерывами на рождественские и пасхальные каникулы — сначала в храме св. Иоанна Воина на Божедомке, а с 1-го января — в храме Св. Троицы на Листах.

В настоящее время с 2/15 августа Московская Духовная Академия помещается в Высоко-Петровском монастыре.

2. Состав Академии.

а) Почетные члены Академии.

Ко второй половине 1918 года почетными членами Академии состояли 45 лиц: 23 духовных и 22 светских. Из числа почетных членов Академия лишилась 16 членов: 1) Высокопреосвященного Агафодора, архиеп. Ставропольского, 2) Высокопреосвящ. архиеп. Никона, б. Вологодского; 3) Высокопреосвящ. Иоанна, архиеп. Рязанского; 4) Высокопреосвящ. Алексия, б. Владимирского; 5) Высокопреосвящ. Палладия, архиеп. Астраханского; 6) Преосвященного Мисаила, епископа б. Олонецкого; 7) Великой княгини Елисаветы Феодоровны; 8) заслуженного орд. проф. Петроградской Духовной Акад. А.Л. Катанского; 9) заслуж. орд. проф. Московской Дух. Акад. В.А. Соколова; 10) заслуж. орд. проф. той же Академии А.Д. Беяева; 11) заслуженного орд. проф. той же Академии Н.М. Заозерского; 12) прот. Н.Я. Фортинского; 13) заслуж. ордин. проф. Петроградской Дух. Акад. И.С. Пальмова; 14) заслуж. ордин. проф. Казанской Дух. Акад. Ф.А. Курчанова; 15) заслуж. ордин. проф. Киевской Дух. Акад. А.И. Петрова и 16) заслуж. ордин. проф. Петроградской Дух. Акад. И.Г. Троицкого.

6/19 ноября 1920 г. академическим советом избран в звание почетного члена Академии — Высокопреосвященный Евсевий, митрополит Крутицкий, — в уважение его долголетнего и плодотворного архипастырского служения Церкви Христовой.

К началу 1921/22 уч. года почетными членами Московской Духовной Академии состоят 30 лиц: 17 духовных и 13 светских.

б) Служащие Академии. Перемены в их составе.

К началу 1919/20 уч. года на службе при Академии состояли: Ректор Академии э-о. профессор протоиерей А.П. Орлов. Проректор э-о. проф. архим. (ныне епископ) Иларион; 9 ординарных профессоров (из них 1 заслуженный), 14 экстраординарных проф. (из них 1 заслуженный и 6 — сверхштатных), один доцент, один и.д. доцента и один лектор. Прочих должностных лиц было два: и.об. секретаря Академии и и.об. эконома Академии. Сверх сего: 2 сверхштатных э-о. профессора (И.М. Громогласов и А.И. Покровский) и один доцент сверх-штата (Д.Т. Коновалов) состояли членами академического Совета с правом решающего голоса. Всех служащих при Академии было 33 лица.

В личном составе и служебном положении состоящих на службе при Академии лиц за отчетные годы произошли следующие перемены: 11/24 декабря скончался ордин. профессор по кафедре истории и обличения русского раскола, доктор церковной истории Н.В. Лысогорский. 2/15 марта скончался ордин. проф. по кафедре церковного права, доктор церковного права А.И. Алмазов. Ректор Академии прот. А.П. Орлов 1919г. мая 5 определен был на священническую вакансию к Троицкой, на Арбате, церкви, а 27 апреля 1920г. перемещен на таковую же вакансию к Казанской, у Калужских ворот, церкви.

Проректор Академии э-о. проф. архим. Иларион, вследствие назначения его епископом Верейским, викарием Московской епархии, был освобожден от должности проректора Академии с 21 апр. 1920г. На должность проректора Академии Советом в собрании 2/15 мая 1920г. был единогласно избран и Высшим церковным управлением утвержден (указ от 19 июня/2 июля за № 1791) э-о. проф. архим. Варфоломей.

На освободившуюся вследствие назначения архим. Варфоломея епископом Сергиевским, викарием Московской епархии должность проректора Советом Академии в собрании 2/15 августа 1921г. единогласно был избран и Высшим Церковным Управлением утвержден (сообщение от 21 авг./3 сент. за № 1285) э-о. проф. протоиерей В.Н. Страхов.

На освободившуюся за смертью орд. проф. А.И. Алмазова кафедру церковного права Советом Академии в собрании 21 апр./4 мая 1920г. единогласно был избран э-о. профессором по названной кафедре и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ

от 21 июля/3 авг. за № 2154) член Высшего Церковного Совета, сверхштатный профессор Академии И.М. Громогласов.

На освободившуюся за смертью ор. проф. Н.В. Лысогорского кафедру истории и обличения русского раскола Советом Академии в собрании 12/25 мая 1920г. единогласно был избран в звании и.д. доцента по названной кафедре и Высшим Церковным Управлением утвержден (указ от 19 июня/2 июля за № 1791) кандидат богословия и профессорский стипендиат Академии 1909 года епископ Никанор (Кудрявцев).

Определением Совета Академии от 12/25 мая 1920г. постановлено было открыть при кафедре библейской археологии и еврейского языка, вследствие болезненного состояния э-о. проф. прот. Е.А. Воронцова, две приват-доцентуры: одну по еврейскому языку, и вторую по библейской археологии. Приват-доцентом по кафедре еврейского языка в том же собрании Совета единогласно был избран и Высшим церковным управлением утвержден (указ от 19 июня/2 июля 1920г. за № 1791) кандидат богословия и профессорский стипендиат Академии 1914г. приват-доцент Петроградского государственного университета М.Н. Соколов.

Вследствие призыва и. об. секретаря Совета игумена Иоасафа и и. об. эконома Академии священника К.П. Любомудрова в тыловое ополчение, исправление обязанностей казначея Академии поручено ректору Академии прот. А.П. Орлову, а исполнение обязанностей секретаря Совета — проф. (а ныне и проректору) прот. В.Н. Страхову.

Профессора Академии — прот. Д.В. Рождественский, Н.Л. Тулицкий, Ф.М. Россейкин, свящ. А.М. Туберовский, свящ. И.М. Смирнов, Ф.К. Андреев и сверхшт. э-о. проф. А.И. Покровский вследствие их отъезда из Москвы участия ни в Совете, ни в чтении лекций не принимали.

Сверх того, к преподаванию в Академии с разрешения Высшего Церковного Управления были допущены следующие лица: 1) С.Г. Рункевич — по русской церковной истории; 2) прот. В. Металлов — по теории и истории церковного пения; 3) прот. Н.Г. Попов — по истории византийской Церкви; 4) А.А. Покровский — по истории древнеславянской церковной письменности; 5) акад. А.И. Соболевский — по истории русского языка; 6) В.Т. Георгиевский — по истории христианского искусства и 7) свящ. С.И. Голощاپов — по христианской систематической философии.

3. Деятельность Совета и Исполнительной Комиссии.

В течение отчетных лет Совет Академии имел 6 собраний: одно – торжественное 1 окт. 1919г. – в день акта – и 5 обыкновенных. Последние были посвящены приему студентов и вольнослушателей, рассмотрению и утверждению программ и учебных планов, замещению вакантных кафедр, присуждению ученых степеней.

В степени кандидата богословия утверждены Советом Академии в 1919/20 году 4 студента, а в 1920/21 – 8 студентов, окончивших полный академический курс.

Исполнительная комиссия за отчетные годы имела 23 собрания. Ее деятельность состояла в организации учебных занятий, в приискании соответствующих помещений, в выработке учебных планов, в изыскании средств на содержание Академии.

Учебные занятия в Академии за отчетные годы происходили следующим образом. В течение первого семестра 1919/20 года Академия вела преподавание по традиционной курсовой системе, с подразделением студентов на соответствующие группы. Но затем, ввиду выяснившегося неудобства этой системы при крайнем малолюдстве студентов, – так как некоторые группы состояли из 2-3 слушателей, – Академия перешла к преподаванию по предметной системе. Лекции читались всем студентам без различия курса зараз, с таким расчетом, чтобы в течение 4 лет каждый студент имел возможность прослушать полный цикл академических наук. Принимая во внимание крайне тяжелые базовые условия, не благоприятствующие требованиям нормального академического образования, а также отсутствие некоторых профессоров, Исполнительная Комиссия определила минимум того, что должен сделать студент Академии для получения степени кандидата богословия. Студент для этого должен прослушать и сдать экзамены по 14 общеобязательным предметам (Ветхий Завет – две кафедры; Новый Завет – две кафедры; Основное богословие, догматическое богословие, нравственное богословие, пастырское богословие, гомилетика, литургика, общая церковная история, русская церковная история, церковное право, патрология) и 10 групповым предметам, по выбору студентов, из прочих наук, читаемых в Академии; написать 5 семестровых сочинений, четыре проповеди и кандидатское сочинение.

Применительно к этому общему плану преподавания в 1919/20 учебном году при двух семестрах читались лекции: по Священному Писанию Нового Завета (1-й и 2-й кафедрами), по истории древней Церкви, по истории русской Церкви, по церковному праву, по литургике, по нравственному богословию, по пастырскому богословию, по Свящ. Писанию Ветхого Завета (2-я кафедра), по библейской истории, по истории и обличению западных исповеданий, по еврейскому языку, по новозаветной филологии, по религиозной психологии, по славянской палеографии, по теории и истории церковного пения; в 1920/21 уч. году при одном семестре (с октября по май) по Свящ. Пис. Нового Завета (1 и 2 кафедры), по патрологии, по истории христианского искусства, по систематической христианской философии, по истории древнеславянской церковной литературы, по истории Византийской Церкви, по гомилетике, по истории и обличению западных исповеданий.

Средства на содержание Академия получала с одной стороны от высшей церковной власти – в виде неперiodических субсидий, – с другой, от тарелочного сбора по московским церквам, который, с благословения Его Святейшества, был произведен за богослужениями 14 сентября 1919 и 14 сентября 1920г. В 1919г. этот сбор дал 98.747 рублей. Установить сумму церковного сбора за 1920/21 уч. год в настоящее время не представляется возможным вследствие ареста проф. В.П. Виноградова, заведовавшего (в качестве члена Московского епархиального совета) этим сбором. В 1919/20 уч. году поступили в Академию пожертвования: от Святейшего Патриарха Тихона – 10.000 р., и в 1920/21 году: от епископа Печерского, викария Нижегородского Варнавы – 3.000 р., от Высокопреосвященнейшего митрополита Евсевия – 50.000 р., и от Святейшего Патриарха Тихона – 200.000 р. Исполнительная комиссия разрабатывала смету, определяла способы приема, хранения и расходования сумм.

Особенную заботу Исполнительной Комиссии составляло устройство "академических" всенощных, как практической школы богослужения и проповедничества. Эти всенощные удалось организовать в 1920/21 уч. году в храме св. Иоанна Воина, на Божедомке. В служении этих всенощных и в проповедовании за ними Слова Божия принимали участие и профессора, и студенты.

4. Занятия наставников Академии

Занятия наставников состояли в чтении лекций по программам, представленным в начале учебного года и утвержденным Советом, в ведении практических занятий, чтении студенческих сочинений и проповедей.

Ректор Академии прот. А.П. Орлов в течение осеннего и зимнего семестра прочитал группе студентов 3 и 4 курсов: 1) об основных моментах развития русской богословско-исторической науки о католичестве; 2) о католическом догмате главенства и непогрешимости Папы; 3) о *Filioque* и о непорочном зачатии Богоматери; 4) о католической сотериологии. В течение весеннего и летнего семестра того же года было прочитано общему курсу студентов Академии: 1) об основных исторических факторах реформации; 2) о религиозно-реформаторском развитии М. Лютера; 3) о главнейших догматах лютеранства. В 1920/21 году о. ректором были ведены практические занятия по истории и обличению западных исповеданий, каковые занятия состояли, с одной стороны, в чтении и разборе студентами рефератов по вопросам западно-христианской истории и идеологии, а, с другой стороны, в чтении и комментировании символических книг католического и лютеранского исповеданий.

Проректор Академии прот. В.Н. Страхов в 1919/20 году прочитал студентам вводные сведения о жизни св. ап. Павла и его посланиях; в 1920/21 году вел толкование 1-го послания к Коринфянам 31-6 гл. и по библейскому богословию прочитал об антропологии ап. Павла.

Проф. еп. Иларион прочитал в 1919/20 уч. году историю новозаветного канона и текста, а в 1920/21 вел толкование Евангелий.

Проф. еп. Варфоломей в 1919/20 уч. году читал о пророческих книгах Ветхого Завета.

Проф. прот. Д.А. Лебедев в 1919/1920 прочитал историю гонений и первых 4-х вселенских соборов.

Проф. Н.И. Серебрянский в течение зимнего семестра 1919/20 года прочитал о домонгольском и монгольском периоде русской церковной истории.

С.Г. Рункевич в течение летнего семестра того же года прочитал о главнейших явлениях русской церковно-исторической жизни синодального периода.

Проф. М.М. Тареев в 1919/20 уч. году в зимнем семестре прочитал старый курс по христианской этике. Содержанием его было раскрытие общей идеи религиозной нравственности, распадающейся на две области: 1) духовная реальность (христианский опыт), которая служит предметом христианской философии, и 2) объективная (социально-историческая, в христианстве церковная) практика, которая составляет тему собственно этики. В свете этой идеи был затем рассмотрен в общих чертах весь план нравственного богословия. По всем основным вопросам этого богословия было показано расхождение между старой схоластической наукой и новым русским богословием в лице его лучших представителей — еп. Феофана, еп. Иннокентия, протопр. Янышева и др.

Проф. Д.И. Введенский в 1919/20 уч. году прочитал 1) начальную историю мира и человека по данным Библии и общей истории; 2) мир послепотопный; 3) историю судей; 4) ветхозаветные прощательства в связи с историей царей.

Проф. И.М. Громогласов в течение 1919/20 года прочитал об основах церковного строя, о церковном устройстве, об имущественном и внешнем праве Церкви.

Проф. П.П. Соколов по религиозной психологии в течение 1919/20 года прочитал о главнейших явлениях религиозно-душевной жизни человека в связи с новейшими исследованиями в области экспериментальной психологии.

Проф. прот. И.В. Гумилевский прочитал в 1919/20 году о культе вообще и о литургии.

Проф. И.В. Попов в течение 1920/21 уч. года прочитал о литературе мужей апостольских и христианских апологетов, кончая Оригеном.

Преп. В.Т. Георгиевский в том же году прочитал о древнехристианском искусстве, искусстве византийском до падения Константинополя и о древнерусской иконописи.

Проф. С.И. Соболевский в том же уч. году преподавал основные сведения по греческой этимологии и вел филологический анализ отрывков из Евангелий.

Проф. акад. А.И. Соболевский в течение летнего семестра 1919/20 года прочел общий курс истории древнеславянского языка.

Преп. свящ. С.И. Голощاپов в 1921/22 году прочитал гносеологию и о космологической проблеме.

Преп. прот. Н.Г. Попов в том же году прочитал о правовом положении Церкви в Византийском государстве, о рел.-нравственном состоянии византийского общества, о духовном просвещении, о миссии, о борьбе Константинопольской Церкви с папством.

Преп. прот. В. Металлов в 1919/20 уч. году прочитал курс истории богослужебного пения вообще и православно-русского в частности. Приват-доцентом Соколовым М.Н. в том же году была изложена грамматика древнееврейского языка и прочтены библейские тексты из кн. Бытия и Исхода по хрестоматии Коссовича.

Сосредотачивая свое внимание на учебном деле, наставники Академии в то же время занимались церковно-просветительной деятельностью. Так, ректор Академии прот. А.П. Орлов участвовал в нескольких религиозных диспутах в фабрично-рабочих клубах г. Москвы, провел ряд бесед на религиозно-общественные темы в различных московских храмах, и в благочинническом собрании 1 и 2 отделений Пречистенского сорока прочел реферат на тему "Христианско-социальное движение на католическом и протестантском западе".

Проректор прот. В.Н. Страхов участвовал в нескольких религиозных диспутах на фабриках и в рабочих клубах г. Москвы и прочитал целый ряд публичных лекций на общую тему: "Религия и коммунизм" в храме Св. Троицы на Листах и в других храмах г. Москвы, а также провел ряд бесед и на другие религиозно-общественные темы, напр., "Наука и знание", "Православное учение о спасении", "Есть ли Бог", "Происхождение религии", "О мощах", "О воскресении Христа".

Особенно широкие размеры имела церковно-просветительная деятельность проф. еп. Илариона. Он принимал участие во многих религиозных диспутах на фабриках, заводах и в разного рода учреждениях, прочитал много публичных лекций на религиозно-богословские темы.

Проф. В.П. Виноградов прочитал публичные лекции во многих храмах г. Москвы.

Проф. И.М. Громогласов состоял и состоит членом Высшего церковного управления, равно как принимал участие в чтении лекций в храмах г. Москвы.

5. Состав учащихся, их учебные занятия и церковно-просветительная деятельность.

В состав студентов Академии, на основании § 16 "Временных правил для православных Духовных Академий", зачислялись без поверочных испытаний воспитанники духовных семинарий 1-го и 2-го разрядов и окончившие курс в высших светских учебных заведениях, и с обязательством выдержать дополнительные экзамены в течение первого академического курса — окончившие 4 класса духовных семинарий и светские средние учебные заведения (бывшие гимназии, реальные и коммерческие училища, кадетские корпуса и теперешние трудовые школы).

В 1919/20 уч. году зачислено было 50 человек, из них — 46 в качестве студентов и 4 — вольнослушателей. В 1920/21 году зачислено 30 человек; 25 в качестве студентов и 5 — вольнослушателей.

На втором курсе к началу 1921/22 уч. года насчитывается 11 человек, на 3-м — 11, на 4-м — 9. На первый курс в августе 1921 г. принято 65 студентов и 13 вольнослушателей.

Учебные занятия студентов состояли в слушании и усвоении лекций, участии в практических занятиях, писании семестровых и кандидатских сочинений, составлении проповедей. Ежедневно лекции читались пять дней, по 4 лекции каждый день; они начинались в 6 часов и заканчивались в 9 часов вечера. Чтобы оценить труд студентов для одного только посещения лекций, нужно иметь в виду следующее: почти все они должны были на советской службе проводить время от 10 до 4 часов. Затем, наскоро победав дома или же прямо от службы они являлись в Академию и возвращались домой около 10-11 часов. Рассеянные по разным местам Москвы, некоторые на расстоянии одного часа и более ходьбы от Академии, они при отсутствии трамвайного сообщения должны были не только уходить, но и приходить пешком.

Волею правительства в 1918 году все духовно-учебные заведения были закрыты. Милостью Божией, благодаря содействию высшей церковной власти, Московская Духовная Академия продолжает существовать, несмотря на все неблагоприятные для ее жизнедеятельности условия, прилагая все старания, чтобы пронести до лучших дней светильник высшей богословской школы в верности историческим традициям и заветам Академии.

Ректор Академии Протоиерей Анатолий Орлов

ПАМЯТИ АРХИЕПИСКОПА ВАСИЛИЯ БРЮССЕЛЬСКОГО (1900 - 1985)

Архиепископ Василий Брюссельский и Бельгийский (в миру Всеволод Кривошеин) был призван ко Господу 22 сентября 1985 в родном городе Петербурге, где он родился 19 июня 1900 года и где провел всю свою юность вплоть до Первой мировой войны. Его отец, А.В. Кривошеин, был министром земледелия и землеустройства в царствование императора Николая II.

Февральская революция застала его студентом филологического факультета Петроградского университета. Переехав вскоре в Москву, Всеволод решил перебраться на юг и вступить в ряды Добровольческой Армии. Вследствие военных действий Всеволод был вывезен из Новороссийска в Каир в конце 1919 г. В 1920 г. он оказался в Париже со всеми оставшимися в живых членами своей семьи. Он поступил в Сорбонну и одновременно принимал участие в съездах Русского Студенческого Христианского Движения.

В 1924 г. он записался студентом в только что основанный митрополитом Евлогием Св. Сергиевский Богословский институт в Париже, но почти сразу, приняв участие в экскурсии на Афон, решил остаться там навсегда.

Всеволод принял постриг в русском Св. Пантелеймоновском монастыре; в монашестве ему было дано имя Василий. Постепенно, наряду с обычными монастырскими послушаниями, овладев греческим языком, о. Василий стал вести канцелярскую работу монастыря и был допущен в ценнейшее книгохранилище обители, где находятся древние греческие рукописи и архивы. С этого времени началось его увлечение святоотеческой письменностью.

Уже в 1936 году о. Василий приобрел известность своей замечательной работой о тогда еще мало известном святом Григории Паламе ("Аскетическое и богословское учение св. Григория Паламы").

В 50-х годах о. Василию пришлось покинуть родной монастырь. Тогда же я с ним познакомился в Афинах, где мы часто встречались либо в русской церкви св. Никодима, либо в Национальной

библиотеке, где мы оба работали в отделе греческих древних рукописей.

В 1951г., благодаря ходатайству митрополита Германоса Фиотирского, о. Василию удалось получить приглашение в Оксфордский университет, чтобы участвовать в составлении "Греческого Святоотеческого Словаря". С тех пор и расширилась его научная работа по святым отцам Церкви и, главным образом, по изданию научного греческого подлинника трудов преп. Симеона Нового Богослова, во французской коллекции «Sources Chrétiennes». Его издательская работа увенчалась напечатанием блестящей монографии о преп. Симеоне, вышедшей одновременно по-русски и по-французски в 1980г. (в изд. YMCA-PRESS).

Уже по приезду в Оксфорд о. Василий принял священство, а в 1959г. состоялась в Лондоне его епископская хиротония на Бельгийскую кафедру Московской Патриархии. С 1960г. до самой своей кончины владыка Василий жил в доме при русском храме в Брюсселе.

За эти 25 лет своего епископства вл. Василий принимал деятельное участие в междухристианских и всеправославных съездах и совещаниях как представитель Московской Патриархии.

Будучи глубоко преданным русской Церкви, вл. Василий скорбел о ее состоянии подневольности в отношении к советскому государству. Его глос был одним из немногих, прозвучавших во время заседаний Московского Собора в 1971г., когда он выступил в пользу тайного голосования при избрании будущего Московского Патриарха.

Тогда же вл. Василий публично и повторно выступал против так называемых постановлений 1961г. о приходах. Он оспаривал эти постановления как противные канонам, нарушающие единство церковного управления, передающие всю власть в приходах мирянам, одним словом, вредные для Церкви.

После Всемирной Ассамблеи и Всемирного Совета Церквей в Найроби в 1976г. вл. Василий выступил с открытым письмом, обращенным к пастору Филиппу Поттеру, генеральному секретарю Всемирного Совета Церквей. В этом письме вл. Василий выражал свою высокую оценку и всецелую поддержку выступлениям в защиту христиан в Советском Союзе, страдающих от тяжелой дискриминации и даже преследований: "Выражаю свою глубокую благодарность всем, кто возвысил свой голос в Найроби в защиту

религиозной свободы в Советском Союзе и нарушил тем самым скандальное молчание, хранившееся до последнего времени по этому вопросу. Надеюсь, что борьба за права верующих в России будет продолжаться..."

А в 1980г. вл. Василий отправил телеграмму Л.И. Брежневу, в которой он "восставал с возмущением против полицейского произвола на русскую православную Церковь при аресте отца Дмитрия Дудко, ревностного пастыря и проповедника веры. В качестве епископа, принадлежащего к Московской Патриархии, — писал он, — я требую немедленного освобождения сего достойного священнослужителя".

Тогда же вл. Василий выступал в бельгийской прессе по случаю ареста и тюремного заключения о. Глеба Якунина и о. Дмитрия Дудко: "Я возмущен этими арестами и всеми формами религиозного преследования со стороны государства".

Вышеупомянутые выступления достаточно обрисовывают ревностную и бескомпромиссную любовь владыки Василия к русской Церкви в эпоху бесчисленных и тяжких ее испытаний. Сумев сочетать полную лояльность по отношению к церковной власти с сильным и могущественным словом против государственного произвола и насилия, он говорил во всеуслышание от имени русской Церкви, принужденной к молчанию, он выразил ее страдание и дал громкий голос ее живой совести.

В сентябре 1985г. вл. Василий совершил поездку в Россию. 12 и 15 сентября он служил в Преображенском соборе в Ленинграде, где его крестили 85 лет тому назад. После обедни он почувствовал себя плохо и был сразу же помещен в больницу. 22 сентября владыка скончался. Он был похоронен в русской земле, на Серафимовском кладбище родного города.

Кончина его на русской земле видится мне как явный знак Божьего благословения за длинную, трудную и многострадальную жизнь архипастыря и богослова в служении Русской Церкви и в свидетельстве Правды Христовой.

"Душа его во благих водворится".

Протоиерей Борис Бобринский

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ АРХИЕПИСКОПА ВАСИЛИЯ О СОБОРЕ 1971 г.

О поместном Соборе русской православной Церкви, состоявшемся с 28 по 31 мая 1971 г. и избравшем в Патриархи митр. Пимена, архиеп. Василий Кривошеин оставил пространные воспоминания в 255 страниц. Единственный из всех присутствующих иерархов (вместе с еп. Роттердамским Дионисием Лукиным), владыка Василий смело выступал по основным "спорным" вопросам: открытое голосование, утверждение постановлений о приходах, навязанных правительством в 1961 г., политическая направленность "послания" Собора. Приводим здесь наиболее характерные страницы из этих воспоминаний, те, что касаются выступлений архиеп. Василия и его встреч с молчаливыми, но сочувствующими ему иерархами, священниками и мирянами.

Воспоминания вл. Василия приобретают особую актуальность в наши дни, когда, в связи с болезненным состоянием патриарха Пимена, становится вопрос об избрании ему заместителя.

Н.С.

Выступление на предсоборном совещании (28-го мая).

... После этого взял слово я. Как и все другие выступления, передаю сказанное мною в сокращении, на основании записей и памяти. Я всецело согласен с тем, что сказал митр. Антоний (Блюм), начал я. Должен сказать, что когда мы получили информацию патриархии о единой кандидатуре и открытом голосовании, это известие вызвало у нас всеобщее возмущение. Оно было воспринято многими, как какой-то вызов, провокация. Точно нам оплеуху дали. Я был рад услышать сейчас, что "единая кандидатура" в смысле единого обязательного кандидата основана на недоразумении, что дело идет о неудачном выражении информационного бюллетеня и что на Соборе каждый будет свободен

голосовать за кого хочет. Жалею, что неудачное выражение вызвало такое смущение среди верующих. Но остается вопрос об открытом или тайном голосовании. Выборы патриарха носят персональный характер, а в персональных вопросах тайное голосование обязательно для обеспечения свободы выборов. Если патриарх будет избран открытым голосованием, это даст всем врагам нашей Церкви повод оспаривать свободу выборов. Это подорвет авторитет будущего патриарха, затруднит дело воссоединения отпавших. Зачем давать врагам нашей Церкви повод нападать на нее. Я говорю все это не потому, что я против кандидатуры митр. Пимена. Я много ломал голову над календарем с портретами наших иерархов и никого кроме владыки Пимена подходящего не нашел. Один слишком стар, другой слишком молод, а третий мне недостаточно известен. Считаю митр. Пимена достойным кандидатом в патриархи и заявляю, что будет ли тайное, будет ли явное голосование, я буду голосовать за митр. Пимена. (Когда я сказал это, митр. Пимен привстал со своего места за председательским столом, слегка поклонился и сказал вполголоса: "Благодарю Вас!". Мне этот жест показался преувеличенным. Он должен бы выявить полное равнодушие, как будто бы мои слова к нему не относятся. Такова по крайней мере монашеская традиция). Думаю, что так мыслят все. Но тогда тем более не нужно делать открытых выборов, раз и при тайном голосовании проявится единодушие. Как ни важны, однако, эти вопросы о способе выборов, есть другой вопрос, неизмеримо более важный и более существенный для Церкви, это вопрос о так называемом Архиерейском Совещании 1961 года и о вынесенном на нем постановлении о приходах. Я потому говорю "так называемое", что не могу считать это собрание архиереев настоящим каноническим архиерейским Совещанием. (При этих словах лицо митр. Пимена выразило недоумение). Не могу потому, что на него не были приглашены все архиереи русской Церкви, как полагалось для Архиерейского Совещания. Не были приглашены заграничные архиереи — митрополит Антоний и я. Правда, сейчас говорят, что их потому не пригласили, что постановления о приходах относились только к Церкви в пределах Советского Союза и не распространялись на границу, но ведь на этом Совещании был также рассмотрен и решен вопрос о вхождении русской православной Церкви во Всемирный Совет Церквей, а это касается всей нашей Церкви, а не только части ее в пределах Советского Союза.

Но вот что странно и противоречиво: с одной стороны говорят, что постановления о приходах не относятся к заграничной части нашей Церкви, есть чисто внутреннее дело, а с другой стороны хотят, чтобы мы, заграничные епископы, их бы одобрили. Здесь есть противоречие. Одобрить их я по совести, однако, не могу. Прежде всего, они нарушают церковные каноны, а именно 38 и 41 апостольское правило, согласно которым "Епископ да имеет заботу о всех церковных вещах" (пр. 38) и "Предписываем епископу иметь власть над церковными вещами. И если ему следует вручать ценные человеческие души, то тем более ему должно управлять деньгами, так чтобы по его власти все бы управлялось, а нуждающимся подавалось бы со страхом Божиим и всяким благоговением через пресвитеров и диаконов" (41 правило). А между тем по постановлениям 1961 года епископ совершенно отстранен от всякого контроля над материально-хозяйственной стороной жизни приходов. Также отстранены и настоятели приходов, эти представители и доверенные лица епископов, и вся административно-хозяйственная жизнь прихода всецело передана группе мирян, так называемой двадцатке и избираемому ею исполнительному органу. В этот исполнительный орган настоятель не может входить. Более того, он и вообще духовные лица священнослужители не могут быть членами двадцатки, не входят в состав прихода, а рассматриваются как наемные служащие, назначаемые и увольняемые исполнительным органом двадцатки. Я не буду касаться вопроса, какие последствия в церковной жизни имели эти постановления, хотя со всех сторон слышишь, что эти последствия были отрицательными. Не буду касаться, ибо, как живущий вне пределов России, я могу быть недостаточно осведомлен. Но одно несомненно: постановления 1961 года нарушают самые основы православной церковной жизни, единство церковного управления, сосредоточенного и возглавляемого епископом. Говоря это, я отнюдь не предлагаю вернуться к порядкам 1945 года, как это говорилось здесь. Там был перегиб в смысле предоставления слишком большой власти настоятелям и умаления участия мирян в управлении материальной стороной приходской жизни. Это имело результатом злоупотребления. Но в 1961 году произошел перегиб в противоположную сторону: настоятели были совершенно отстранены и все было передано мирянам. Нужно сейчас выработать нечто среднее. Устранить оба перегиба, так чтобы права мирян в хозяйственной жизни

приходов были бы сохранены, а надзор епископов и настоятелей над всеми сторонами жизни прихода, духовной и материальной, восстановлен. Чтобы настоятели опять стали возглавителями приходов, а не наемниками. Это самая главная, после выбора патриарха, задача Собора. А теперь несколько слов о докладе владыки Никодима о старообрядцах. Это был несомненно интересный и содержательный доклад, но он был бы более уместен на конгрессе историков или в богословской комиссии, чем на нашем Совещании. Этого вопроса не было в программе. Вы застали нас врасплох. Принципиально я конечно за снятие клятв со старообрядцев, но как именно это сделать — об этом надо подумать.

Встреча с архиепископом Иркутским Вениамином (29-го мая)

ВЕНИАМИН
архиепископ Иркутский
и Читинский
(1900-1976)

/ ... / На следующее утро, после утреннего чаю, мне удалось ближе познакомиться и разговориться с архиеп. Иркутским Вениамином (Новицким). Он поражает своим внешним видом. Сгорбленный, без единого волоса на голове и на лице, точно кто-то обрил ему начисто голову, усы и бороду. Первое впечатление какого-то скопца или латинского патера. А между тем, еще несколько лет тому назад у него были и усы и борода. С тех пор они совершенно вылезли. Все это, как и сломанная спина, последствие долголетнего пребывания

на советской каторге. Говорят, что его там избивали, спинной хребет сломали, а волосы вылезли от лишений, хотя не сразу, но много лет спустя. Архиепископ Вениамин родился в 1900 году, перед самой войной 1939 был в сане архимандрита заместителем Почаевской Лавры в тогдашней Польше. В 1940 году был, после вступления туда советской армии, рукоположен во епископы Московской

Патриархией. По-видимому, остался на Вольни при немецкой оккупации, точно сказать не могу, так как нигде в изданиях патриархии, мне известных, его биография не была напечатана. Во всяком случае, как он сам мне сказал, был арестован в 1943 г., вероятно вернувшись красными, и сослан на Колыму, где пробыл двенадцать лет до 1955 г. Я спросил архиеп. Вениамина, что он думает о постановлениях 1961 года и о моих выступлениях на вчерашнем Архиерейском Совещании против них. Испуганно озираясь по сторонам, архиепископ Вениамин полушепотом стал мне говорить, что свое мнение он уже высказал в нескольких своих записках в Предсоборную Комиссию, где он их критиковал, указывал на их отрицательные последствия и вместе с тем указывал, какие в них нужно внести изменения, сравнительно небольшие, в сущности только ввести настоятеля в исполнительный орган двадцатки, чтобы сделать эти постановления приемлемыми для Церкви и не противоречащими советским законам. Мои выступления он одобряет и считает, что я говорил правильно. "Почему же вы не выступили тогда на Совещании и не сказали всего этого?" — спросил я архиепископа Вениамина. "Меня обманули, — буквально ответил он, — вызывали в Предсоборную Комиссию и долго внушали, что постановления 1961 г., как вытекающие из государственных законов, не дискуссионный вопрос, что никакой дискуссии о них не будет и не должно быть. Теперь я вижу, что дискуссия была. Меня обманули". "Владыко, — ответил я, — но раз вы увидели, что дискуссия была, почему же вы тоже не высказали свои взгляды?" Архиепископ Вениамин посмотрел на меня: "Знаете, я пробыл двенадцать лет на каторге на Колыме. Вновь начинать это в моем возрасте я не в силах. Простите!" Далее мы разговорились о его записке в Предсоборную Комиссию. Архиеп. Вениамин сказал, что охотно мне ее даст. "Если можете, вывезите ее за границу. Пусть там знают, что здесь происходит. Можете ее показывать другим, но ни в коем случае не печатайте, даже без моего имени. Догадаются. А посылать документы за границу, это у нас считается измена родине". Далее арх. Вениамин мне рассказал, что у него в епархии 25 приходов, разбросанных на колоссальном расстоянии вплоть до Владивостока и Якутского края. Он старается их все посещать по возможности часто. От себя скажу, что, как я слышал от многих, архиеп. Вениамин один из лучших русских архиереев, как по своим административным способностям, так и по духовному руководству своими

пасомыми. Но какой же он патриарх, думал я, при его старческой хилости, неблагообразной внешности, а главное, крайней запуганности. А как епархиальный архиерей он вероятно один из лучших.

Встреча с митр. Алма-Атинским Иосифом

ИОСИФ
архиепископ Алма-Атин-
ский и Казахстанский
(1893-1975)

/ ... / За обедом мы разговорились с митрополитом Алма-Атинским Иосифом. Вернее, он сам заговорил со мною. Правда, я нарочно сел около него. "Вчера все архиереи, — начал он, — слушали вас и были согласны с тем, что вы говорили. Все архиереи лобзали ваши уста". "Но почему же тогда все молчали?" — спросил я. "Мы забыты. Не можем говорить, но вы говорили от имени всех. Спасибо вам". Я был потрясен, но вместе с тем утешен. В дальнейшем, как и при других наших встречах, митр. Иосиф, в ответ на мои вопросы, много рассказывал про свою жизнь. Соединяю эти

рассказы вместе. Ему сейчас было 78 лет. Конечно, возраст чувствовался и видно было, что он много пережил, но в нем не было заметно того жуткого, трагического, страдальческого, что так потрясало во внешнем облике архиеп. Вениамина. Наоборот, при всей старческой хилости, митрополит Иосиф производил впечатление жизнерадостного человека, склонного пошутить и даже поюродствовать. (Архиепископ Минский Антоний даже усматривал в этой склонности к юродству одно из препятствий, почему митр. Иосиф не может быть избран патриархом. "Посмотрит он на вас, — рассказывал он мне в Брюсселе, — и вдруг неожиданно скажет: А глаза-то у вас светлые, светлые... — Для патриарха это неудобно"). Родился митрополит Иосиф в Могилеве. Все его образование — "образцовое начальное училище". С тринадцатилетнего возраста —

послушник общежительного монастыря. Священствует с 1915 г. (т. е., выходит, с возраста 22 лет, что очень рано, даже в монастыре). Дальнейшая его церковная деятельность после революции проходила в Ростове. В 1925 г. он был, будучи в сане иеромонаха, арестован и сослан. Пробыл в ссылке два с половиной года. В 1932 г. был хиротонисан митрополитом Сергием епископом Ростовским. (Таким образом, митр. Иосиф является в настоящее время вторым по старшинству епископом русской православной Церкви. Первый — митрополит Орловский Палладий, хиротонисанный в 1930 г., старец 81 года). Вскоре митр. Иосиф был снова арестован и пробыл в заключении два с половиной года, опять арестован в третий раз. В начале войны был епископом в Ростове и остался там во время немецкой оккупации. У него были, по его словам, большие трудности с немцами, они по доносам обвиняли его в большевизме, вызывали не раз на допрос, грозили арестом и расстрелом. "Я им сказал: Большевики-безбожники никогда со мною так грубо не говорили, как вы", — рассказывал мне митр. Иосиф. Немцы обвиняли его в большевизме за то, что он поминал патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия. Тем не менее, после ухода немцев из Ростова, митрополит (тогда епископ) Иосиф был вновь арестован и провел в сибирских лагерях десять лет. / ... / Как бы то ни было, митр. Иосиф, несмотря на свой возраст, был человеком живого ума, не говоря уже о его духовной мудрости. В нем было удивительное сочетание старца с юродивым. Но старца, прошедшего через тяжкие испытания советской жизни и на которого советский режим наложил свой отпечаток. "Часто я себя спрашиваю, — говорил он мне, — правильно ли мы делаем, что молчим и не изобличаем открыто, что творится в Церкви, и какие она переживает испытания и трудности? Другой раз мне становится противно и я хочу все бросить и уйти на покой. И совесть меня упрекает. Но потом та же совесть говорит мне, что нельзя бросать верующих и Церковь. А ведь выступить с обличением или даже открыто критиковать церковные порядки, это значит, в лучшем случае, быть сразу же отстраненным от всякой церковной деятельности, а все равно ничто не изменится. Вот я и стараюсь, пока есть силы, тихо трудиться для Церкви. Служу часто, каждый раз проповедую, объезжаю приходы. У меня их 45, разбросаны на громадном пространстве Казахстана. Ведь в мою епархию входят 19 областей, так что мне приходится иметь дело с 19 уполномоченными. Расстояния, колоссальные,

часто более тысячи километров". "На чем же вы разъезжаете?" — спросил я. "У меня две машины. Стараюсь назначать хороших священников, удалять плохих. А главное — служить часто литургию и молиться за всех". "А как теперь сложилась ваша личная жизнь? Не обижают ли вас?" "Сейчас — нет, — ответил он. — Живу в отдельном хорошем доме. Развожу в моем саду розы, их у меня более ста штук. С уполномоченным отношения хорошие". "А я слышал, что он (т. е. республиканский уполномоченный) даже предлагал вам выставить кандидатуру вашу в патриархи?" "На это я никогда не соглашусь. Во-первых слишком стар, а затем у меня нет богословского образования, да и светское маленькое. Не хочу, чтобы меня потом в Синоде укоряли за невежество, заставляли бы соглашаться с их мнениями потому, что они богословы, а я неуч и должен их слушаться". И я должен был с ним внутренне согласиться: при всех своих духовных качествах и стойкости в вере, митрополит Иосиф для патриарха не подходит: как он сам признается, слишком стар и мало образован.

Епископ Леонид Рижский и митр. Ярославский Иоанн (30 мая)

ЛЕОНИД
архиепископ Рижский
и Латвийский
(род. в 1913)

/ ... / Литургия прошла молитвенно и торжественно. После окончания ее мы вышли на площадь перед собором. Там собралось много народу, как членов Собора, так и просто молившихся в церкви. Люди разбились на группы и беседовали между собой. Ко мне подошел архиепископ Рижский Леонид. "Простите меня, — сказал он, — что я вчера не ответил на ваш вопрос. Но около нас близко стояли люди. Боялся, что услышат. Конечно, я вполне сочувствую тому, что вы говорили на Архиерейском Совещании, особенно о приходах. Но нам говорить об этом

невозможно. Вы наверное знаете, что тех, кто писал в Предсоборную Комиссию о постановлениях 1961 года в смысле необходимости их изменения, вызывали в Москву и строго внушали не касаться на Соборе этих вопросов. Оппозиция постановлениям 1961 г. рассматривается властями как антисоветчина". Я спросил владыку Леонида, дошли ли до него мои письма из Брюсселя. "Как же, все дошли. Но, конечно, цензура их прочитала, и мы боялись, что вам не дадут визу для приезда на Собор". "Но это немыслимо, — возразил я, — это был бы большой скандал, ставший бы широко известным на Западе". "Да они бы вам прямо не отказали, а сказали бы, что произошло какое-то недоразумение, задержка, и дали бы вам визу через два дня по окончании Собора. И попросили бы извинения за задержку". "Однако, этого не случилось, — сказал я, — и советский консул в Брюсселе Куприанов был даже со мною любезен и без затруднений выдал визу". "Тем лучше, — сказал архиеп. Леонид, — но будьте осторожны. Вы собираетесь еще говорить на Соборе?" "О постановлениях 1961 г., да. Это самый важный вопрос. А о тайном голосовании говорить не буду. Достаточно было сказано на Совещании. Все равно выберут Пимена". "Не советую вам говорить, — ответил архиеп. Леонид, — вас могут не выпустить из Советского Союза". "Это очень маловероятно, — возразил я. — Хотя я и не бельгийский гражданин, а апатрид по паспорту, но все же я признанный бельгийским правительством епископ русской православной Церкви в Бельгии. Кроме того у меня много знакомств и связей с влиятельными бельгийскими кругами, начиная с кардинала Сюененса, да и в других странах, они не будут молчать, если меня задержат здесь, поднимется шум, создастся дипломатический инцидент, который совсем не в интересах советского правительства. Самое большое, что может произойти — это, что меня вышлют отсюда и в будущем не будут пускать приезжать". "Да, — заметил архиеп. Леонид, — но вы не должны забывать, что у вас в Москве брат и он может пострадать". "Тоже совершенно невероятно, сейчас все же не сталинские времена, — ответил я, — только за то, что я что-то скажу или не скажу на Соборе, с ним ничего не сделают. Брат знает о моих действиях и одобряет их. Он сам много сидел в лагерях и не боится". "Все это так, но будьте осторожны". После этого разговор перешел на трудности с уполномоченным, особенно в связи с двумя женскими обителями, находящимися в его епархии.

В час дня мы пошли обедать. Я сидел за большим столом, за которым обедало около восьми архиереев, среди них митрополит Ярославский Иоанн. Уже под конец обеда, он спросил меня через стол, так что всем было слышно: "Ну как, владыко, вы все еще остаетесь при вашем мнении о постановлениях о приходах или переменили?" "Остаюсь при моем мнении", — ответил я. "Разве прения на Архиерейском Совещании вас не убедили?" "Нет, не убедили". "И вы будете говорить об этом на Соборе?" "Да, предполагаю". "Почему? Вот митрополит Антоний решил не выступать". "Надо быть последовательным", — ответил я. На этом разговор прекратился, водворилось молчание, но лица у слушавших были напряженные.

На Соборе: присутствие старообрядцев

/ ... / Среди гостей был также старообрядческий архиепископ Павел, представитель так называемых "беглопоповцев". Как известно, они не признали законности так называемой "Бело-Криницкой" иерархии или "Австрийского согласия" и только после революции, в двадцатые годы, приобрели свою иерархию при посредстве известного архиепископа Андрея (Ухтомского), одно время ставшего старообрядцем (до своего перехода в обновленческую церковь или после, не знаю). Был и представитель "беспоповцев" из Риги И.С. Егоров, очень приятный и симпатичный русский человек. Но от главного, основного направления старообрядчества, "поповцев" Австрийского согласия (им в Москве принадлежит Рогожское кладбище) представителей на Соборе не было. Официальное объяснение: их архиепископ Иосиф умер, новый еще не был избран, а заместитель его, епископ Кишиневский Никодим, при отсутствии архиепископа не считает себя в праве представлять старообрядчество на Соборе. Объяснение, думаю, правильное, но недостаточное. По крайней мере наш митрополит Ленинградский Никодим, когда я его спросил о причинах этого отсутствия, ударил себя ладонью по лбу и сказал: "Беда в том, что этот епископ Никодим полный дурак! С ним никакие разговоры невозможны. Упрется на своем и кончено". Другие объясняют отсутствие поповцев на

Соборе тем, что они знали, что с них Собором будут сняты клятвы и тогда у них не будет предлога, чтобы не соединиться с православными. А к этому старообрядческая масса не подготовлена. Поэтому старообрядческие вожди хотят оттянуть решение.

Вторая беседа с архиепископом Иосифом

На следующий день, в понедельник 31 мая, к восьми часам утра я был уже в Покровском храме Московской Духовной Академии. Читалось утреннее молитвенное правило. До этого там уже отошла ранняя литургия, для насельников Академии и для "ревнителей", как бы вне программы Собора. На ней я по немощи душевной и телесной не был. Устал от вчерашнего дня и экономил силы для предстоящих "боев". В храме на правиле молилось много участников Собора — архиереев, священников, мирян. Среди них немало красочных лиц. Например, два бородача в высоких сапогах и с картузами в руках, один постарше, лет семидесяти, другой средних лет, около пятидесяти. Типичные старосты из мещан или купцов старого времени. И оба, особенно более молодой, такие солидные, с брюшком. Отрадно было узнать, что сохранились еще на Руси такие традиционные типы. После молитвы я, как и все, пошел завтракать, в один из залов, в том же академическом здании. Опять разговорились с митр. Алма-Атинским Иосифом. Мне хотелось с ним посоветоваться. "Владыко, — спросил я его, — меня некоторые здесь отговаривают больше не выступать о постановлениях о приходах. Что вы об этом думаете?" Спрашивая об этом, я имел в виду мой разговор с митр. Иоанном и отчасти с архиеп. Леонидом. Ответ митр. Иосифа был очень энергичным: "Тот, кто отговаривает — сволочь!" "Так, по-вашему, надо продолжать?" "Да, — сказал митрополит Иосиф, — продолжайте говорить и бороться за Церковь, даже если вам придется от этого пострадать. Благословляю вас от имени Церкви и верующих на этот подвиг. Я знаю, что вам это дорого далось, на вас будут нападать, но продолжайте". Я был тронут словами престарелого митрополита и благодарен за его нравственную поддержку, но все же думал про себя: ему легко поощрять меня на дальнейшую борьбу, но сам он, кроме этих слов, сказанных мне наедине, открыто меня ни в чем не

поддержит. Он, правда, преувеличивает, когда думает, что мне так дорого далось мое выступление. Я живу за границей, и непосредственно, физически со мною ничего не могут сделать. Другое дело "неприятности", их конечно, можно ожидать. Но именно потому, что я живу за границей, правильно ли *одному* выступать? Да разбирается ли этот святой старичок во всех этих сложностях? Почему он не выступает сам? Все же у меня сохранилось и даже усилилось после беседы с митр. Иосифом мое намерение выступить на Соборе по вопросу о постановлениях 1961 года. И только о них. Остальное все второстепенно.

Архиепископ Уфимский Иов (1898-1977)

/ ... / Во время обеда я сидел вместе (вернее, я сам нарочно сел) с архиепископом Уфимским Иовом (Кресовичем). Это был высокого роста представительный, благообразный старец 73 лет, державшийся очень бодро и с большим достоинством и вместе спокойствием. История его известна: в 1960 г., в начале хрущевского гонения, он, будучи в то время архиепископом Казанским, был осужден на три года заключения. Ему вменялись экономические злоупотребления, неуплата налогов, скрытие доходов, а попутно с этим сотрудничество с немцами во время оккупации, агитация против жертвований на кампанию за мир, нежелание в этой кампании участвовать. Помню, в июле 1960 г. покойный митр. Николай много мне рассказывал об архиепископе Иове. По его словам, настоящей причиной осуждения архиеп. Иова было его противодействие начавшейся тогда акции массового закрытия храмов. Архиеп. Иов разъезжал по селам и призывал верующих твердо стоять за свои храмы. Его посадили в тюрьму, чтобы напугать других архиереев не действовать так, как он. А относительно обвинения в скрытии доходов с целью неуплаты налогов, митр. Николай объяснял, что согласно с установившимися порядками архиереи платят налоги со своего жалования. Кроме того, они получают на представительство (а в это часто входит содержание машины, секретаря, поездки и т.д.). Эти суммы налога не подлежат и в инспекцию не заявляются. А вот к арх. Иову придрались,

что он эти суммы на представительство скрывал и налогов по ним не платил. Но даже в таких случаях, когда кто-нибудь скрывает доходы и не платит налогов, за это не сажают сразу в тюрьму, но предлагают уплатить недостающий налог, и только в случае отказа могут подвергнуть заключению. Архиеп. Иов предложил все уплатить, что с него требуют. Тем не менее его приговорили к трем годам. Мы разговорились с ним о покойном митр. Николае. Я рассказал ему мой разговор с ним. "Да, — сказал он, — все это суцая правда. И знаете, когда я попал в тюрьму, все меня бросили, все отреклись от меня, в том числе и патриарх. Испугались. Один митр. Николай (Ярушевич) не испугался. И до суда и после суда и осуждения поддерживал меня чем мог, писал мне. Он один!". Я спросил его, что с ним было далее. "После трех лет лагеря, — ответил архиеп. Иов, — я просидел полный срок, я три года был не у дел. Потом поехал в Москву в патриархию, узнать, не могу ли я вновь вернуться к церковной работе. Мне сказали, чтобы я узнал, нет ли возражений со стороны Совета по делам религии. Я пошел туда и спросил. Что вы, — сказали мне, — с нашей стороны нет никаких возражений. Это дело патриархии. И меня вновь назначили на кафедру и сейчас не беспокоят". Мы заговорили о соборных делах. Видно было, что он сочувствует моим выступлениям, но ожидать от него открытой поддержки было нельзя. Да я его об этом и не просил. Ни его, ни кого-либо другого. Это вопрос совести, да и как просить внутри-российских архиереев, когда знаешь, чем они рискуют. Он был одним из "великих молчальников" нашего Собора, к чести которых можно сказать, что они не произнесли ни одного слова в защиту неправды. И молчание их было многозначительно, ибо за многими из них стояли годы тюрем, лагерей и ссылок.

Архиепископ Омский Андрей

Среди других архиереев обращал на себя внимание архиепископ Омский Андрей (Сухенко). Тоже "великий молчальник". Тоже бывший лагерник. Тоже большого роста. Но какая во многом разница! Как известно, в 1962г. тогдашний архиепископ Черниговский Андрей был приговорен к восьми годам лагеря по обвинению в экономических злоупотреблениях и безнравственном

поведении. Думаю, что это обвинение столь же необоснованно, как и в случае с архиеп. Иовом. Однако, более долгий срок заключения и, вероятно, более тяжелые условия пребывания в лагере, а может быть просто меньшая сопротивляемость организма владыки Андрея, как бы то ни было, но архиеп. Андрей не выдержал и вышел из лагеря душевнобольным человеком. Можно думать, что эта болезнь, как у архиепископа Вениамина полная потеря волос на голове, проявилась не сразу, но через некоторое время только. По крайней мере, видевший его в 1969г. в Псково-Печерском монастыре, где он временно пребывал после выхода из лагеря, архимандрит Корнилий (Фристенд) ничего ненормального в нем не заметил. Архиеп. Андрей даже сказал ему: "Церковью управляют уполномоченные". Этим объясняется, почему Синод назначил его 16 декабря архиепископом Омским и Тюменским. Явного сумасшедшего вряд ли бы назначили. Сейчас на Соборе архиеп. Андрей обращал на себя внимание своим странным поведением: ни с кем не разговаривал, блаженно непрерывно улыбался, смотрел перед собою в пространство каким-то неопределенным мутным взглядом. Во всем его виде было что-то бесконечно трагическое.

Другие встречи

ФЕОДОСИЙ
архиепископ Саранский
(1909-1975)

/ ... / После получасового перерыва (16ч.-16ч.30м.) заседание возобновилось. Я воспользовался моментом перерыва, чтобы спросить моего соседа (правого) по месту на Соборе за столом заседаний, архиепископа Ивановского Феодосия (Погорского), как он относится к постановлениям 1961г. о приходах. Я спросил его об этом, так как мне было известно, что архиеп. Феодосий подавал в Предсоборную Комиссию записку с критикой этих постановлений. Ответ его был очень сдержанный: "Эти постановления, как нам было разъяснено, вытекают из

советского законодательства о культах. А раз так, то моя совесть спокойна, когда я не возражаю против них. Ведь они государственный закон". И действительно, архиеп. Феодосий все время молчал на заседаниях в течение всего Собора. А между тем он был разговорчивым человеком, любителем поговорить. Так за обедом, в понедельник 31 мая или вторник 1 июня, точно не помню, мы с ним и с епископом Астраханским Михаилом (Мудюгиным), сидя за одним столиком, долго беседовали о задачах современной апологетики и в частности о Тэйар де Шардене, которым он даже отчасти увлекался. И когда я высказался довольно критически о Тэйаре, архиеп. Феодосий возразил: "О Тэйар де Шардене было в советских журналах много критических враждебных статей. Это хороший признак. Раз его ругают, значит он ценный писатель, опасный для безбожников". А еп. Михаил, незадолго до этого, когда мы направлялись обедать, рассказывал мне, как его уволили от ректорства в Ленинградской Духовной Академии, куда его перед этим назначили: "Представьте себе, до сих пор не могу хорошенько понять, почему это произошло. Говорят, что у меня вышло какое-то разногласие с митр. Никодимом. Может быть, но какое? Не знаю. Во всяком случае митр. Никодим ни до, ни после моего увольнения мне о своих разногласиях со мною не говорил. Более вероятно, что я был уволен по требованию коммунистической партии. Им не нравились мои попытки обновить и приблизить к жизни систему семинарского и академического воспитания. Я старался повысить общий культурный уровень студентов, знакомить их с художественной литературой. Это показалось коммунистам опасным, и меня уволили и перевели в Астрахань. Сначала я очень скорбел, недоумевал о причинах, а теперь успокоился и чувствую себя в Астрахани неплохо. А митр. Никодиму могу поставить в упрек только то, что он, видя, что моего отстранения от ректорства требует партия, не сделал попытки меня защитить". И вот эти оба просвещенных иерарха промолчали весь Собор, а владыка Феодосий и Архиерейское Совещание.

На следующий день в Успенском Соборе была в 10 часов утра отслужена торжественная литургия. Служили митрополиты Пимен, Никодим и Алексей, постоянные члены Синода. Служил также с ними по случаю дня своего ангела архиеп. Дюссельдорфский Алексей. Собственно говоря, он только выразил желание приоб-

щаться, но ему по недоразумению приготовили полное облачение, он понял это как приглашение служить, облачился и присоединился к служащим митрополитам во время малого входа. Его сначала не поминали, диакона не были предупреждены, но потом стали помянуть. После литургии был отслужен молебен святителю Алексею и преподобному Сергию.

По окончании церковной службы, за чаем, я сидел вместе с архиепископом Иовом Уфимским за одним столиком. "Почему вы вчера отказались от слова" — спросил он меня. "Меня отговорили митрополиты Никодим и Антоний, — ответил я. — Они сказали, что я принесу вред Церкви, если выступлю на Соборе о постановлениях 1961 г. А кроме того, изображаю собою героя, а все остальные окажутся трусами. Не знаю, правильно ли я поступил, отказавшись от слова на Соборе. Но я подал потом митрополиту Никодиму в письменном виде мое мнение". — "Вы правильно поступили, — сказал архиеп. Иов, — достаточно, что вы говорили на Архиерейском Совещании и подали заявление. Больше не надо".

Снятие клятв со старообрядцев

/ ... / Заседание возобновилось. На этот раз у центрального попитра, прямо против места, где я сидел, стал вместо митр. Алексия митр. Киевский Филарет. Он начал читать проект "Деяния Освященного Поместного Собора об отмене клятв на старые обряды и на придерживающихся их" (текст его опубликован ЖМП №6 1971, стр.5-7). Должен отметить, что еще до этого, во время заседания митр. Никодим прислал мне с одним священником первоначальный текст этого проекта, с тем чтобы я ознакомился с ним, сделал свои замечания и сказал, согласен ли я с текстом. Я бегло просмотрел текст. Конечно, при такой спешке и в такой напряженной обстановке, как на Соборе, не могло быть и речи о серьезном изучении текста. Две вещи тем не менее привлекли мое внимание и показались неудовлетворительными. Во-первых то, где говорится о "необоснованности суждений Соборов 1656 и 1667 гг. о старых обрядах дониконовских времен, как о якобы содержащих еретический смысл". Выражение "необоснованность"

казалось мне слишком резким и мне хотелось его смягчить, но в голову не приходило, чем именно. Другое более существенное возражение было против места, где говорилось о спасительности старых обрядов без упоминания о новых, так что создавалось впечатление, что только старые обряды спасительны. Мой сосед, архиеп. Ивановский Феодосий, полюбопытствовавший прочитать текст проекта (отказать ему в этом было неловко, да и без основания, хотя текст был прислан митр. Никодимом мне лично), тоже пришел к выводу, что это место может быть истолковано, как признающее спасительными только старые обряды. Поэтому я написал на записке митр. Никодиму, что нужно в тексте говорить о "равноспасительности" как новых, так и старых обрядов. Записку эту я переслал митр. Никодиму, он прочитал ее и кивнул мне головой в знак того, что он согласен с моей поправкой, и она действительно была внесена в окончательный текст. Близ сидящие архиереи, помимо архиеп. Феодосия, тоже захотели ознакомиться с присланным мне текстом, но я вынужден был им отказать, сказав, что его нужно без замедления вернуть митр. Никодиму. Относительно самого "Деяния" о снятии клятв скажу только, что несмотря на все его недоговоренности и исторические неточности, оно несомненно является, наряду с избранием патриарха, самым значительным и положительным актом нашего Собора. "Всесвятая и Живоначальная Троица, — так заканчивалось "Деяние", — ... да утвердит православное единомыслие употребляющих равноспасительные новые и старые обряды, и да пребывает среди всех нас любовь Христа Господа... Да приведет Господь расстаяшая паки воедино, и в любви друг ко другу да исповедуем и славим едиными устами и единым сердцем Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную". По прочтении "Деяния" митр. Никодим попросил встать всех согласных с текстом. Все встают. "Кто имеет возражения или поправки, прошу встать", — говорит митр. Никодим. Никто не встает. "Кто воздерживается?" "Кто против?" — продолжает спрашивать митр. Никодим. Опять все сидят. "Принято единогласно!" — возвещает митр. Никодим. В данном случае это несомненная истина, но, увы! это был единственный случай на Соборе, если не ошибаюсь, когда подобная процедура голосования была применена. В других случаях не спрашивали, кто против или кто воздерживается, а только — кто за. Правда, тогда не говорилось, что принято единогласно. Но сейчас митр. Никодим

был уверен, что все искренне будут голосовать за снятие клятв со старообрядцев.

Послание Собора ко всем чадам русской православной Церкви

Далее митр. Филарет начал читать тексты посланий Собора. Первое — к архиереям, пастырям, иночеству и всем верным чадам русской православной Церкви (*ЖМП* №6 1971, стр. 8-10). /.../ После переходных слов, что "Церковь не чуждается человеческих нужд ... и проявляет о них свое материнское попечение", Обращение приобретает характер яркого политического документа в духе обычной коммунистической тематики и фразеологии. Тут и призыв к христианам стать "обличителями жестокости", и "возникшие в различных районах мира военные конфликты и очаги международной напряженности". "Такое положение в мире является прямым следствием реакционной, человеконенавистнической политики, проводимой империализмом, стремящимся к мировому господству". Этому "империализму" приписываются "ужасные страдания народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и тяжкие испытания арабского народа на Ближнем Востоке", и т.д. и т.д.

/.../ Я слушал все эти политические лозунги, буквально повторяющие решения XXIV съезда коммунистической партии со все возрастающим возмущением, но с сохранением внутреннего спокойствия, пока дело не дошло до перечисления всех этих конференций — по европейской безопасности, по ядерному разоружению. Тут меня буквально взорвало. "Как! — подумал я, — я приехал сюда на Собор, чтобы обсуждать созыв каких-то политических конференций?" И я сразу решил выступить с протестом. Как только митр. Филарет кончил свое чтение, я встал и попросил слова. Одновременно, а может быть и немного раньше меня, встал мой сосед слева, архиеп. Дюссельдорфский Алексей (Ван Меенбруге), чего я сразу не заметил. Он тоже хотел говорить. Митр. Никодим, увидев это, с какой-то смущенной улыбкой стал мне делать отрицательные знаки, кивая головой в сторону архиепископа Алексея. Очевидно он хотел дать мне понять, что другой раньше меня попросил слова. Или, может быть, он просто под этим предлогом хотел помешать мне выступить. Я оглянулся и тут только заметил архиеп.

Алексия. Мне не хотелось уступить ему слово. Я боялся, что из-за того, что он будет говорить через переводчика, его выступление будет скомкано, потеряет силу, а мне потом не дадут говорить. Очень уж мне хотелось выступить. "Вы хотите говорить по поводу политической части прочитанного Обращения?" — спросил я архиеп. Алексия по-французски. "Да", — ответил тот. "Я тоже". "Ну, в таком случае, выступайте вы. Вам это лучше сказать по-русски". И архиеп. Алексий сел, тем самым отказавшись от слова. Пришлось дать его мне. Внешне спокойно и по возможности четко и громко я сказал следующее (хотя у меня не осталось текста, я говорил без него, но сказанное хорошо запечатлелось в памяти): "От лица клира и мирян Брюссельско-Бельгийской епархии и Нидерландского викариата и от себя лично я хочу заявить, что я совершенно не согласен с той частью Обращения, которая носит политическую окраску. Здесь было сказано, что такого рода места неприемлемы для иностранцев, членов нашей Церкви. Это так. Но я не иностранец, а русский, живущий за границей и не советский гражданин. Но мне эти политические места тоже совершенно неприемлемы. Во-первых потому, что я не приехал сюда, не был послан на Собор, чтобы заниматься политической деятельностью, принимать политические резолюции, выработать подробные политические программы, решать, нужно или не нужно созвать ту или другую политическую конференцию и когда ее нужно созвать. Кто мы такие, кто нас уполномочил решать такие чисто политические и государственные вопросы? Я по крайней мере не считаю себя в них компетентным и не ради них я сюда приехал, а чтобы обсуждать церковные дела, заниматься насущными церковными вопросами и нуждами. У нас столько неразрешенных церковных вопросов — положение приходов, религиозное образование и т.д., и мы все это оставим и будем заниматься политикой? Я с этим не могу согласиться и прошу отметить мое мнение".

Пока я говорил, я невольно смотрел на стоящего посередине напротив моего места у своего попитра митр. Филарета, только что прочитавшего Обращение. С первых же моих слов лицо его изобразило изумление, точно кто-то устроил ему неприятный сюрприз, изумление перешло в ужас, он побледнел, позеленел, казалось вот-вот упадет в обморок. Признаюсь, что я смотрел на него с каким-то внутренним удовлетворением, почти со злорадством. В подсознании ощущалась мысль: вот ты меня запугивал, а теперь

сам трусишь, я тебя пугаю.* Митр. Никодим не замедлил мне ответить: "Политические вопросы, о которых вы говорите, — сказал он спокойным голосом, — постоянно обсуждаются на заседаниях Всемирного Совета Церквей. На Ватиканском Соборе они были предметом многочисленных обсуждений. И вообще на всехристианских конференциях о них постоянно говорят. Поэтому нет причин, чтобы мы одни ими не занимались. И мы будем их и впредь обсуждать. Ваше мнение, однако, как и мнение ваших клириков и мирян, мы отмечаем и учитываем. Оно будет принято во внимание". Конечно, можно было ответить митр. Никодиму, что во Всемирном Совете Церквей и на Ватиканском Соборе эти вопросы рассматривались в совсем другом духе и что митрополит ничего не отвечает мне относительно односторонности и тенденциозности Обращения, но продолжать дискуссию, говорить второй раз было невозможно, да и не хотелось, я был удовлетворен, что мне удалось высказаться и что митр. Никодим обещает учесть мое мнение. Я ожидал более резкой реакции с его стороны. В это время меня толкнул сидевший за мною наш делегат диакон Сергей Рейнгардт. "Благодарю вас, владыко, за то, что вы сказали. Вы очень облегчили наше положение. Сняли тяжесть. Это как раз то, что мы сами хотели сказать, но нам это трудно. Очень вам благодарны".

Вслед за тем не замедлил попросить слова наш присяжный оппонент епископ Баденский Ириней (Сюземиль):** "Я тоже русский, не иностранец, не советский гражданин и живу за границей. Однако я полностью и со спокойной совестью поддерживаю предлагаемое нам на одобрение Обращение, даже в его местах, которые характеризуются как политические. И вообще я всецело поддерживаю миротворческую деятельность нашей Церкви и всегда защищаю ее. Раз действия советского правительства направлены на укрепление мира, то я, как христианин, их поддерживаю и считаю это своим христианским долгом. И не вижу, почему мы, как христиане, должны этим смущаться".

*) Митр. Филарет убеждал архиеп. Василия не выступать, затем пытался отнять текст заявления-протеста, переданного членом Собора свящ. Г. Петуховым и диаконом Варсонофием Хайбулиным. См. его текст в "Вестнике" № 99, 1971, стр. 42-44.

***) В другом месте *Воспоминаний* вл. Василий дает крайне нелестную характеристику этого епископа.

Следующим попросил слова Н.В. Лосский: "Текст Обращения для меня неприемлем из-за своей политической односторонности. Осуждается одна сторона, а о действиях другой стороны умалчивается". Митрополит Никодим что-то ответил Лосскому (не помню что) и прекратил прения, хотя собирался еще говорить Драшусов. Митр. Никодим спросил, согласны ли члены Собора с текстом Обращения к христианам всего мира. Раздался голоса: "Согласны! Согласны!" — "Принято подавляющим большинством голосов", — сказал митр. Никодим. После этого новоизбранный патриарх произнес заключительное слово (полный текст *ЖМП* №8 1971, стр. 49): "Собор русской православной Церкви ныне приблизился к своему завершению... Он обсудил и вынес свои определения по вопросам внутренней церковной жизни, по экуменической и миротворческой деятельности нашей Церкви и избрал Патриарха Московского и всея Руси. Вы, пресвященные пастыри, возложили на меня, вашего собрата, нелегкое бремя патриаршего служения... Прошу вас не оставлять меня вашими святыми молитвами. Исповедаю немощь свою пред высотой патриаршего звания, но уповаю на всеильную десницу Божию, приведшую меня от иноческой кельи к патриаршему престолу, и на вашу братскую действенную помощь. Поместный Собор Русской Православной Церкви объявляю закрытым. Возблагодарим Господа Бога за Его милости и благодатную помощь, дарованную нам в деяниях соборных".

Это окончание Собора вызвало негодование нашего делегата В.Е. Драшусова. Ему хотелось высказаться, что в выпускаемом пресс-бюллетене было сказано, что решения Собора были приняты единодушно, а не подавляющим большинством, как было на самом деле. Он также хотел сказать, что причиной его воздержания было также то, что текст решений не был роздан заблаговременно и потому нельзя было составить о них обоснованного мнения. Возмущало его также то, что в уже принятый текст вносят потом изменения. А так как ему не дали высказать все это на Соборе, то он негодовал. "Разбойничий Собор!" Я постарался его успокоить, говоря, что главное мне удалось высказать, что мало ли что пишет пресс-бюллетень, важно, что на самом Соборе не утверждалось, что решения были приняты единогласно, а только подавляющим

большинством. — "Да, но в печати будет написано, и всему свету сообщено, что решения были приняты единогласно", — настаивал Драшусов. "Если это так будет, вы сможете опровергнуть. Вообще, вы можете, если хотите, подать ваши возражения письменно митр. Никодиму, он их примет. Но только делайте это сами, я уже достаточно говорил на Соборе". "Хорошо, мы это сделаем, но прежде покажем вам текст для одобрения". Я дал свое согласие и Драшусов видимо успокоился. Когда я выходил из помещения Трапезного храма, из толпы соборных членов ко мне подошел мирянин лет сорока-сорока пять. "Ну, владыко, вы молодец!" — сказал он, обращаясь ко мне. — "Почему, — спросил я. — Я сказал правду. Нужна говорить правду". — "Но вы один ее говорите. Все боятся. Молчат". Когда я уже готов был спуститься по ступенькам по выходе из храма, подлетел ко мне один священник, средних лет, тоже член Собора и, волнуясь, сказал мне, взяв у меня благословение: "Благодарю вас за ревность. Она у вас, как у Иоанна Златоуста". Дальше, когда я уже был в Академическом саду, направляясь ужинать, я встретился с преподавателем Академии, игуменом о. Марком (Лозинским). "Очень мы вас все благодарим за ваши выступления. За все, что вы делаете для русской Церкви, — сказал он мне растроганно. — Но мы за вас беспокоимся. Как бы с вами чего-нибудь не случилось". Я поблагодарил его и постарался успокоить. "Они мне ничего не смогут сделать. Я приехал из-за границы". Нечего и говорить, что я был тронут и обрадован всеми этими выражениями сочувствия. Я чувствовал, что я не одинок, что меня понимают и поддерживают, хотя и не открыто. И характерно, что как раз мое выступление "против политики" было понято и одобрено.

Последние встречи

На следующий день, четверг 21 мая/3 июня, день празднования иконы Владимирской Божией Матери, к 8 часам утра члены Собора стали прибывать на машинах в Елоховский Богоявленский Патриарший Собор. В собор пускали народ только по билетам, выданным патриархией. Уже много народу стояло около собора, люди входили или пытались войти в собор, даже не имея билетов. Милиция их оттесняла, но они настойчиво пытались войти, пользуясь моментом,

когда входили лица, имеющие билеты, присоединяясь к ним. Иногда это им удавалось. Члены Собора были помещены в передней части храма в левой стороне против алтаря. В правой части находились почетные гости. Прибывший некоторое время спустя кардинал Виллебрандс занял было самое почетное место, в первом ряду кресел, крайнее слева по направлению к центру храма, но когда несколько позднее прибыл армянский патриарх Вазген, кардинала попросили уступить ему свое место и пересесть на одно место правее. А мы, члены Собора, находились, как я сказал, в левой части храма, огражденные перилами от центральной части храма. Для архиереев был расставлен ряд стульев, священники и миряне по большей части стояли. Впрочем, зарубежным батюшкам и мирянам старались найти места для сидения. Ко мне опять подошел один священник, член Собора,* не тот, кто вчера, и стал выражать мне свое сочувствие и благодарность за мое выступление на Соборе накануне. Храм быстро наполнялся народом, несколько отличным от обычного в церквях. Было больше молодых и больше интеллигентных людей, чем обычно. Особенно на хорах было много молодежи, почти сплошь. Очевидно такого рода люди легче могли достать билеты.

/ ... / На следующий день утром я звонил в Отдел. Меня беспокоил вопрос о продлении моего паспорта. Он кончился во вторник 8 июня, но мне хотелось остаться еще неделю. Поехать в Ригу, туда меня приглашал архиеп. Рижский Леонид. Побывать в тамошних женских монастырях, в самой Риге и в так называемой "пустынке", в 60 километрах от Риги. "Единственные настоящие монастыри, существующие в настоящее время в России", — как сказал о них сам архиеп. Леонид. Да и от других я слышал об этих монастырях много хорошего. Хотелось также поехать в Крым, Ялту и Никитский Сад, где я жил в детстве. Меня туда очень приглашал в 1969 г. еп. Крымский Антоний, но сейчас, когда я заговорил с ним об этом, он смутился и стал как-то отнекиваться. Может быть он испугался моего выступления на Соборе или просто ему куда-то хотелось уехать самому после окончания Собора. Но я все

*) Судя по списку членов Собора, протоиерей о. Николай Фаддеевич Чернопищук.

же решил просить о разрешении поехать в Крым. Паспорт мой отобрали от меня с самого начала в Отдел, чтобы хлопотать о продлении и разрешениях. Уверяли, что все это пустяки, не стоит и беспокоиться. Одна формальность. И сейчас Кудинкин, с кем я говорил по телефону, меня успокаивал: "Все будет сделано. В понедельник получите паспорт с продлением. Поверьте нам, мы в этих делах имеем опыт".

Утро этого дня, пятницы 4 июня, я провел в гостинице. Ко мне позвонил по телефону и потом посетил в номере один молодой епископ Смоленский Гедеон (Докукин). Он определенно не касался моих выступлений на Архиерейском Совещании и на Соборе, но в общем виде выражал свое сочувствие. "Мы, молодые епископы, — говорил он, — должны учиться у вас — старших. У вас большой духовный опыт, вы были долго на Афоне, у вас долгий опыт служения Церкви, богословское образование. А у нас молодых всего этого нет. Мы очень прислушиваемся к тому, что вы говорите. Хотим быть вам духовно близкими". Я поблагодарил еп. Гедеона за его добрые слова. Он родом кубанец, из простой казачьей благочестивой семьи. Он меня помнил по Ленинграду, где я получал в 1964 г. диплом доктора богословия, а он был студентом Академии. В то же утро мне удалось встретиться с архиепископом Вениамином и получить от него наконец его письменные обращения в предсоборный период к председателю Предсоборной Комиссии митрополиту Пимену.* / ... /

Увы, епископат не реагировал на его заявление, и сам архиеп. Вениамин, так смело и упорно настаивавший в своих обращениях в Предсоборную Комиссию на необходимости пересмотреть на Соборе постановления 1961 г., промолчал о них, как на Архиерейском Совещании, так и на самом Соборе, под предлогом, как он меня уверял, что его обманули, сказав, что это вопрос не дискуссионный! Я далек от мысли обвинять архиеп. Вениамина, он просидел 12 лет на Колыме в ужасных условиях, он весь физически сломлен, но все же в молчании его есть что-то трагическое. Именно потому, что он знал лучше нас истинные последствия "реформы" 1961 г. и так воевал против нее до Собора. Воевал упорно, хотя и сдержанно по форме, как и следовало. Что касается его "Обращений" по существу, то каноническая часть в них не развита, нет

*) Текст его см. в "Вестнике РХД", № 120, 1977, стр. 294-306.

конкретных ссылок на каноны, как это мы делали в своих выступлениях. Правда, зато подчеркнут принцип иерархического единства в церковном управлении, попраный постановлениями 1961 г. В этом сильная сторона аргументации архиепископа Вениамина. Но самое главное в "Обращениях" его — это свидетельство правящего архиерея русской Церкви об отрицательных тяжелых для Церкви последствиях постановлений 1961 г. Это как раз то, чего нам, зарубежным, недоставало. Нам всегда могли возразить: "Вы не живете в России, вы не знаете истинного положения". Поэтому я воздерживался говорить о практических последствиях 1961 г., останавливаясь преимущественно на богословско-канонической стороне вопроса. Сейчас для меня писания архиеп. Вениамина ценны тем, что подтверждают правильность моего отношения к Постановлениям 1961 г., но на Соборе своим молчанием он ставил меня в трудное положение. Впрочем, молчание его было в своем роде красноречиво. Оно свидетельствовало, что в вопросе Постановлений 1961 г. архиереи из России не были свободными.

✠

На приеме у Куроедова

❖ Речи и приветствия я не слушал, а смешался с присутствующими на банкете. Встречаю епископа В.: "Не думайте, владыко, — говорит он мне, — что мы вам, молодые епископы, не сочувствуем или вас не понимаем. Очень сочувствуем, но мы не можем говорить. А вы можете. И говорите!"

На приеме присутствует старообрядческий архиепископ беглопоповского толка Павел. Встречаюсь с ним при входе. Он держится как-то особняком, не входит в зал. Подхожу к нему. Здравуюсь. Отвечает довольно сдержанно. Не делает движения, чтобы облобызаться. Напуган ли он или не хочет иметь со мною общения, как с "никонианцем", трудно сказать. Говорю, что моя прабабушка, Марья Федоровна Морозова, была старообрядкой и даже известной старообрядческой деятельницей и благотворительницей. — "Да, слышал", — отвечает он, но как-то холодно. (Может быть потому, что прабабушка была поповского толка, а он беглопоповец? Но прабабушка благодарила широко, не ограничиваясь своим "толком"). Разговор не завязывается. В дальнейшем однако архиеп. Павел вошел в общий зал, я видел его закусывающим у столов.

Сдержанности архиеп. Павла можно противопоставить открытость беспоповского представителя Егорова, о котором я уже говорил раньше. Мы встретились с ним в лифте гостиницы. Заговорили о снятии клятв, совершившемся на Соборе. Он был очень доволен. "Пора нам прекратить эту бессмысленную вражду", — говорил он. "Что же теперь будет?" — спросил я его. "Теперь очередь за нами. Вы сделали, что нужно", — ответил он.

На банкете подходит ко мне еп. Роттердамский Дионисий. Рассказывает, что имел длинный разговор с еп. Свердловским Климентом (Перестюк). Он бывший харбинский карловчанин,

КЛИМЕНТ
епископ Свердловский
и Курганский
(1904-1981)

переехавший в Россию после войны и несколько лет тому назад хиротонисанный во епископа. Рассказал еп. Дионисию много тяжелого о положении Церкви в провинции. Во многих местах уполномоченные настоящие звери. Во всей Свердловской епархии открыто всего 21 церковь, а в Челябинской, которой он тоже управляет, 15. В самом Свердловске, городе в 700.000 жителей, действует всего одна церковь вместимостью на 400 человек. Существует, будто бы, правительственное решение, что церкви, закрытые при Хрущеве, могут быть вновь открыты.

Еп. Климент ездил в Москву к Куроедову хлопотать об открытии церквей в Свердловске. "И не хлопочите, — ответил ему Куроедов, — все равно ничего не получите. Что с возу упало, то пропало!" Еп. Климент очень беспокоится об архиеп. Павле Новосибирском.* "Они его не оставят в покое, они его изведут!" — говорит он. Знакомлюсь с еп. Климентом лично. Очень привлекательный, духовно настроенный, уже немолодой. Говорит мне приблизительно то же самое... / .../

*) Как известно, архиеп. Павел Голышев не был допущен на Собор, а вскоре после этого эмигрировал на Запад, где и скончался. (Прим. ред.)

Зинаида ГИППИУС

ЛЕКЦИЯ ПРОЧИТАННАЯ В МИНСКЕ (1920)

(публикация Т.А. Пахмусс)

Публикуемые ниже материалы были предоставлены мне долголетним секретарем Мережковских, Владимиром Ананьевичем Злобиным (1894-1967), который написал к ним два коротких вступления.

Текст печатаемой ниже "Второй лекции" Зинаиды Николаевны Гиппиус, прочитанной ею в Минске в первый месяц пребывания Мережковских вне границ Советии, как они называли Россию того времени, после их бесстрашного бегства из Петербурга в морозный рождественский сочельник 1919г., и письмо кн. Стаси Грузинской объединяются общими хронологическими рамками, а также содержанием и тоном повествования. К сожалению, тексты Первой и последней, Третьей, лекций Гиппиус в Минске не сохранились. Как и Вторая лекция, они составили бы прекрасное введение к последующим произведениям Гиппиус, в частности "Синей книге: петербургскому дневнику 1914-1918", и "Дмитрий Мережковский".

Считая своим долгом рассказать Западной Европе о том, что последовало за большевистским coup d'état 1917г., и предупредить ее об исчезнувшей в России свободе, о произволе советских властей и о терроре, Гиппиус выражает уже в этой лекции одно из главных положений своей политической философии — принцип большевизма сам по себе исключает всяческую свободу. К политической заостренности содержания лекции относится мысль-упование поэта, что "Россия спасется — и близко ее воскресенье". Лекция написана на простом, доступном для всех ее слушателей языке. Не лишена она и элементов юмора.

Свою борьбу против "принципа большевизма" Гиппиус продолжает и в эмиграции во всем многообразии своего литературного творчества.

Кн. Стася Грузинская, директриса женского отделения Peterschule на Невском проспекте в Петербурге, большая приятельница Гиппиус и активная участница религиозных беседований в квартире Мережковских в Петербурге в начале века, которую большевики не пощадили за ее "буржуазный дух", полностью разделяла политические и религиозно-этические взгляды своей подруги.

Т.П.

В. ЗЛОБИН

I

З.Н. ГИППИУС

Зинаида Николаевна Гиппиус родилась в Белеве в 1869 г. В январе 1889 г. она вышла замуж за Д.С. Мережковского. Вместе с ним бежала в конце 1919 года за границу. Умерла в Париже в октябре 1945 г., пережив мужа почти на 4 года.

Ее литературная деятельность за рубежом была плодотворна и разнообразна. Ее статей, заметок, рецензий, очерков, рассказов, докладов — не счесть. Она интересовалась всем — искусством, политикой, религией, философией, историей, общественными вопросами. Сотрудничала почти во всех крупных зарубежных изданиях — газетах и журналах. Писала по-французски в *Mercure de France*. Эдуард Эрио¹ как-то сказал о ней: "Перед этой женщиной должна склониться французская Академия".

И вот, несмотря на довольно широкую известность, Зинаиду Гиппиус, в сущности, знают мало. Как это часто бывает, самое важное в ней проглядели — ее любовь к России, любовь неутолимую и целомудренную, говорить о которой она избегала.

И чем любовь неутолимей,

Тем молчаливее уста.

Из всего, что ею написано, лучшее — это стихи. Мы привыкли к их ледяному тону, к их жестокому спокойствию. Но среди русских поэтов XX века, по силе и глубине переживаний, вряд ли найдется ей равный. Напряженная страстность некоторых ее стихотворений поражает. И самые из них страстные — о России.

Если гаснет свет — я ничего не вижу.

Если человек зверь — я его ненавижу.

Если человек хуже зверя — я его убиваю.

Если кончена моя Россия — я умираю.

Это четверостишие написано еще в России, в 1918 г., под большевиками. Позднее, в изгнании, она вспоминает вечер своего отъезда из Петербурга и свои предчувствия.

До самой смерти... Кто бы мог думать?

(Санки у подъезда, вечер, снег).

Знаю. Знаю. Но как было думать,
Что это до смерти? Совсем? Навек?

Молчите, молчите. Не надо надежды.
(Вечер, ветер, снег, дома...)

Но кто бы мог думать, что нет надежды?..

(Санки. Вечер. Ветер. Тьма).

Она знала, что Россию больше не увидит, но об этом забывала.
Не хотела этого знать.

Свою любовь к России Гиппиус осознает до конца лишь в изгнании. И чем любовь сильнее, тем острее ненависть к погубившим Россию большевикам.

Остра как ненависть, как ревность
Любовь жестокая моя.

Но иногда она свою ненависть скрывает под покровом холода и презренья. И это действует сильнее, чем проклятья. Вот, например, восемь строк, неизменно доводившие соглашателей до истерики.

Как ясен знак проклятый

Над этими безумными.

Но только в час расплаты

Не будем слишком шумными.

Не надо мести зовов

И кликов ликования.

Веревку уготовив,

Повесим их в молчании.

Этих строк большевики не простили Гиппиус до сих пор.

Мысль о погубленной родине не покидает ее никогда, нигде.

Качаются на луне

Пальмовые перья.

Жить хорошо ли мне,

Как живу теперь я?

Ниткой золотой светляки

Пролетают, мигая.

Как чаша, полная тоски

Душа — до самого края.

Морские дали — поля

Бледносеребряных лилий...

Родная моя земля,

За что тебя погубили?

И молиться о себе она может только молясь о России, о ее воскресеньи. И может быть никто не ждал этого воскресенья с таким трепетом, как Гиппиус.

Я от дверей не отойду —

Пусть длится ночь, пусть злится ветер.

Стучу, пока не упаду,

Стучу, пока Ты не ответишь.

Не отступлю, не отступлю,

Стучу, зову Тебя без страха!

Отдай мне ту, кого люблю,

Восстанови ее из праха!

Верни ее под отчий кров,

Пускай виновна — отпусти ей!

Твой очистительный покров

Простри над грешною Россией!

И мне, упрямому рабу,

Увидеть дай ее, живую...

Открой!

Пока она в гробу,

От двери Отчей не уйду я.

Неугасим огонь души,

Стучу — дрожат дверные петли,

Зову Тебя — о, поспеши!

Кричу к Тебе — о, не замедли!

¹ Herriot, Edouard (1872-1957), политик, член французской Академии, писатель, дважды премьер-министр третьей республики, председатель французской Национальной ассамблеи (1947-1954), мэр города Лиона, радикал-социалист и автор нескольких книг, в том числе *La Russie Nouvelle* (Paris, 1922), *Dans la forêt normande* (1925), *La vie de Beethoven* (1929).

II О СВОБОДЕ И КУЛЬТУРЕ

В конце 1927 г., в издававшейся в Париже русской газете *Возрождение*, была напечатана статья З.Н. Гиппиус "Земля и свобода". Статья начинается словами: "Русская культура в опасности", и далее следует определение, что такое культура, в частности, русская. Вот как ее определяет З. Гиппиус:

"Русская культура — не Пушкин, не Чаадаев, не декабристы, не западники, не славянофилы, не литература, не философия... Она все это вместе, все эти (и еще многие другие) вместе: она в Пушкине — и в декабристах; в Белинском — и Вл. Соловьеве; в Герцене — и в Аксакове; в реформах Александра II — и в раскольниковом сыне Егоре Сазонове; в Петре (особенно Петре!) — и начале февральской революции; она в Чаадаеве — и в святителе Гермогене... Она — некая цельность, струна, свитая из множества нитей, которые тянутся отовсюду, от всех сторон *жизни*. Если народ (беру это понятие в полной широте) — живой организм, культура — его дыхание".

"Можно ли убить народ, совсем прекратить его дыхание?! — спрашивает Гиппиус и отвечает: — Нет; но прекращать, на время, это дыхание, делать его редким, и даже — если перейдена мера — как бы незаметным, — можно. Тогда прекращается и культура. Для дыхания нужна мера *свободы*".

"Культура — дочь свободы и только свободы. Культура лишь там, где *был* свободный вздох, где дыхание прорвалось, хотя бы вопреки противодействующей силе, т.е. где была над ней победа".

"В цельном, едином образе русской культуры, — если мы именно в цельности возьмем его, — нет больших и маленьких людей (как нет и мертвых: все живые). Каждый свободный вздох входит в нее необходимой и неотъемлемой частью, живет, пока жива она. Мертвая сила отпадает — остается то, что ее победило. И вся история русской культуры, история борьбы двух сил — есть цепь побед свободного дыхания".

"Но вот наше время. Никогда еще не было в России (да и в другой стране), — говорит Гиппиус, — такого разрастания мертвой силы; такой чудовищной мертвой руки, сдавившей горло народа. Мера перейдена. И дыхание прекратилось (или почти прекратилось)".

Беспмятство, как Атлас, давит душу.

Это — Тютчев. И далее, развивая свою мысль, Гиппиус утверждает, что большевики не только разрушили культуру, но что они стремятся уничтожить и самые ее корни. "Не есть ли основа, корень, суть культуры, проходящей сквозь ряды поколений — память?" — спрашивает она. "И враги, лишившие Россию свободного дыхания, стремятся уничтожить в народе и память, корни культуры..."

Вот почему главная ответственность за русскую культуру лежит сейчас на эмиграции. "Только у нас, лишенных земли, — говорит Гиппиус, — есть *свобода*".

"Великая ценность — культура, — вся соткана из свободных веяний духа. Дух дышит, где хочет. Россия не забыта; но если Его дыхание там для нас еще не заметно — от *своего* дела отказываться нельзя". Это дело — Гиппиус определяет его ясно и кратко — "служить нашей свободой — земле". И прибавляет: "И не для себя будем стараться сохранять и приумножать ценности родной земли — а для нее. Иначе, как "войти нам в радость", когда наступит день восстания?"

Зинаида Гиппиус

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ

Я хочу не повторяться, не говорить того, что уже было сказано прошлый раз в этой же зале. Но это очень трудно. Все, что рассказывают и пишут о большевиках трезвые люди, — все это одно и то же. Одно громадное повторение. Трезвых людей не так мало. Трезвых и разумных. Немало, а все-таки гораздо меньше, чем близоруких и сумасшедших. Этим, сколько ни повторяй одно и то же, — напрасно: близорукие не видят, сумасшедшие не слышат.

В Европе сейчас очень много сумасшедших. Немало их и в России; хотя там несколько иное безумие. В России оно, главным образом, среди народа. Когда мы ехали, вот теперь, из Петербурга, то положительно весь вагон был сумасшедший. Вся мужицко-красноармейская толпа, грузная, больная, густая, сдавленная — все это были безумцы. Гляжу с верхней лавки, в состоянии полузадушенности, вниз и слушаю.

Один, обвязанный, солдат, кричит: "Состарела меня эта жисть! Силушки нету!" Я возражаю: "Чего вам стареться, сами же виноваты!"

"Сами! Да ведь взглянуть надо, ведь народ у нас не то что спурел, а прямо с ума походил. Нас бы ткнуть в загривок хорошенько, так пришли бы в разум".

Другой вступается:

— Мало тебя еще тычут. Всего истыкали, а он скулит.

— Это верно, истыкали. Да ведь кто тычет? Надо сказать...

Но его перебивают:

— Ладно, молчи, вплоть до расстрела захотел! Дохни сам".

И разговор умолкает. Действительно, повсюду юркие агенты, как фельдшера в психиатрической больнице, следят, чтобы безумцы не буйствовали, чтобы помешательство было тихое.

В Петербурге, на месте, тишина эта легче достигается. Пространства много, людей мало, каждый в одиночку, ну и молчат.

Летом, когда аэропланы жужжали вверху, и люди стекались в кучки, — глядеть, — и то глядели молча; шепота даже своего боятся.

Летняя картина Петербурга была такая: улица длинная, как стрела — и точно зеленая дорога: так заросла травой. Черные точки кое-где посередине: это прохожие, с котомками за плечами. Изредка провоняет, дребезжа, автомобиль: большевицкий, ибо автомобили *только* правительственные. Их очень мало и они полуразрушенные. Впрочем, у Зиновьева хороший. Зиновьев — человек жирный, белотельный, курчавый. На фотографиях, в газетах, выходит ужасно похожим на пышную, старую женщину. Он всегда без шапки. И когда едет на автомобиле, то сидит на коленях у двух красноармейцев. Это его личная охрана. Он без нее — никуда, ибо трус первой руки. Впрочем, они все трусы. Троцкий держит себя за семью замками, а когда идет, то охранники его буквально теснят в кольцо, давят кольцом.

Зиновьев осенью пережил тяжелую минуту. Она у меня отмечена в дневнике со слов очевидца. Было какое-то собрание матросов и красноармейцев в Таврическом Дворце (ныне он называется Дворцом Урицкого). Собрание казалось бы надежное, большевицкое, — иных не бывает, не допускают. И вдруг эти надежные "коммунисты" взбесились: полезли на Зиновьева с криками: "Долой войну! долой комиссаров!" и даже, что уж совсем непере-

носно: "Долой жидов!" Кое-где кулаки стали сжиматься... Зиновьев хотел удрать задним ходом — и не мог. Его секретарша тогда кинулась отыскивать Горького. Ездил по всему городу, даже в наш дом заглядывала. Где-то Горький был отыскан и приведен спасать Зиновьева. Горький говорит мало, глухо, отрывисто, будто лает. Я не думаю, чтобы его красноречие было решающим, когда он пролаял: "Воюйте, а не то придет Колчак и оторвет вам голову". Но все-таки страсти на этот раз улеглись. А на следующий — собрания стали еще больше фильтровать. Зиновьев слишком расстроился.

Здесь нам задают вопросы, которые показывают, что никто не имеет понятия о российской действительности.

Спрашивают: "Ну, а как литература? Какая цензура? Какие магазины? Как сообщения? Где собираются? Что вы писали?" и т. д.

На прошлой лекции Мережковскому кто-то прислал записку: "Почему вы не в России? Говорили бы все это там. Ведь там Горький основал общество Свободы и Культуры".

Ну что на это ответить? Чем, какими словами? Разве кратким словом "нет". Ибо факт необыкновенно прост: ничего из того, о чем спрашивают, *нет*, нет совершенно: ни магазинов, ни ресторанов, ни литературы, ни газет, кроме официозов (а потому и цензуры нет). Нет науки, нет студентов, нет сообщений, никто нигде не собирается — значит нет "обществ"; абсолютно нет свободы и ни малейшей культуры. Горький, впрочем, есть. Но занимается он отнюдь не культурой, и не свободой, а скупаньем у голодных людей остатков их имущества. Скупает фарфор, эмали, альбомы, — что придется. Квартира у него — настоящий музей. А когда захватили английское посольство, он сидел там в виде оценщика, пытаюсь разобраться в вновь "приобретенных" предметах искусства. Жена Горького, вторая, бывшая актриса, — комиссар всех "государственных" театров; нынче осенью она, кроме того, сделалась еще министром торговли и промышленности. Положим, не мудреная штука, раз нет ни торговли, ни промышленности.

Опять просто: НЕТ.

Еще трех вещей нет в "революционной советской России", — я их отмечу (хотя ими далеко не исчерпывается все, чего нет):

Нет, во-первых, — *революции*.

Нет, затем, — *диктатуры пролетариата*.

Нет, наконец, — *советов*.

Революции нет уже года полтора. Вместо нее — тишина и спокойствие кладбища.

Диктатуры пролетариата нет потому, что нет пролетариата: почти все заводы закрыты, рабочие мобилизованы, другие размахались. Оставшихся, при всякой своей панике, большевики расстреливают сотнями.

Осенью расстреляли в одну ночь 300 с чем-то человек.

Советов нету — потому что в "советы" назначаются кандидаты от партии. И большевик, объявляющий кандидата, грозно кричит на собрании: "Ну-ка! кто против? Подними руку!" Раз какой-то смельчак закричал на это сверху: "Кто хочет в Чрезвычайку — подними руку!" Уж, конечно, никто рук не поднимает.

Всего, что еще может прийти в голову, — тоже *нет*. Вот это "нет" — чистое отсутствие намека на свободу, на все, что составляет человеческую жизнь, надо взять за исходную точку, за позу, на которую следует стать, начиная разговор о большевиках. Их принцип, их пафос — *нетовщина*. "Жисти нет!" — стонет каждый красноармеец, опоминаясь на мгновение от своего безумия. Отрицание жизни, последовательный принцип "нетовщины", естественно рождает и тот никогда и нигде неслыханный террор, который царит в Совдепии. Убивают, что называется, *походя*, почти не замечая, одного за другого, так, кто под руку попал. Не то что личность перестала иметь цену, нет, больше: всякая жизнь вообще обесценилась. Я сегодня не коснусь картин этого террора. Их слишком много на страницах моего дневника. И я не могу слишком часто возвращаться к этим страницам. Да и что факты! Кто понял самый принцип большевиков, их линию, их *нетовщину*, того ничем не удивишь. Ведь факты — лишь логическое следствие, и пока будет принцип — будут следствия. Пока будут большевики — будет оголтелый террор, с массовыми расстрелами, с пытками, с издевательствами, с продажей человеческого мяса на рынке за телятину, с арестом детей, со всей фантастикой, которой не хочет верить свежий человек.

Однако надо, чтобы верили, надо, чтобы поняли самый принцип большевиков, эту *нетовщину*. До сих пор тайна большевиков — тайна, хотя они откровенны до полной наглости. Вот, например, что у меня записано осенью, вскоре после Юденича: "... и сегодня, как всегда, распоясались и объявляют: догромим Деникина, а

затем начнем заключать миры с соседями. Эстляндия будет первой, но важнее всего Польша и Финляндия. Это — открытые двери в Европу. Мы должны соглашаться на все условия. Ведь буржуазные и социал-предательские правительства соседей мы не признаем законными и договоры с ними мы все равно исполнять не будем. Любой мирный договор с ними лишь мост к власти рабочим Польши, рабочим Финляндии, рабочим Европы. Да здравствует единая, неделимая, всемирная советская республика! Ну что ж, черту не впервые им помогать, и этот проект мирной кампании очень вероятен. За спинами соседей начнет переговоры и Антанта — Англия скорее всего. Ведь она не знает — или не хочет знать, что такое большевики. Иной раз кажется — пускай! Если Европа не понимает, что нельзя терпеть рядом эту толпу белых негров, и договаривается с хитрыми надсмотрщиками — Европа достойна всех последствий этих договоров. Германии не простится ее Брест. Ни одной стране не простится ее бесчестие и недомыслие.

"А вот что сказал Горькому сам Ильич (так Горький, не без нежности, называет Ленина). Горький ездил к нему в Москву, с предложением "смягчить политику". (Это было уже зимой). Горький думал, что при "смягчении" Европа скорей пойдет на мир. "И так пойдет, — ответил Ленин. — Даже скоро. Нам мирная передышка необходима, ради нее обещано будет, что угодно, но не можем же мы изменить нашим принципам. И на деле останется все. Выпустим одних заложников — возьмем других. Разоружим один полк — вооружим два".

"Боже, как нам все ясно отсюда, нам, заглянувшим в лицо "смерти!" И как никто ничего не понимает — там!"

Это я писала уже перед самым нашим побегом из Совдепии, — из бывшей России. Наш побег решился внутренне именно в это время. Я по совести могу сказать, что он был решен внутренне, не внешне. Физически, для нас, бежать было гораздо труднее, чем оставаться. К голоду, к настоящему, т.е. когда мы целыми месяцами ели хлеб с соломой, мерзлую картошку, капусту с водой и *только*, — к голоду привыкаешь. Даже пронизывающий холод в комнате, даже постоянная тьма (мы сидели при ночниках последней время), даже лохмотья, которые мы носили — все это, в сущности, пустяки. Я, по крайней мере, не могу назвать это страданием. Человек удивительно много может вынести физически.

Тяжелее была душевная тошнота, которую мы испытывали в этой атмосфере лжи и крови.

Но непереносным оказалось одно: ощущение тряпки во рту. Непереносно, как преступление, знать, что знаешь что-то о России, чего другие не знают, — и молчать. Пусть нам не поверят, как не верят никому, но говорить мы должны и будем. Мы знаем две тайны о России, и эти две тайны мы должны постоянно раскрывать, что бы с нами ни было. Первая тайна — о большевиках, о их принципе *небытия*, и о том, что они никогда, ни на линию, пока существуют, этому принципу не изменят. Не могут изменить. Все будет как есть, пока они есть, т.е. будет громадное *Ничего* вместо России, а вскоре может быть вместо еще какой-нибудь страны, и еще...

Вторая тайна — о России, о людях, сию минуту населяющих Россию. Меня слишком бы далеко завело, если б я вздумала теперь говорить обо всей России, я ограничусь здесь Петербургом, как показателем. Все петербуржцы, — но все, сверху донизу, простой народ и остатки интеллигенции равно, за исключением властей и *некоторых* спекулянтов, — живут *исключительно* надеждой на переворот. Они его жаждут, они его ждут, они к нему готовятся каждый день, чуть не каждый час. Мы знаем не только целые учреждения, с виду большевицкие, полные таких людей, но может быть целые полки, ждущие лишь момента, лишь знака, чтобы повернуться прогив своих работодателей. Мы знаем, что летом даже кронштадтские матросы ждали: "Кому бы сдать? Да никто нас не берет". И летом довольно было двухчасового обстрела, чтобы от большевиков следа не осталось. Эти новые татары все свои автомобили держали наготове, чтобы удирать.

Я уже не говорю об интеллигенции. Она разъединена физически, но внутренне едина, как никогда; тут соединены даже самые слабые, т.е. ради куска селедки для детей служащие у большевиков. Нельзя требовать, чтобы в целом народе или классе все сплошь были героями. Героев может быть мало или много. И я прямо скажу, что за время большевиков у нас было сотни, тысячи, миллионы героев. Пассивных и активных. Разве не герои — все расстрелянные, после пыток, московские профессора, педагоги, писатели? Разве не герои — тысячи офицеров, которые все-таки не пошли в красную армию, хотя вместе с ними арестовывали их жен и детей. А другие сотни офицеров, полтора года тому назад

умершие замурованными *буквально* в нижних казематах крепости? Это факт, их скученные скелеты когда-нибудь отроют. Оставшееся большинство не имеющих силы идти на гибель своих близких не развратилось все-таки, оно ждет лишь момента, чтобы возникнуть и действовать, ждет первого толчка, новой февральской революции. Самодержавие большевиков горше, хуже николаевского — но дутая власть их слабее, и при самом легком ударе извне — она лопнет, как пузырь, чтобы могли сплотиться разъединенные искусственно русские силы, мог проснуться от кошмара русский народ. И уж, конечно, конечно, не для создания нового самодержавия, николаевского или ленинского — все равно!

Мы — такие же, как другие, мы лишь часть России подлинной, России февральской, России будущей. Тайну эту, т.е. что Россия *вся* сейчас готова восстать во имя демократизма и свободы, мы знаем изнутри, как знают там оставшиеся. От их лица, от их имени, за них — мы и говорим. Может быть, голос России не будет услышан. Может быть Европе суждены еще долгие судороги и потрясения. Может быть еще тысячи тысяч лучших людей погибнут в России, русских и иностранцев, — как недавно там погиб замечательнейший польский поэт. Все равно, когда-нибудь, кого-нибудь услышат; когда-нибудь поймет Европа, что спасение России — ее спасение, свобода России — ее собственная свобода, и мы верим, поймут это европейские народы — *не слишком поздно*. Наша крепкая вера, только она и позволяет нам смело оказывать теперь, в эту черную, страшную минуту:

Она не погибнет — знайте!
Она не погибнет, Россия...
Они всколосятся, — верьте!
Поля ее золотые.

И мы не погибнем, — верьте!
Но что нам наше спасенье?
Россия спасется — знайте!
И близко ее воскресенье.

ПИСЬМО КН. ГРУЗИНСКОЙ

Вильно, 17.2.1920

Милая, дорогая Зинаида Николаевна:

Вчера о. Диодор прочитал мне Ваше письмо, в котором Вы вспоминаете обо мне — и я сейчас же сажусь, пользуясь свободной минутой, чтоб написать Вам несколько слов. Я только что вернулась из-за границы, из Германии, куда ездила по поручению университета покупать книги — и приехавши сюда, узнала, что Вы — в Минске. Не думайте, дорогая моя, что я забыла Вас — напротив — постоянно о Вас всех вспоминаю в молитвах и часто, часто с ужасом спрашивала себя, *что и где Вы!* Слава Богу, что Вам удалось вырваться из большевицких лап — по опыту знаю, что это такое, т. к. все время их "панованья" в Вильне просидела в тюрьме, была приговорена к смерти, но слава Богу, одному священнику удалось, с опасностью жизни, пробраться с Св. Дарами на "Лукишки", это — местные "Кресты", и напутствовать меня. Три недели я каждый вечер, ложась спать, ждала расстрела ночью — но меня отстояла Христианская Лига рабочих Св. Казимира, которой большевики боялись, как огня, и которая, в конце концов, вместе с польскими войсками освободила город! Просидела я всего 11 недель, в общей камере с воровками и проститутками; большевики воображали, что этим нарочито "унижают" буржуйку, и жила с ними удивительно хорошо — тихо, как в монастыре. Весь день у нас был подъем — или шили, или молились, или я давала моим товаркам уроки. Так что я, в сущности, только могу благодарить Бога за эти 2 1/2 месяца и только боюсь, что не сумела использовать всей той благодати, которой было переполнено это время... Теперь я — лекторша при университете — очень там хорошо — дела масса, но такого милого. А кроме того, я в конгрегации [неразб.] миссионерок — и там, конечно, работы немало. Неужели Вы не приедете в Вильно? Отсюда в Варшаву всякий день идет поезд с *sleeping-car*'ом, выходящий в 7 ч. вечера и приходящий утром. А насчет помещения я похлопочу, если Вам все равно не быть в центре города, а в "Закрете" — то там есть прекрасный пансион "Villa Bethanie", где комнат сколько угодно, т. к. виленцы считают, что это очень далеко и зимой там не живут. А там красота и тишина и до Георгиевского

пр. (центр города) пешком 20 минут. Положим, что иных сообщений у нас больше нет — "конка" еще не ходит, а извозчики слишком дороги. В Бетании пансион с комнатой стоит 20 м. в день. Напишите, пожалуйста, приедете Вы или нет. Я тогда сейчас же пойду к настоятельнице и попрошу ее все для Вас устроить.

О многом хотелось бы поговорить — страшно подумать, чего Вы натерпелись физически, а еще пуще — нравственно... Но я уверена, что все это не даром, а великая милость Божия и залог спасения, не личного только, а всеобщего. Помните, как о. Григорий Шувалов благословился у Пия IX умереть за Россию и в ту же ночь, на молитве, скончался. А сколько теперь таких жертв — и ни одна, наверно, не забыта у Бога. Большое счастье теперь верить и не сомневаться — мне потому и жаль б-ов, что они — бесноватые, самые настоящие, не в переносном смысле слова, а одержимые сатаной... и что будет и их душам. Ведь они — сознательно, совершенно добровольно делают зло для зла. Ну, Христос с Вами — спешу кончить, чтоб сегодня же отправить письмо. Спасибо Вам еще раз за память — ничем, кроме грешной молитвы, отблагодарить не могу — но по крайней мере молюсь постоянно.

Искренне Ваша

Стася Грузинская

Димитрий ПАНИН

К ЕДИНЕНИЮ ХРИСТИАН

История свидетельствует об огромных трудностях при становлении христианства: первородный грех человека, стремление светской власти сначала уничтожить, а позднее подчинить себе Церковь, соперничество иерархов, пережитки языческих верований, сложность самого вероучения, его извращение и образование многочисленных сект, нашествие варваров, мусульман и многое другое.

Необходимость единения христианского мира следует из:

— сути самого вероучения (Церковь как мистическое Тело Христово должна быть единой: Еф.1.22-23, Еф.4.5, Ин.21.15-17, Мф.16.18-19),

— вящей необходимости спасения христианства и его цивилизации.

Религиозное обоснование единой христианской Церкви принадлежит отцам Церкви и богословам, посвятившим себя постижению глубин мудрости вероучения. Однако, и миряне могут выдвинуть решения о единении христиан и единстве христианского мира; право Церкви отвергнуть их или принять.

На протяжении веков обнаружилась несостоятельность стремления Церкви навязать унификацию догматов как предварительное условие объединения христиан. Не следует ли прежде стать христианам на путь объединения для борьбы с общим врагом?

Для христианского мира мерилом абсолютной истины, его этическими законами, должны служить заветы Спасителя по устройению Церкви. Один из них был дан только апостолу Петру: "... Ты Петр и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее. И дам тебе ключи Царствия Небесного, а что связано на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах" (Мф.16.18,19). "... Иисус говорит Симону Петру ... паси агнцев Моих" (Ин.21.15-17). Другой обращен ко

всем апостолам: "Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; что разрешите на земле, то будет разрешено на небе" (Мф.18.18 и сходный стих — Мф.28.16-20).

Давно назрела необходимость защитить христианский мир от натиска мирового зла — организованного безбожия и сатанизма, замаскированного губительными лжеучениями и бесчеловечными концепциями. Единение христианского мира возможно при объединении христиан для совместной борьбы с силами зла под главенством всемирного защитника их моральных ценностей, коим должен стать один из возглавляющих существующие Церкви: папа римский, вселенский патриарх константинопольский или архиепископ кентерберийский. Наиболее подготовлен для этой цели папа римский, ибо за ним многовековые традиции католического вероучения, 650 миллионов католиков, защита христианских ценностей, которую он осуществляет во всем мире, как и его предшественник.

Христиан разных исповеданий объединяет одна и та же вечная мораль, и каждый христианин таинством крещения участвует в мистическом Теле Христовом и принадлежит, тем самым, Вселенской Церкви, оставаясь в своей Церкви или секте. Христианин, участвуя в борьбе Вселенской Церкви с силами зла, не должен менять своих взглядов. Церкви или секты, к которым он принадлежит, могут вообще не войти во Вселенскую Церковь или войти в Нее позднее, но не должны мешать своей пастве сознательно участвовать в этой борьбе, ибо к тому же она порождает братские чувства между христианами.

На основании вышеупомянутых заветов Спасителя может быть создана из отдельных Церквей или сект Вселенская Церковь с главой (Мф.16.18-19) и с коллегией из глав других Церквей (Мф.18.18).¹ Если бы христианский мир состоял только из автокефальных (независимых и самоуправляющихся) Церквей со сходными догматами, но с различной иерархией и особенностями литургии, то образовавшаяся Вселенская Церковь могла бы в полной мере отвечать обоим заветам Спасителя. Но христиане оказались разбитыми на ряд Церквей и сект с их догматическими, иерархическими и литургическими особенностями. Попытки объединения христиан на основе немедленной унификации до сих пор не увенчались успехом. Поэтому этот процесс должен свершиться в два этапа: внешнее объединение и внутреннее единение. В случаях, когда внешнее объединение возможно, оно значительно опережает

внутреннее единение. Вселенская Церковь, отвечающая обоим заветам Спасителя, должна быть объединением христианских Церквей и сект и сохранять особенности каждой автокефалии: язык литургии, орган или хор, брак или безбрачие священников, иерархию, облачение, иконы, витражи, статуи и догматические взгляды. Во главе Вселенской Церкви стоит папа римский, обеспечивающий внешнюю защиту христианского мира. Апостольская коллегия гарантирует стабильность и пресекает давление на автокефальных членов Вселенской Церкви. Эта коллегия состоит из двенадцати глав автокефалий: православных патриархов и англиканских архиепископов, католических примасов, полномочных представителей протестантских объединений. Состав коллегии переменный, ибо срок пребывания в ней ограничен. У членов коллегии совещательный голос, но каждый из двенадцати глав может наложить вето на предложенное папой изменение, влияющее на догматы автокефалий и мораль верующих. Об изменении или новшестве, принятом коллегией, папа сообщает с кафедры (*ex cathedra*).

Могучую силу христианства как религии любви и братских чувств следует проявить при внутреннем сближении христиан, которое возможно лишь при добровольности, убеждении, взаимно перебрасываемых мостах и уважении к заветам Бога при наитии Духа Святого. В лоне Вселенской Церкви возможна дружная работа в этом направлении. И даже крайние протестанты смогут понять, что здание строится из крепких камней определенной формы, а не сыпучих и жидких тел. И необходимость иерархии и строгих взглядов сможет показаться им очевидной. Крепость христианского мира обусловит безопасность христиан, у которых общий враг. Поэтому каждый христианин-созидатель должен принять решение о своем участии в борьбе Вселенской Церкви с силами мирового зла, разрушающими христианскую цивилизацию.

В СССР я был полностью оторван от жизни на Западе и считал католическую Церковь могучим оплотом против коммунизма и безбожия. Пример маленькой литовской католической Церкви, мужественно сопротивлявшейся гонениям безбожной власти, навевал образ Римской католической Церкви, как несокрушимой крепости. Разгром православной Церкви в СССР и ее униженное рабское состояние вызывали боль и горечь. В тех условиях я

помогал Церкви Христовой лишь разоблачением марксизма и опровержением безбожия в пределах крошечных "микробратств". Перед отъездом на Запад я принял в Литве католичество, полагая себя солдатом воинствующей Церкви, способным вступить в ряды борцов с мировым злом. Вскоре я горько разочаровался. Ряды борцов обнаружили не удалось, иезуиты и доминиканцы, за редким исключением, из защитников римского престола превратились в робких чиновников, озабоченных, главным образом, тем, чтобы их не упрекнули в антикоммунизме и антисоветизме. Большинство священников и епископов разделяли левые взгляды, и их сознание было отравлено ядом марксизма; дисциплина отсутствовала, указания папы стали необязательными, сутаны были сброшены, единый язык Церкви упразднен. Большим бедствием были страсть к переменам и протестантские веяния. Особая опасность заключалась в том, что изменения вносились незаметно, без объявления о них с кафедры. Так было, например, с отменой обязательной исповеди перед причастием. Семинарии пустовали, монастыри закрывались, притока молодежи не было. В сельской местности в нескольких церквях служил один священник. Рим не осудил решительно и не предал анафеме такую жуткую ересь, как теология освобождения — гибрид марксизма и безбожия. Из катехизиса старательно изгонялась божественность Иисуса Христа и святость Божьей Матери, мистическая сущность явлений, чудеса. Враги христианства проникли в область формирования христианского сознания, но до последнего времени Рим молчал. С еретическими сектами (более 200 во Франции) борьба не велась, целые слои населения становились нехристианскими. Преподавание было проникнуто марксизмом. Учебные центры иезуитов и Католический Институт в Париже стали рассадниками марксизма, фрейдизма, теологии освобождения. В таком состоянии римская католическая Церковь походила скорее на развалины, чем на крепость, и до того как возглавить Вселенскую Церковь ей следовало навести порядок в своих рядах.²

В несчастной, униженной, растерзанной русской православной Церкви после 1917 г. я был по 1971 г. Ее боль и бедствия были и моими. На западе, увы, я снова стал свидетелем развала Церкви, на этот раз католической, который деятельно вершили ее же священники. Я знал по опыту, что мало разобраться в религиозном явлении и его понять, следует еще и пережить его духом своим. Лишь тогда приходишь к просветлению и взглядам более зрелым, чем

исходные. В последние годы я задыхался в католической Церкви, и меня неудержимо тянуло в православие. Внутренним зрением я увидел многое, и перевес православия над католичеством стал мне ясен.

Обе Церкви опирались на оба завета, но при этом было сделано ударение на разном. Римская католическая Церковь придерживалась, главным образом, завета Петру, и правильно восприняла заложенный в нем монархический принцип: апостол Петр — первый епископ Рима, его продолжатели — папы. Но "на земле" истолковывалось слишком широко и относилось не только к власти церковной, но и к светской, вопреки разграничению Спасителя "отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу" (Мф.22.21). Католическая Церковь требовала подчинения даже от королей и императора. Но это было возможным лишь при исключительном стечении обстоятельств в Средние века. В остальные века обе Церкви настаивали, убеждали, обличали. Все же у римской католической Церкви преобладало стремление повелевать светской властью, в то время как Восточная Церковь стремилась к симфонии с императорской властью. В первое тысячелетие христианства у Восточной Церкви не было особых возражений против авторитета папы. Главенство Рима в области вероучения в целом признавалось. Если бы в XI в. римская католическая Церковь не потребовала полного подчинения себе византийской Церкви и ограничилась бы признанием своего авторитета в делах веры и общей защиты христианства, то, возможно, не произошел бы разрыв между Церквями.

Православная Церковь опиралась на завет Спасителя всем апостолам, что позволяло отрицать безусловную власть папы и не соглашаться с изменениями в римской Церкви, происшедшими из-за неограниченной папской власти. Но в управлении своей Церковью православие опиралось на завет Петру с его монархическим принципом: патриарх — епископы — священники — миряне; на светских властителей Церковь воздействовала увещаниями и даже отлучениями. Требование Спасителя к Церкви "на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее..." (Мф. 16.18) православие твердо выполняет, отстаивая чистоту и неизменность вероучения со времени Вселенских Соборов. И в этом ее мудрость и сила. Пять веков турецкого владычества не сломили православие балканских народов. Несмотря на обвинения в консервативности, косности, излишней обрядности, русская православная

Церковь, благодаря твердости догматов и вере в спасительную мощь молитвы, оказалась способной преодолеть апокалиптические гонения, которые на нее обрушились после 1917 года. За истекшие с тех пор без малого 70 лет были уничтожены десятки миллионов православных, почти все духовенство, более 60.000 церквей, тысяча монастырей, семинарии, но силы ада не смогли одолеть Церковь Христову.

Для римской католической Церкви требование "камня" не стало категорическим: отдельные изменения в католичестве обернулись в XX веке бедствием. Затормозить этот процесс должна коллегия из глав Церквей ("Апостольская коллегия"). Исхождение Духа Святого от Бога-Отца следует из слов Спасителя: " ... Я пошлю вам от Отца Дух Истины, который от Отца исходит..." (Ин.15.27), и истина в этом вопросе на стороне православной Церкви. Новые католические догматы о чистилище и непорочном зачатии Девы Марии из слов Спасителя не следуют.

Сравним католическую Церковь после 2-го Ватиканского Собора с современной русской православной Церковью:

— Во всех храмах русской православной Церкви, находящихся на территории СССР и разбросанных теперь по всему миру, богослужение ведется на церковно-славянском языке; католическое богослужение — на национальных языках. Существует мнение, что, слушая молитву на родном языке, верующий сознательно участвует в литургии. Однако, главное — личное моление, которое прекрасно накладывается на церковно-славянский или латинский язык богослужения, создающий мистический фон. Раньше католические молитвенники на латинском языке издавались с параллельным текстом на национальном языке для сознательного участия верующих в литургии.

— В православии к причастию верующие допускаются лишь после исповеди, к которой им надлежит основательно подготовиться. Причастие и исповедь — большое для них событие. Римская католическая Церковь еще до 2-го Ватиканского Собора разрешала принимать причастие без предварительной исповеди. Таким образом, причастие стало незначительной частностью мессы, и величайшее таинство профанировалось. Теперь в католических церквях не причащают, а раздают причастие, да к тому же нередко в помощь священнику это делают прихожане.

— Христианин эпохи первых Вселенских Соборов вероятно не отличил бы привычную для него службу от службы в современном православном храме, в которой прихожане активно участвуют: молятся стоя (а некоторые всю службу стоят на коленях), часто совершают крестные знамения, коленапреклонения, бьют поклоны, склоняют голову при чтении Евангелия и каждении в их сторону, прикладываются к иконам и к распятию, ставят перед ними свечи, подают прощения о здравии близких и поминания усопших, целуют крест и руку священника. И уходят они из храма после богослужения с чувством просветления и отрады. Сам храм ухожен, как родное детище, в каждой детали чувствуется любовь прихожан к Богу.

Но тот же стародавний христианин, попав на католическую мессу Павла VI, решит, что это сборище расслабленных: все сидят и даже, в большинстве случаев, привалившись к спинке стула; за всю мессу прихожане совершают лишь два-три раза крестные знамения; на колени, как правило, не становятся; по приглашению священника иногда встают. В церкви царят запустение и серость; ощущение будничности: икон нет, стены обшарпаны, мало зажженных свечей, да и те спрятаны за колонной.

— В отличие от православия у католиков не причащают младенцев и малых детей, идя на поводу у сектантов, тем опозливших рационализм. Ведь человек помимо тела и мозга наделен душой с ее бездонными глубинами. Присутствие сызмальства на богослужении и приобщение к таинствам формирует христианский дух. А когда пробуждается сознание, начинают обучать закону Божьему.

— Спаситель не оставил заповеди о необходимости постов, но Своим примером призвал нас исполнять их. В русской православной Церкви полагалось поститься 255 дней в году. В римской католической Церкви посты отменены даже в монастырях. А ведь пост — не истязание плоти, он способствует управлению телом, его подчинению духу. Посещение церковных служб, исполнение таинств, покаяние и посты — прекрасная школа для воспитания христианского духа.

— Отмена сутаны у католических священников привела к снижению их авторитета и влияния, на радость разрушителей всех мастей. Теплое чувство и уважение рождались у меня при виде сельского французского священника в сутане, священник в гражданской одежде вызывал жалость и даже презрение. Ряса дарована

священнику при рукоположении и есть признак благодати и его готовности принять смерть мученика, коль таковая выпадет на его долю. Священник без рясы подобен дезертиру, сорвавшему погоню с шинели. Священникам в СССР приходилось укорачивать волосы с шинели. Священникам в СССР приходилось укорачивать волосы и бороду и заменять рясу шубой особого покроя. Но они ведь на улицах подвергались издевкам советской черни, и их можно извинить.

— Священник и верующие в храме во время богослужения стоят лицом к престолу в православной Церкви. До 2-го Ватиканского Собора так было и в римской католической Церкви. Это отвечает глубокому замыслу отцов Церкви: пастьрь ведет свое стадо к Богу. В очередной раз подражая сектантам, католики во всех своих храмах перестроили алтарь. И теперь священник стоит перед молящимися спиной к апсиде с изображением Спасителя или Троицы.

— В Литве на Пасху я не был, и первая католическая Пасха на Западе в соборе Св. Петра в Риме произвела на меня огромное впечатление. Сравнимо это богослужение лишь с прежними богослужениями в Москве в Архангельском или Успенском соборах Кремля в царское время, или с пасхальной службой до 29-го года в храме Христа Спасителя с их крестным ходом вокруг храма. Во всех, пусть маленьких, православных церквях на Западе к Пасхе готовятся в течение семи недель Великого поста, посещая три-четыре службы в неделю, исповедуясь и причащаясь, а на страстной неделе присутствуют на всех службах, светят кулич и пасху, в страстную субботу идут на заутреню, а в воскресенье на литургию. Во время заутрени священник и диакон много раз обходят верующих внутри храма. Многократно звучит их "Христос Воскресе", и хор верующих с радостью и восторгом им отвечает: "Воистину воскрес!" Все стоят с зажженными свечами и христосуются. В старое время в России колокольный трезвон продолжался всю пасхальную неделю. Люди ходили из дома в дом, поздравляли и угощали друг друга. Это был истинный праздник Воскресения Христова.

В последующие годы я был на Пасху в разных католических храмах, и меня поразила обыденность праздничной службы, ничем не отличающейся от серой службы в любое воскресенье. В пасхальную мессу Павла VI лишь внесено разнообразие в виде разноголового чтения Евангелия. К Пасхе верующие никак не готовятся,

и нет поэтому ожидания великого праздника. Редко кто из верующих исповедуется. И сам праздник проходит вяло и холодно. Надо уметь так растерять богатство! Не следует ли католикам вернуться к своим истокам или взять пример с живого православия? Не удивительно, что в наше время ряд католиков переходит в православие.

— Немалое число прекрасных католиков разбросано по белу свету, но друг с другом они разъединены. Некоторые из них удостоили меня своим вниманием. Эти люди в отличие от меня родились католиками и с детства следовали подлинным традициям католической Церкви. Мы вместе горевали о ее сегодняшнем состоянии. Одни из них были священниками и монахами и на своем посту несли все тяготы века, помогая ослабевшей Церкви; другие были милыми мечтателями, преисполненными доброты, великодушия, милосердия. Последние зачастую глубоко верили в пророчества, в помощь Духа Святого, в чудесное вмешательство Бога. Не сокрушая их надежд, я добавлял, что Бог творит чудеса посредством нас грешных, что мы должны наш долг выполнить сами, и Бог не создаст для этого людей из камней.

— На Западе полная религиозная свобода, и Церковь слабеет не из-за гонений на нее, как в СССР и в его странах-сателлитах. Она разваливается сама по себе, изнутри. Во Франции только 10% католиков посещают воскресную мессу. Посещение Закона Божия в школах факультативно. Безбожие одержало большую победу: целые слои населения перестали быть христианами. Страшный ущерб душе человека наносит марксизм, в оболочке которого существует безбожие, и заражена им также часть духовенства. Я рассчитывал встретить на Западе воинственные ордена доминиканцев и иезуитов, посвятившие все силы этой борьбе. Я полагал, что существует центр, объединяющий борцов с безбожием и марксизмом, куда я мог бы внести свою лепту. Я тщетно искал этот центр и так его и не нашел.

В подсоветской Церкви, хоть редко, но можно встретить поагента КГБ, о котором все в приходе знают, и соответственно к нему относятся. Но поп-марксист невозможен, ибо верующие его просто не станут слушать. Увы, погоня за новинками и непослушание энциклик пап привело на Западе к явлению священника, пропитанного марксизмом, или находящегося под сильным влиянием коммунистической агитации.

Православная Церковь незыблемо стоит на евангельских заветах и относится к ним как к абсолютной истине и святыне. В течение семи первых Вселенских Соборов отцы Церкви разрабатывали Символ веры и ниспровергали ереси гностиков, ариан, монофизитов и пр. При этом окончательно сложилось православие, которое считает недопустимым любое отклонение от догматов и Символа веры.

Мистическая глубина и мудрость православной Церкви высоко оценена богословской мыслью. Для мирян мудрость православной Церкви, в первую очередь, выражалась ее богослужебным чином, ее изумительной по глубине и красоте литургией,³ всенощной, утреней, молебнами, акафистами и другими службами. Православные имеют возможность приобщиться к общей молитве богослужения и сами вознести свои личные моления в идеально созданной для этого обстановке. Богослужение — центр их религиозной жизни. Проповедями священник направляет мирян; поучения на исповеди, советы, чтение рекомендованных книг развивает дух верующих и спасает их душу; дети изучают Закон Божий и катехизис. Так о Церковь, как о скалу, разбиваются темные силы и пагубные влияния. Но Церковь не подменяет свою паству. Она требует от прихожан защиты веры, христианских устоев, семьи и самой Церкви. Церковь категорически запрещает всевозможные новшества в литургии и не производит ни одного изменения без решения Вселенского Собора. В этом крепость и мудрость Православной Церкви.

В прошлом скупой досуг православного христианина был посвящен богослужениям и слушанию или чтению душеспасительных книг, как например, жития святых, четьи-минеи, проповеди Иоанна Златоуста. Это способствовало вере и исключало блуждания праздного ума, направляя его возможности на исполнение человеком своего долга. В жизнь народа, невзирая на все препятствия, Церковь стремилась внедрить заветы Спасителя. Она воспитывала людей в вере, глубокой и подлинной, за которую верующие способны были пожертвовать жизнью, равно как и за свое православное отечество. Несмотря на то, что православие рождалось в тяжелых исторических условиях (непрерывные набеги кочевников, войны, стихийные бедствия), уровень православных был достаточно высок, что позволило русской православной Церкви внести свой вклад в становление Московского Царства

и освобождение его от татарского ига, а затем превратить Россию в великую империю.

Погром православной Церкви после 1917 года объясняется ее тесной связью с царской властью, совершившей несколько грубых промахов. Так, при Петре Великом в 1721 г. Феофаном Прокоповичем была проведена реформа протестантского толка, по которой патриаршество было упразднено и заменено святейшим синодом. Церковь без патриарха потеряла свой праведный голос и не смогла настоять на скорейшей отмене крепостного права. А ведь задержка в отмене крепостного права явилась главной причиной гибели России.

Для защиты вечных истин христианского вероучения требуется совместный труд отцов Церкви и мирян. Углубление богословия и решение поставленных в нем проблем (о Троице, Духе Святом, благодати), — удел богословов, отцов Церкви, труды которых утверждают на Соборах. Разоблачение пустоты безбожия и антирелигиозных лжеучений по плечу светским ученым-христианам во всеоружии современных достижений науки. Исходя из единого принципа (густоты), мне, в свою очередь, удалось объяснить природу пространства, времени, движения, материи, бытия, небытия, пустоты, универсальных законов и творческое происхождение физического мира и эволюции. Поэтому я верю в реальность создания христианской философии, способной объяснить наиболее загадочные сложные явления жизни и духа человека, равно как и творческие акты Бога, и, тем самым, пополнить христианское любомудрие прошлого.

"... и возвращается ветер на круги свои" (Екк. 1.6).

ОБЪЯСНЕНИЕ К ВОПРОСАМ

Примечания :

1. Завет Спасителя (Мф. 18.18) имел свое выражение в конференциях епископов римской католической Церкви, у которых было право принятия решений, но которые, увы, собирались редко, хотя были предусмотрены каждые десять лет. Постоянным советником папы была римская курия. В синодальный период русская православная Церковь тоже управлялась коллегией митрополитов и епископов под недремлющим оком государя.

На 2-ом Ватиканском Соборе, согласно Мф. 18.18, было принято решение о создании коллегии епископов (коллегияльная власть), подчиняющейся главе Церкви. Тем самым, римская

католическая Церковь встала на путь создания Вселенской Церкви Христовой, реализующей оба завета Спасителя. (См. "Догматическое постановление о Церкви", Священный Вселенский Ватиканский Собор, 1966, с. 26-27).

2. Некоторые соображения по этому поводу изложены в моих статьях: *Sauvegarder notre foi*, revue "Le choix", Paris, 1977, № 3-4; *Иоанн-Павел II — надежда христиан*, Приложение к № 16-17 журнала "Выбор", Париж 1980.

3. "... Церковь — не культовая религия, а Литургия, обнимающая собою все творение Божье..." (В кн.: Прот. А. Шмеман "Евхаристия", УМКА-PRESS, 1984).

4. Д. Панин. "Теория густот", Париж 1982.

Комментарий от Редакции

Мы охотно печатаем статью известного русского диссидента, точнее сопроотивленца, прошедшего 14 лет в тюрьмах ГУЛага, Дмитрия Панина, хотя, конечно, никак не можем согласиться с его воззрениями на церковное единство. Православная точка зрения по этому вопросу прекрасно изложена в этом номере "Вестника" архим. Плакидой Десеем.

Если считать, что все Церкви ошибаются, то приходится признать, что Церкви больше нет, что дело Христово не удалось. Для православного верующего, православная Церковь и есть Единая Церковь. Остальные Церкви в разное время и в разной степени отпали от единого древа — православия, кто в V веке (монофизиты), кто в XI (вся западная Церковь), или же происходят от дальнейших расколов в отпавших церквях (протестантство во всех его разновидностях).

Догматические расхождения в некоторых случаях ослабились (восточно-монофизитские Церкви) или же наоборот усилились (не будь провозглашения новых догматов Римом, воссоединение с католиками было бы мыслимо). Боль разъединения усугубляется тем, что, за исключением крайних сект, общность веры с отпавшими преобладает над различиями.

Однако единство в церковном смысле может иметь целью само себя, исполнение завета Христа. Всякие превходящие мирские обстоятельства, как защита христианской цивилизации, следует

отбросить. Разумеется, между христианами разных Церквей необходимо, во исполнение закона любви, братское общение, взаимопонимание, сотрудничество в ряде областей. Но внешнее объединение без внутреннего в Церкви вообще немыслимо, ибо такой дихотомии (раздвоения) в ней не существует. Вселенская Церковь должна быть едина внутренне и внешне, причем, по православно-апостольскому убеждению, у нее нет единого видимого главы, ибо единственный ее глава — сам Господь Иисус Христос, как нет и единого географического центра, ибо единственный ее центр — Небесный Иерусалим.

Д. Панин мыслит "Вселенскую Церковь" наподобие международной организации. Напомним, что такая организация уже существует: это "Всемирный Совет Церквей", в который, кстати, католическая Церковь не согласилась войти, в отличие от поместных православных Церквей, так как боялась равенства с другими. ВСЦ не оправдал себя в политическом смысле, так как, начиная с 60-х годов, сильно накренился влево, и тем самым показал опасность внешних объединений.

Ошибочно Д. Панин думает, что Христом были даны два завета в устроении Церкви: монархический и коллегиальный. В первые века Церковь мыслила себя единой по вере, а не по иерархической структуре: за некоторыми важными центрами признавалось первенство "чести", но никак не власти (Рим, Антиохия, Александрия, позже Константинополь).

Д. Панин рисует довольно мрачную картину внутреннего развала римской Церкви, иногда мешая важное с неважным. Но действительно за последние четверть века римская церковь пережила, может быть, самый страшный кризис своей истории (хотя великая схизма XV века, когда заседало одновременно два враждебных собора, была не менее угрожающа, уж не говоря о реформатстве). Как будто, смеем надеяться, разложение приостановлено. Но будем осторожны: со времен Карла Великого в католичестве лежит *отрава* мирового господства, которое извращает само назначение христианства быть одновременно в мире и не от мира, не авторитетом, а любовью, не сверхгосударством внешне объединенным (в этом пункте Д. Панин остается близок к Риму, даже если его симпатии теперь на стороне православия), а таинственной закваской.

Н. С.

Распространяйте ВЕСТНИК

Среди Друзей
Студентов!
Славистов!

Прошу подписать

на ВЕСТНИК РХД 1986г.

— от моего имени и на мой счет — моих знакомых:

Фамилия: .....

Адрес: .....

Прошу послать от моего имени

и на мой счёт ВЕСТНИК РХД № .....

моим знакомым:

Фамилия: .....

Адрес: .....

Прилагаю чек в .....

(чеки выписывать на имя MESSENGER,
91, rue Olivier de Serres. 75015 Paris. France
почтовый счёт: ССР № 23-601-57 U Paris)

дата: .....

подпись: .....

адрес: .....

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции. Правдობязнь — Н. Струве 3

БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ

Молитва Господня — Прот. Георгий Бенигсен 5

Палама (проповедь) — Свящ. В. Лапковский (СССР) 17

Православная точка зрения на единство христиан
— Архим. Плакида Десей 21

Христос в Ветхом Завете — О. Матта эль-Мескин 43

П.А. Флоренский (Опыт характеристики его личности
и творчества) — Б.С. Белов (СССР) 54

Фра Иероним Савонарола (окончание)
— Архим. Амвросий Погодин 77

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Стихи — Юрий Кублановский 111

Глава 152 из "Марта Семнадцатого" (Узел III)
— А. Солженицын 119

Поэтическое богословие Марины Цветаевой
— Виктор Аксютин (СССР) 126

Елабужские дни — Н. М. 153

Последнее письмо Марины Цветаевой 162

Символика чисел в романе Замятина "Мы" — Н. Струве .. 164

Две тени: Блок и Гумилев
О Максимилиане Волошине — Ю. Ракитин 170

Памяти Р. Плетнева и Ю. Иваска 180

СУДЬБЫ РОССИИ

Жизнеописание иеромонаха Яранского Пророчицкого
монастыря отца Матфея (1858-1927) — Игумен Иоасаф. 183

■ К 300-летию Московской Духовной Академии
Отчет о состоянии Моск. Дух. Акад. за 1919/20 и 1920/21 гг. 196

Памяти архиепископа Василия Брюссельского
(Кривошеина) 1900-1985 — Прот. Борис Бобринский . 207

Из воспоминаний архиеп. Василия о Соборе 1971 г. 210

■ Из истории эмиграции
Лекция прочитанная в Минске в 1920 — З. Гиппиус 236

■ В порядке дискуссии
К единению христиан — Димитрий Панин 250

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

SOMMAIRE

<i>Editorial</i>	3
THEOLOGIE, PHILOSOPHIE	
<i>La Prière du Seigneur</i> – P. Georges Benigsen (USA)	5
<i>Saint Grégoire Palamas (sermon)</i> – P. V. Lapkovski (URSS) ...	17
<i>Point de vue orthodoxe sur l'unité des chrétiens</i> – Archim. Placide Deseille (France)	21
<i>Le Christ dans l'Ancien Testament</i> – P. Matta el-Meskin	43
<i>P. A. Florenski, sa personnalité, son œuvre</i> – B. Bélov (URSS)	54
<i>Savonarole</i> – Archim. Ambroise Pogodine (USA)	77
LITTERATURE ET VIE	
<i>Poésies</i> – Yu. Koublanovski (Allemagne)	111
<i>«Mars 17» (Chapitre 152)</i> – A. Soljénitsyne	119
<i>La théologie poétique de Marina Tsvétaéva</i> – V. Aksioutchütz (URSS)	126
<i>Les dernières journées à Elabouga</i> – N. M. (URSS)	153
<i>La dernière lettre de M. Tsvétaéva</i>	162
<i>Le symbolisme des chiffres dans le roman «Nous»</i> de <i>Zamiatine</i> – Nikita Struve	164
<i>Deux ombres du passé : Blok et Goumilev</i> <i>Souvenirs sur M. Volochine</i> – Yu. Rakitine	170
<i>In memoriam R. Pletnev et Yu. Ivask</i>	180

DESTINEES DE LA RUSSIE

<i>Vie du père Matthieu (1858-1927)</i> – Higoumène Josaphat (URSS)	183
■ Pour le 300-e anniversaire de l'Académie de Théologie de Moscou : Rapport sur la vie de l'Académie dans les années de la révolution – p. A. Orlov	196
<i>In memoriam archevêque Basile Krivocheine (1900-1985)</i> – p. Boris Bobrinskoy	207
<i>Souvenirs de Mgr Basile sur le Concile de Moscou de 1971</i>	210
■ Histoire de l'émigration russe <i>Conférence prononcée à Minsk en 1920</i> – Z. Guippius	236
■ Tribune libre <i>Vers l'unité des chrétiens</i> – Dimitri Panine	250

YMCA-PRESS

8891-11

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
75005 Paris

К 100-летию Н.С. ГУМИЛЕВА

ГУМИЛЕВ Николай (1886-1921) :

— СТИХОТВОРЕНИЯ (Составил В.П. Бетаки).

В своей стране Гумилев до сих пор под запретом, так как власти более полувека спустя не смеют признать, что расстреляли невинного поэта. Новая антология мужественной, мудрой, выпуклой, красочной поэзии Гумилева приурочена к 100-летию его рождения. "Избранному" предпосланы статья Гумилева "Читатели" и неизданная биографическая справка П. Лукницкого.

(150 стр. Цена: 54 фр.)

— НЕИЗДАННОЕ И НЕСОБРАННОЕ.

Составление, редакция и комментарии М. Баскер и Ш. Греем.

После трагической смерти Гумилева архив его либо исчез, либо состоял под запретом. Двум английским славистам удалось отыскать или собрать немалое количество неизданных стихов, фрагментов поэм и пьес, писем, и также многие биографические материалы. Издание содержит больше 100 страниц комментария и много новых фотографий.

(400 стр. Цена: 150 фр.)

Напоминаем изданные прежде :

— НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ И ПИСЬМА

(под ред. Г.П. Струве), 1980, 225 стр. (Цена: 69 фр.)

— МИК. Африканская поэма. (Репринт с изд. 1922),

1980, 46 стр. (Цена: 24 фр.)

ТРЕБУЙТЕ "ДОПОЛНЕНИЕ К КАТАЛОГУ 1985-86"

(Высылается бесплатно по первому требованию)

Заказы направлять: LES EDITEURS RÉUNIS —

11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris, France.

Le Messenger Orthodoxe

REVUE DE PENSÉE ET D' ACTION ORTHODOXES
éditée par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes
(Fondée en 1958)

Comité de Rédaction

J. BESSE, M. BRY, P. MARCAIS, M. MILKOVICH,
P. PASQUIER, I. ROVERE

Directeur : Nikita STRUVE

91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, F.
(Tél. 42.50.53.66)

N° 100 SOMMAIRE N° 100

<i>A nos lecteurs — Numéro 100</i>	1
<i>Office de saint Martin le Miséricordieux — Office composé par Jean Besse</i>	4
<i>Saints Timothée, lecteur, et sa femme Maure — Traduit du slavon par Lydia Ouspensky</i>	14
<i>Archim. Placide Deseille — L'Église orthodoxe et l'Occident</i>	18
<i>P. Georges Florovski — Saint Jean Chrysostome : prophète de la charité</i>	30
<i>Hiéromoine Grigorios — Saint Jean Chrysostome et la divine Liturgie</i>	37
<i>Nadine Fuchs — Le mystère sur la Montagne</i>	43
<i>Juliana Schmemmann — Femme de prêtre, épouse d'un prêtre</i>	47
<i>M. Lequeux — Le fil de l'épée</i>	52
<i>William Bush — Bernanos et les Carmélites de Compiègne</i>	61
<i>Serge Khodorovitch — Martyr pour la justice</i>	78
<i>Chroniques :</i>	
<i>1. L'icône athonite « Il est digne » à Thessalonique — J. Besse</i> ..	84
<i>2. Le métropolite Philarète — J. Besse</i>	85
<i>3. Le chant vieux-romain — J. Besse</i>	87
<i>4. In memoriam l'archevêque Basile de Bruxelles —</i>	88
<i>I P. Boris Bobrinsky</i>	85
<i>II Maurice Lequeux</i>	88
<i>5. Sur un livre de Constantin Andronikof — N. Fuchs</i>	93

Prix du numéro : 30 Frs

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Российские и зарубежные авторы
Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

"ПОСЕВ"

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм.

"ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы. 320 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 60 нм.

Отдел антикварных и подержанных книг

Основан в 1971 г.

Каталоги и списки выпускаются 6 раз в год и высылаются бесплатно по первому требованию. Присылайте списки разыскиваемых вами книг и журналов на русском языке и иностранных книг о России.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Ymca-Press

11 rue de la Montagne-Ste-Geneviève, 75005 Paris.

НОВИНКА !

А. АВТОРХАНОВ

Дела и дни Кремля

ОТ АНДРОПОВА К ГОРБАЧЕВУ

Известный специалист по вопросам советской внутренней и внешней политики, автор авторитетных трудов о партократии, Сталине, Хрущеве и Брежнев, доводит в этой книге свой анализ "дел и дней Кремля" до последнего XXVII-го съезда партии, "съезда неоправданных ожиданий и неожиданных сюрпризов". Авторханов ставит два вопроса, определяющих будущее СССР: примирится ли армия со своим изгнанием с вершин власти? Сумеет ли Горбачев поставить под свой контроль силу, которая привела его в Кремль.

352 стр.

100,- фр.

САЙН-ВИТГЕНШТЕЙН Кн. Е.Н. — ДНЕВНИК 1914-1918.

(Серия "Всероссийская Мемуарная Библиотека", 5-й выпуск), 300 стр. ....

120.-

События Первой мировой войны и Революции в непосредственных записях 20-летней барышни.

"Вы были весьма проникательной барышней, — писал А. Солженицын автору. — Вы в середине марта в Петрограде сформулировали, в общем, все то главное, что мне далось восемью томами повествования, и в чем я тоже абсолютно уверен".

СВЕТОВ Ф. — ОПЫТ БИОГРАФИИ.

Книга удостоена "Премии Даля" за 1985 год. 440 стр. ....

120.-

Известный писатель и критик "Нового Мира", участник сборника "Из-под глыб", арестованный в январе 1985 года без всякой вины, увлекательно рассказывает о своем детстве, об отце, марксисте и историке французской революции, исчезнувшем в очередной чистке, о своем трудном пути без семьи, о постепенном созревании, о первых годах оттепели, о несбывшихся надеждах.

СЕДАКОВА О. — ВОРОТА, ОКНА, АРКИ (Избранные стихотворения), 132 стр. ....

75.-

О. Седаква — одна из известнейших московских современных поэтесс, но ее в СССР не публикуют, ее поэзия — достойные Самиздата. Антология завершается небольшим эссе ценителя ее творчества Д. С.

"РУССКАЯ МЫСЛЬ" « LA PENSEE RUSSE »

РУССКАЯ МЫСЛЬ - самая большая русская еженедельная газета на Западе. Она выходит в Париже, каждый четверг на 16-ти страницах.

Главный Редактор: Ирина ИЛОВАЙСКАЯ

Адрес РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:

«La Pensée Russe», 217, rue du Fg Saint-Honoré - 75008 Paris

Tél. 561-05-79, 563-21-83, 563-94-47

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: (во франц. франках)

	3 мес.	6 мес.	12 мес.
ФРАНЦИЯ	74	138	265
ЗАГРАНИЦА	107	204	397

Почтовый счет: С.С.Р. 5883-44 K Paris

Цена отдельного номера 6 фр.

ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
КНИГА

ГАЛИНЫ ВИШНЕВСКОЙ

« Г А Л И Н А »

Автобиографическое повествование великой актрисы
русского оперного театра.

"La Presse Libre" и "Континент"

Париж 1985

Цена 200 Ф. Продается в русских книжных магазинах.

ВЕСТНИК

Издание

"Русского Студенческого Христианского Движения"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

В Америке — East :

Mrs Elisabeth Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.J. 07302, USA.

— West :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.

В Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.

В Англии :

«Aid to the Russian Church» (Miss Ellis), Schoolhouse,
Heathfield Rd, Keston, Kent.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.